

ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК»
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

**СУВЕРЕНИТЕТ – БЕЗОПАСНОСТЬ – ИНТЕГРАЦИЯ
КАК КОНСТАНТЫ УСТОЙЧИВОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ**

**БЕЛОРУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ:
МНОГООБРАЗИЕ В ЕДИНСТВЕ**

Материалы XI международной научно-практической конференции
(Гродно, 14–15 мая 2020 г.)

В 2 частях
Часть 1

Гродно
ГрГУ им. Я. Купалы
2020

УДК 321.01
ББК 66.4(0)
С89

Редакционная коллегия:

В. Н. Ватыль, доктор политических наук, профессор (гл. ред.);
А. А. Лазаревич, кандидат философских наук, доцент (гл. ред.);
М. Б. Завадский, научный сотрудник;
Н. В. Ватыль, кандидат политических наук, доцент;
В. Н. Линкевич, кандидат исторических наук, доцент;
О. В. Лапа, кандидат политических наук, доцент;
Л. И. Цыганкова, кандидат философских наук, доцент;
А. Б. Арлукевич, преподаватель;
Е. Н. Копылова, секретарь кафедры

Суверенитет – безопасность – интеграция как константы
С89 устойчивого государственного развития: международный опыт и национальные реалии. Белорусская политология: многообразие в единстве : материалы IX междунар. науч.-практ. конф. (Гродно, 14–15 мая 2020 г.). В 2 ч. Ч. 1 / Ин-т филос. Нац. акад. наук Беларуси, ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: В. Н. Ватыль (гл. ред.), А. А. Лазаревич (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2020. – 249 с.

ISBN 978-985-582-343-9 (ч. 1)

ISBN 978-985-582-342-2

Отражены основные направления развития отечественной политологии в её органическом сочетании с мировой; значительное место уделено анализу перспектив политического знания и политологии в Республике Беларусь. Адресовано преподавателям социально-гуманитарных дисциплин, представителям практической политики, студентам, аспирантам.

УДК 321.01
ББК 66.4(0)

ISBN 978-985-582-343-9 (ч. 1)
ISBN 978-985-582-342-2

© Государственное научное учреждение
«Институт философии
Национальной академии наук Беларуси», 2020
© Учреждение образования
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», 2020

Т. И. Адуло

(Институт философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск,
tadoul@mail.ru)

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ КАК ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ ГОСУДАРСТВА

Русского учёного Дмитрия Ивановича Менделеева традиционно считают крупнейшим химиком, создавшим периодическую систему элементов, заложившим основы теории растворов, изобретшим вид бездымного пороха, и, кроме того, неординарным технологом, разработавшим промышленный способ фракционного разделения нефти и внедрившим его на бакинских нефтяных промыслах, выдающимся педагогом, народным просветителем, незаурядным организатором, стоявшим у истоков русского химического общества и Главной палаты мер и весов, активным общественным деятелем. Но только этим деятельность русского учёного-энциклопедиста не ограничивалась. Он внёс существенный вклад в теоретическое осмысление целого ряда вопросов физики, метеорологии, воздухоплавания, сельского хозяйства. Наконец, в научной, организационной и общественной деятельности Д. И. Менделеева особое место заняли проблемы экономического развития России и её места в мировой экономике. Многие идеи, высказанные и активно отстаиваемые великим мыслителем, созвучны нашей эпохе. Вот лишь отдельные из них:

1. Прежде всего, Д. И. Менделеев, в отличие от многих дворян и государственных чиновников, не сомневался в промышленной отсталости России по сравнению с европейскими государствами и считал, что для «блага народного» надо заботиться «не столько о развитии у нас одного земледелия, сколько о росте всех видов промышленности и на первом месте о росте горной, обрабатывающей, перевозочной и торговой промышленности» [1, с. 134]. Сложившаяся на протяжении веков практика экспорта в Европу продукции российского земледелия, в основном зерна, уходит в прошлое, и теперь «первичные или натуральные формы сельского хозяйства должны быть считаемы только за историческую подготовку, а отнюдь не за норму...» [1, с. 20].

2. Мыслитель ощущал опасность промышленного отставания для жизнеспособности российского государства. Развитая промышленность – это не только благосостояние народа, но и материальная основа безопасности России. Поэтому «начинать заботы об улучшениях в обороне следует с пороха и вообще взрывчатых веществ. Как во всём другом, надо совершенно бросить и тут систему подражаний и пойти самостоятельно [1, с. 378].

3. Учёный понимал, что и европейские государства, и США не желают промышленного развития России, дабы не создавать себе конкурента и не лишаться выгодного рынка, намерены и в дальнейшем использовать Россию лишь как сырьевую базу для развития собственного производства.

4. Как неизбежное следствие такой позиции Европы и США – потенциальные экономические войны в отношении России – «в новейшие времена экономическая война стран ведётся непрерывно и требует организации сил и средств, подобно военной обороне страны» [1, с. 31].

5. На этом основании учёный пришел к заключению о необходимости индустриализации России, главным образом, за счёт собственных ресурсов, тем более, что такой опыт уже имелся, – речь идёт о бакинских нефтяных промыслах, в наладке которых он принимал непосредственное участие. Но не только нефть, но и другие отечественные природные ресурсы необходимо перерабатывать у себя, производить продукцию как для собственных нужд, так и на экспорт. Он отмечал: «...осмеливаюсь заметить, что если бы только в отношении к каменному углю и железу действительность столь же быстро и столь же широко оправдала законные ожидания, основанные на знакомстве с русской природою, как оправдались ожидания и меры, касавшиеся бакинской нефти, тогда бы и промышленная будущность Отечества и его экономическая независимость стали бы действительностью» [2, с. 196]. Иностранных инвесторов, полагал он, можно привлекать лишь временно, лишь с той целью, чтобы накопить отечественный капитал, необходимый для образования и развития отечественной науки. В дальнейшем предлагал избавляться от них.

6. Индустриальное преобразование страны учёный считал необходимым выстраивать на базе просвещения – повсеместно развивать первоначальное (элементарное), среднее (преимущественно гимназическое) и высшее образование. Особое внимание он уделял высшему образованию, исходя из всё более возраставшей потребности отечественной промышленности в высококвалифицированных специалистах. Вузы предстоит укомплектовать опытными педагогами, обладающими, к тому же, весомыми научными достижениями, поскольку «дело развития и роста народного просвещения немислимо без широкого развития науки вообще» [1, с. 7]. Таким образом, просвещение трактовалось в широком смысле этого слова – не только как образование, но и как сфера научно-исследовательской работы. Кроме того, Д. И. Менделеев ратовал за расширение разнообразных первоначальных видов профессионального образования. В целом же, вопрос об образовании являлся для русского мыслителя чуть ли не ключевым в его размышлениях о будущем России.

7. Особо отметим то, что Д. И. Менделеев был активным сторонником протекционизма по отношению к отечественному товаропроизводителю, создал фундаментальный труд, посвящённый тарифам, посредством которых стремился его защитить. Он утверждал: «...я считаю уместным обратить внимание на очевидные, уже достигнутые, результаты существующей покровительственной таможенной охраны, чтобы через эти примеры по-

казать, сколь благотворны могут быть плоды разумного и выдержанного таможенного покровительства (соединенными с другими мероприятиями) для России в целом её хозяйстве, как народном, так и государственном, если избранные для покровительства товары и производства имеют условия для внутреннего их процветания в нашей стране» [2, с. 510].

8. Д. И. Менделеев сделал вывод о том, что только экономическая независимость является действительной независимостью государства. До тех пор, пока Россия будет оставаться лишь поставщиком сырьевых ресурсов, ни о какой её независимости не может быть и речи. Главный экономико-политический вывод Д. И. Менделеева в дальнейшем подтвердился. Не развив в достаточной мере промышленный сектор, Россия потерпела поражение в Первой мировой войне. Более того, российский император и его правительство допустили грубейшую ошибку, решив под влиянием своих «партнёров» принять участие в войне против Германии и её союзников. Вероломное нападение Германии на СССР в 1941 году преследовало те же цели европейцев – не дать возможности СССР быть экономически независимым государством. «Перестройка» в СССР 1990-х годов, опять же, осуществлялась по разработкам и сценариям Запада с той же целью. И поставленной цели он достиг: на постсоветском пространстве в настоящее время нет ни одной экономически независимой, т. е., по определению Д. И. Менделеева, действительно независимой страны. Ярким примером может служить нынешнее экономическое положение России, Украины и других государств, о чём свидетельствуют как статистические данные, так и признания политиков, стоявших у истоков «перестройки». Например, автор нашумевшей масштабной программы «500 дней» Г. А. Явлинский отмечает, что восприятие России «все больше отражает её нынешнее состояние пусть и весомой, но периферийной и сравнительно малозначимой части мирового хозяйства, чья роль, с одной стороны, сводится преимущественно к поставкам нефти и газа, некоторых других сырьевых продуктов, а также торговле «ширпотребом» ВПК и оказанию некоторых транспортных услуг, а с другой – к потреблению товаров массового спроса» [3, с. 10].

Жизненность и действительную независимость постсоветские государства обретут лишь в том случае, если совместными усилиями и напряженным трудом граждан и своих правительств воссоздадут национальные экономику, науку и интеллект, растроченные за тридцать лет поспешных реформ. В этом плане предложенная в своё время Д. И. Менделеевым система эволюционных социальных преобразований для благополучия граждан и поступательного развития России, охватывающих просвещение, науку, промышленность и управление, не потеряла своей актуальности для постсоветских государств.

Список литературы

1. Менделеев, Д. И. Заветные мысли: Полное издание (впервые после 1905 г.) / Д. И. Менделеев. – М. : Мысль, 1995. – 413, [2] с.
2. Менделеев, Д. И. Материалы для пересмотра общего таможенного тарифа Российской империи по Европейской торговле / Д. И. Менделеев // Сочинения. Т. XVIII. – М. : Изд-во АН СССР, 1950. – С. 187–503.
3. Явлинский, Г. А. Периферийный авторитаризм. Как и куда пришла Россия / Г. А. Явлинский. – М. : Моск. ведомости, 2015. – 264 с.

Н. И. Андрейчик

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
Elsterchen1@mail.ru)

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

На современном этапе развития нашего общества, который обусловлен многочисленными культурологическими связями, наблюдается перераспределение ценностей, ориентиров и мотиваций в системе образования. Универсальным подходом к системе образования становится обучение межкультурной коммуникации. В самом понятии межкультурной коммуникации заложено равноправное культурное взаимодействие представителей различных лингвокультурных общностей с учетом их самобытности и своеобразия, что приводит к необходимости выявления общечеловеческого путем сравнения иноязычной и собственной культур.

Вопросами изучения межкультурной коммуникации ученые занимались давно, однако эта проблема стала рассматриваться лингвистами совсем недавно с новой позиции изучения не только языка, но и культуры другой страны, что способствует усилению воздействия межкультурной коммуникации на обучающихся для более практического освоения иностранного языка. Межкультурная коммуникация – это совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам. В настоящее время можно выделить несколько подходов и точек зрения в исследованиях, занимающихся изучением взаимосвязи языка и культуры и их соотношением.

Первый подход разработан группой российских культурологов, таких как С. А. Артановский, Г. А. Брутян, Е. И. Кукушкин, Э. С. Маркарян. Они считают, что взаимосвязь языка и культуры – это движение в одну сторону [1, с. 62]. Поскольку язык отражает действительность, а культура есть неотъемлемый компонент этой действительности, с которой сталкивается человек, то и язык – это простое отражение культуры. На наш взгляд, культура не существует вне деятельности человека и социальных общностей. Именно человеческая деятельность породила, по словам М. С. Кагана, новую «сверхприродную» среду обитания – четвертую форму бытия –

культуру. Культура – мир человеческой деятельности, преобразование человеком природы по законам общества. Ещё М. Хайдеггер подчеркивал, что «человеческая деятельность понимается и организуется как культура. Культура теперь – реализация верховных ценностей путем культивирования высших человеческих достоинств. Из сущности культуры вытекает, что в качестве такого культивирования она начинает в свою очередь культивировать и себя, становясь таким образом культурной политикой» [2, с. 93].

По мнению В. И. Карасика, «язык и культура – важнейшие понятия гуманитарного знания. Социальная сущность языка заключается в том, что он существует, прежде всего, в языковом сознании – коллективном и индивидуальном. Соответственно языковой коллектив, с одной стороны, и индивидуум, с другой стороны, являются носителями культуры в языке» [3, с. 8]. Но если воздействие культуры на язык вполне очевидно, то вопрос об обратном воздействии языка на культуру остается пока открытым.

Основу второго подхода в изучении взаимосвязи языка и культуры составляет гипотеза лингвистической относительности, создателями которой стали американские лингвисты Э. Сепир и Б. Уорф, согласно которой люди видят мир по-разному – сквозь призму своего родного языка. Реальный мир существует постольку, поскольку он отражается в языке. Но если каждый язык отражает действительность присущим только ему способом, то, следовательно, языки различаются своими «языковыми картинками мира». Б. Уорф полагал, что язык – не средство выражения, не «упаковка мыслей», а скорее, форма, определяющая образ наших мыслей». Мы можем по-разному видеть и воспринимать мир, но именно язык определяет способ нашего видения и восприятия окружающего мира [4, с. 173].

Гипотеза лингвистической относительности дала толчок многочисленным исследованиям, посвященным проблематике взаимосвязи языка, мышления, культуры, что способствовало появлению третьего подхода, сторонниками которого выступают российские исследователи, такие как Б. А. Серебrenников, С. Г. Тер-Минасова, Р. М. Фрумкина. Его основу составляет утверждение о том, что язык – это факт культуры; во-первых, потому что он является ее составной наследуемой от предков частью; во-вторых, язык – основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру; в-третьих, это важнейшее явление культуры, поскольку понимание сущности культуры возможно только через рассмотрение явлений этой культуры как кодов, формируемых подобно языку, и естественный язык имеет лучше всего разработанную модель такого рода кодов.

Мы разделяем мнение приверженцев данного подхода и указываем на то, что концептуальное осмысление культуры происходит только посредством естественного языка. Язык является составной частью культуры и ее орудием, действительностью нашего духа, ликом культуры; он способен выражать специфические черты национальной ментальности.

Значимость индивидуального, межличностного общения во всех сферах практической деятельности сегодня ценится высоко. Межкультурная коммуникация – это всегда межличностное общение, в котором очень важное место занимает культурная среда, в которой сформировались коммуниканты.

Изучение иностранного языка – личностная потребность, которая находит свое проявление в социальном взаимодействии, общении. Успешность общения зависит не только от желания говорящего вступить в контакт, но и от умения реализовать речевое намерение, которое зависит в свою очередь от степени владения единицами языка и умения употреблять их в конкретных ситуациях общения (при этом знание отдельных элементов языка само по себе не может быть отнесено к понятию «владение языком как средством общения»).

Научить людей общаться (устно и письменно), научить производить, создавать, а не только понимать иностранную речь – это трудная задача, осложненная еще и тем, что общение – не просто вербальный процесс. Его эффективность, помимо знания языка, зависит от множества факторов: условий и культуры общения, правил этикета, знания невербальных форм выражения (мимики, жестов), наличия глубоких фоновых знаний и многого другого.

Таким образом, язык и культура – сложные и многогранные явления, имеющие коммуникативно-деятельностную, ценностную и символическую природу. Культура устанавливает место человека в системе общественного производства, распределения и потребления материальных ценностей. Она целостна, имеет индивидуальное своеобразие и общую идею и стиль. Язык не просто называет то, что есть в культуре, не просто выражает ее, формирует культуру, как бы прорастая в нее, но и сам развивается в культуре. Культура формирует сложную и многообразную языковую систему, благодаря которой происходит накопление человеческого опыта и передача его из поколения в поколение. В то же время сама форма существования языка определяется уровнем развития материальной и духовной культуры общества.

Главный ответ на вопрос о решении актуальной задачи обучения иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках.

Список литературы

1. Садохин, А. П. Теория и практика межкультурной коммуникации : учеб. пособие / А. П. Садохин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 271 с.
2. Хайдеггер, М. Время картины мира / М. Хайдеггер // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986. – С. 93–119.
3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград, 2002. – 477 с.
4. Уорф, Б. Л. Наука и языкознание / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 169–182.

Д. Аннаев

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
d.annayev.1994@bk.ru)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРАВА И РЕЛИГИИ В ИСЛАМСКОМ ПРАВОВЕДЕНИИ

Для того чтобы получить всеобщее признание, религиозные или нравственные ценности обязательно должны облекаться в правовую форму и получить юридическое обоснование, которое, в свою очередь, опирается на чисто правовую аргументацию. В итоге нередки конфликты между правом, с одной стороны, и религией вместе с моралью – с другой. В мусульманской среде (собственно, в исламских странах или в рамках сообществ мусульман за пределами мусульманского мира) право лимитировано религиозными (а значит, нравственными) мерками.

Типичным в этом отношении является Исламская Декларация прав человека 1990 г., одобренная на форуме министров иностранных дел стран – членов организации «Исламская конференция» (с 2012 г. – Организации исламского сотрудничества). Согласно ст. 24 этого документа, все закрепленные в нем права и свободы ограничены нормами шариата.

Интересно, что в период становления и на начальных этапах развития практически все основные правовые системы современности опирались на теологические источники. Но в своем нынешнем виде европейское право уже никак напрямую не связано с религией, а исламское право, наоборот, в целом не может рассматриваться вне религиозного сознания и соответствующей ему нравственности. Данная особенность служит подтверждением того факта, что если в Европе в целом достаточно давно произошло отделение религиозного от мирского, то в мусульманском мире до сих пор ислам охватывает, по сути, все стороны жизни общества и мусульман.

В настоящее время религиозное и мирское начала сосуществуют в рамках ислама, выступающего, как говорят мусульманские мыслители, одновременно и религией, и государством. Поэтому даже с учетом заметных различий между этими двумя сторонами жизни мусульманского общества они теснейшим образом взаимодействуют. В итоге исламское право, будучи в целом юридическим феноменом, испытывает серьезное влияние религии ислама и соответствующих нравственных стандартов. Условно говоря, над исламским правом в юридическом смысле стоит шариат, который выступает преимущественно в качестве религиозного феномена.

Для мусульманского мира в целом характерно заметное несовпадение официально провозглашенных норм законодательства с массовым правосознанием и сложившейся в обществе системой ценностей, которые формируются под определяющим влиянием традиций, прежде всего, исламских догм. В частности, если конституции мусульманских стран закрепля-

ют принципы свободы и равенства всех граждан независимо от расы, пола или вероисповедания, то это еще отнюдь не означает, что исламская правовая мысль последовательно отстаивает указанные критерии, и на практике они реализуются в точном соответствии с буквой закона. Именно исламские принципы вместе с местными традициями существенно корректируют положения законодательства, наполняют их особым содержанием. Без учета такой специфики анализ позитивных правовых норм будет неполным, а то и просто ошибочным. Именно этим исламское понимание прав человека отличается от демократических либеральных стандартов.

Речь, в частности, идет о различной трактовке свободы человека и ее пределов. Если либеральный взгляд допускает ограничение свободы одного человека лишь рамками свободы других людей, то исламская мысль связывает эти границы, прежде всего, с императивными нормами (главным образом, с запретами) шариата. Причем эти предписания со стороны могут казаться посягательством на права и свободы человека, но ислам их воспринимает как высшую, божественную, справедливость.

Принцип ограничения прав и свобод человека религиозно-этическими рамками характерен не только для ислама.

Современное исламское правоведение формально признает большинство прав и свобод человека в их либеральном понимании, но ставит их в зависимость от соблюдения императивных предписаний шариата, что существенно изменяет саму природу института прав человека.

В частности, свобода религии понимается исламской юриспруденцией не только как право на исповедание веры и совершение религиозных обрядов, но и свободное (иногда и обязательное) следование исламским традициям в мирской жизни (например, относительно женской одежды). Кроме того, со ссылкой на императивные положения шариата исламская концепция прав человека трактует принцип равенства по-своему, придерживаясь не строго юридических, а, скорее, социально-нравственных критериев.

Таким образом, исламские критерии продолжают достаточно серьезно влиять на закрепление прав и свобод человека, практику их реализации. По сути, эти ориентиры в том или ином виде приобретают правовой статус, включаются в законодательство или санкционируются в косвенной форме. Религиозно-этические ограничители играют заметную роль в самом понимании указанных прав и свобод, включая принцип равенства. Можно констатировать, что право в большинстве мусульманских стран по содержанию и по форме не освободилось от исламских традиций, которые остаются не только религиозными правилами, но и правовыми регуляторами. Причем независимо от того, закрепляются ли эти исламские нормы в законодательстве или действуют за его рамками, они формируются в значительной мере под влиянием исламской правовой мысли, точнее говоря – фикха.

Н. А. Антанович

(Белорусский государственный университет, г. Минск, ninaant@rambler.ru)

ДИЛЕММЫ БЕЗОПАСНОСТИ, СУВЕРЕНИТЕТА И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Практически три десятка лет страны бывшего социалистического лагеря и республики бывшего СССР существуют как суверенные государства. За этот достаточно длительный период на смену процессам либерализации и попыток демократизации эти страны вышли на траектории самостоятельного развития. Несмотря на идеологические различия, лежащие в основе политического курса, в странах постсоветского пространства (хотя этот термин считают спорным в 20-е гг. XXI в.) проявились процессы политической институционализации, стабилизации и динамики политической системы, акцентирования вопросов безопасности и суверенитета (в ряде работ, описывающих указанные процессы, применяется термин «секьюритизация»).

Эпоха постиндустриализма и глобализации, как, впрочем, и прошлые эпохи, формирует противоречивые явления:

Феномен	Его обратная сторона
Размывание суверенитета в силу грандиозных возможностей коммуникаций «поверх государственных границ», смягчение пограничных режимов.	Стремление укрепить суверенное государство, защитить границы, обеспечить внешнюю безопасность, акцентирование ценностей национально-государственного развития.
Интеграционные процессы, имеющие как экономическую составляющую, так и политическую перспективу.	Противодействие проявлениям неэквивалентного взаимодействия в рамках интеграционных образований для защиты национальных интересов.
Свобода коммуникативных потоков, рост влияния масс медиа крупных государств на «малые страны».	Озабоченность национальных государств своей информационной безопасностью, вовлечение в информационное противоборство.
«Post-Cold War Peace», декларации снижения милитаризации со стороны стран «старой демократии».	Новая «холодная война», нарастание милитаризации и торговли оружием, сохранение прежних «точек напряженности» и появление новых регионов, где сталкиваются интересы ведущих мировых держав.
Многополярность международных отношений, появление новых центров силы и влияния на международные отношения.	Доминирование мировых держав, нарастание конкуренции между ними, продолжение борьбы за богатые сырьем страны, политика давления на «малые государства», особенно обладающие важным геополитическим положением.

Приведённая выше таблица демонстрирует, что внутривнутриполитические процессы, как никогда ранее, зависят от внешнеполитического влияния, что особенно актуально для так называемых малых государств.

Можно утверждать, что в эпоху глобализации сами процессы *суверенизации* имеют сходные причины и логику развития, проявляющуюся в ряде дилемм:

- фактическое принятие принципов общества потребления (изначально свойственных западной цивилизации) незападными странами при одновременном официально декларируемом непринятии общества потребления;

- декларирование и конституционное закрепление демократических принципов в форме принципов правового государства и практика применения авторитарных методов управления;

- инверсия политического плюрализма с нарастанием популизма. Политический популизм подпитывается и востребуется социальными группами, тяготеющими к консервативным и ультраправым политическим силам, к слоям, противодействующим миграции и социальной мобильности;

- экономические и геополитические успехи «новых индустриальных стран» в их стремлении войти в число стран-лидеров глобального развития и проблема глубинных ценностно-идеологических и даже технологических оснований развития «новых индустриальных стран»;

- использование дискурса безопасности и угроз дестабилизации в государственном управлении;

- дилеммы преемственности политического развития и обновления политического курса.

Преемственность может трактоваться и как сохранение политического курса конкретной элитой во главе с лидером, получавшей власть в нескольких электоральных циклах, и как легитимная ненасильственная передача власти инкубентом новой политической элите, при которой сохраняется институциональная конфигурация политической системы.

С нашей точки зрения, имеет смысл выделить институциональный и персоналистский типы преемственности. Институциональный тип преемственности власти основывается на сохранении сложившегося институционального устройства при допущении его эволюционных изменений. Персоналистский тип заключается в передаче власти преемнику при условии гарантий. Модели этой передачи могут различаться. И. М. Чудинова отмечает, что «в условиях демократизации общественной жизни преемственность становится востребованной самим обществом и закрепляется всеобщими выборами...» и разграничивает несколько типов преемственности:

- «передача власти одному человеку – преемнику, который вызывает доверие у главы государства и обладает способностями для продолжения деятельности предшественника»;

– «преемственность как утвердившийся статус правящей элиты, [когда]... преемником выступает не одно лицо, а несколько участников, находящихся во властных структурах»;

– «преемственность политического курса, когда передающий власть надеется..., что начатый им политический курс будет продолжен» [1].

Приведенные выше типы преемственности, с нашей точки зрения, не исключают друг друга.

Панов П. В. считает, что «преемничество как особая модель воспроизводства власти... сочетает в себе черты, присущие другим моделям (наследование, назначение, выборы), но не сводится ни к одной из них... Преемник вынужден балансировать между лояльностью по отношению к своему предшественнику и стремлением к самостоятельности. Преемник как модель воспроизводства власти достаточно часто встречается на постсоветском пространстве, в Латинской Америке, Азии и Африке [2, с. 20]. Преемничество в постсоветский период применялось в России, Армении, Азербайджане, Казахстане.

Отметим, что преемственность политического курса предполагает сохранение сложившейся институциональной структуры. Нарушение преемственности может породить общенациональный кризис.

В XXI в. обострение информационных, экологических, энергетических аспектов глобальных проблем, пандемий инфекционных заболеваний выводит на высшие позиции проблематику безопасности общества и государства. Одним из первых исследователей секьюритизации стал Б. Бузан (B. Zuzan), который определил, что в различных социальных сферах (в политической, военной, экономической, социальной, в сфере окружающей среды) отражаются проблемы аспектов безопасности. Б. Бузан с соавторами в 1988 г. выпустил книгу «Безопасность: новая структура анализа».

Секьюритизация как политическая и управленческая технология применяется путем политизации социально значимых проблем либо путем искусственного конструирования проблем в качестве социально значимых, связанных с высокой угрозой, даже выживанием общества в целом либо отдельных социальных групп. Глубинную основу секьюритизации составляет противопоставление «свой-чужой» [3, с. 104]. Современное понимание секьюритизации, основанное на социальном конструктивизме, шире традиционной трактовки безопасности, где она связывалась лишь с военными и силовыми аспектами. Секьюритизация проявляется в таком политическом дискурсе, который пронизывается прямыми указаниями либо отсылками к различного рода угрозам.

События 2020 г. (COVID-19) обострили проблемы биологической безопасности. Биологическая безопасность означает способность живого организма или популяции в целом сохранять свои биологические качества / биологическую целостность. Угрозами могут быть утрата биологических

ресурсов, внедрение чужеродных бактериальных и вирусных генов в существующую биосистему, создание новых вредоносных паразитов, выработка и применение новых опасных для биосистемы веществ. В Беларуси создан Национальный координационный центр биобезопасности при Институте генетики и цитологии Национальной академии наук Беларуси (в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 969 от 19.06.1998) [4].

Проблемы безопасности, суверенитета и преемственности теснейшим образом связаны в политическом процессе. И так было в истории человеческой цивилизации со времени, когда суверенитет государства стал феноменом Вестфальского мира. Однако в XXI в. на то, как обеспечивается безопасность общества и государства, как реализуются национальные интересы, как обеспечивается политическая стабильность, влияют феномены глобальной взаимозависимости, конкуренции, стремления к доминированию и извлечению выгод для своего государства.

Список литературы

1. Чудинова, И. М. Преемственность власти / И. М. Чудинова // Социально-гуманитарные знания [Электронный ресурс]. – 2010. – № 6. – Киберленинка. 2020. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/preemstvennost-vlasti> – Дата доступа: 12.03.2020.
2. Панов, П. В. Политический порядок и проблема воспроизводства власти: институт преемника / П. В. Панов // ПОЛИТЭКС. – 2010. – № 3. – С. 19–34.
3. Коньшев, В. Н. Социальный конструктивизм о проблемах безопасности / В. Н. Коньшев, А. А. Сергунин, С. В. Субботин // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – № 3. – С. 94–112.
4. О Центре [Электронный ресурс] / Национальный координационный центр биобезопасности при Институте генетики и цитологии Национальной академии наук Беларуси. 2020. – Режим доступа: <http://www.biosafety.by/o-tsentre/>. – Дата доступа: 12.03.2020.

Г. К. Аргучинцев, Л. В. Старовойтова

(Белорусский государственный университет, г. Минск, g.k,argu@gmail.com)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА

Современный мировой политический процесс отличается ростом региональных и глобальных противоречий, локальных конфликтов. Это обусловлено обострением конкурентной борьбы сильных субъектов мировой политики за экономическое и политическое доминирование, формированием новых противоборствующих мировых центров влияния. Особое значение в этих условиях имеет защита национальных интересов для других государств, поиск союзников и экономических партнеров на основе равноправия и учета взаимных интересов.

После распада СССР перед бывшими республиками встали принципиально новые задачи: преодоление неэффективных форм советской организации общества; осуществление процесса национально-государственного строительства; вхождение в систему международных отношений в качестве суверенных государств. Создание СНГ позволило осуществить мирный политический «бракоразводный процесс», но реализация равноправного и взаимовыгодного сотрудничества не была достигнута. СНГ не стало центром интеграционного притяжения постсоветских республик и выработки механизмов совместного взаимодействия. Это было связано с тем, что политическое руководство имело разные представления о путях развития своих стран. Существенной оказалась и проблема недостаточного политического доверия.

Вопрос о создании более эффективного союза приобрел актуальность еще в первой половине 1990-х гг. Доминирующим стал экономический фактор – необходимость восстановить разорванные экономические связи, без которых невозможно было решать социально-экономические проблемы. Первоначально сформировалась политическая инициатива и политическая воля. В марте 1994 г. Президент Казахстана Н. Назарбаев предложил проект Евразийского Союза на основе единого экономического пространства. 10 октября 2000 г. главами государств Беларуси, Казахстана, России, Таджикистана, Киргизии подписывается Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). В основу Договора была заложена концепция тесного и эффективного торгово-экономического сотрудничества на принципах частной собственности, конкурентоспособности, открытости национальных экономик. Стратегическим экономическим ориентиром для членов ЕврАзЭС стало создание Единого экономического пространства (ЕПН), на котором функционируют механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении правовых норм, обеспечивающих свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы. В декабре 2009 г. на саммите в Алматы президенты Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации утвердили План действий на 2010–2011 гг. по формированию Единого экономического пространства. Он предусматривал разработку, подписание и вступление в силу пакета международных договоров, обеспечивающих создание ЕЭП к 1 января 2012 г.

Важным условием эффективного функционирования ЕврАзЭС было создание Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана в декабре 2009 г. Таможенный союз должен был стать единым пространством, в пределах которого во взаимной торговле действует единый таможенный тариф, не применяются таможенные пошлины и ограничения экономического харак-

тера, кроме специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер. 9 декабря 2010 г. была принята Декларация о формировании Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. В ней отмечалось, «что начало функционирования Единого экономического пространства придаст новый импульс развитию более тесной интеграции, сближению экономик государств-участников в целях ускорения социально-экономического прогресса наших стран, роста благосостояния наших народов» [1]. Необходимо было решать проблемы гармонизации национальных законодательств, а также их унификации в сферах, составляющих договорно-правовую базу Единого экономического пространства. Хронологически создание Евразийского экономического союза сдвигалось к 2015 году.

Но политические заявления, принятие политических решений на высшем уровне, правовое оформление интеграционных процессов не давали ожидаемых экономических результатов. Основные причины были обусловлены недостаточной развитостью экономического потенциала стран, разным уровнем их развития, отставанием от технологических потребностей современного информационного общества, низкой конкурентоспособностью товаров.

Новый этап в развитии союза начался после публикации В. В. Путиным статьи «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня». Россия предлагала «модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [2]. В статье речь шла и об укреплении политической интеграции. Против политизации экономического союза, создания «наднациональных политических надстроек» выступили Президент Казахстана Н. Назарбаев и Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко.

29 мая 2014 г. подписывается Договор о Евразийском экономическом союзе, который вступил в силу с 1 января 2015 г. Это стало новым этапом развития экономической интеграции на огромном евроазиатском пространстве. ЕАЭС был создан как организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью. В соответствии с Договором всем его участникам обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проводится согласованная или единая политика в отраслях экономики. Союз создавался для всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильности развития в интересах повышения уровня жизни населения [3]. В настоящее время в

ЕАЭС входят государства-члены: Россия, Беларусь, Казахстан, Армения, Киргизстан; государства-наблюдатели (Молдова) и государства зоны свободной торговли (Вьетнам, Иран, Сингапур, Сербия).

На перспективы ЕАЭС влияют факторы как внутреннего развития государств, так и внешние факторы. Влияют санкции, которые введены западными странами против России, обострение международных отношений, ухудшение российско-украинских отношений, кризис на Ближнем Востоке. Но главные проблемы – это проблемы внутренние. С февраля 2020 года Республика Беларусь стала председателем в ЕАЭС. А. Г. Лукашенко в беседе с председателем Коллегии Евразийской экономической комиссии М. В. Мясниковичем отметил, что стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года должны стать серьезным документом без всяких оговорок [4]. Главные проблемы ЕАЭС – это возможные посягательства на суверенитет и независимость отдельных государств, излишняя политизация, понуждение к интеграции, наличие ограничений, барьеров для работы общего рынка, проявление национального эгоизма, равнодушия к повышению эффективности экономической интеграции, недостаточный уровень развития современных высокотехнологичных производств и конкуренции.

Таким образом, Евразийский экономический союз может реально определять интеграционный вектор развития ряда государств при наличии политической воли, учета потребностей современной цифровой экономики, целенаправленной работы всех институтов, обеспечивающих реализацию интеграционной политики.

Список литературы

1. Декларация от 18 ноября 2011 года «О Евразийской экономической интеграции» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tamognia.ru/docbase/document.php?id=1587603>. – Дата доступа: 23.02.2020.
2. Путин, В. В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня / В. В. Путин // Известия. – 03.10.2011.
3. Декларация о формировании Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации 11 декабря 2010 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://customsonline.ru/1379-deklaraciya-o-formirovanii-edinogo-ekonomicheskogo-prostranstva-respubliki-belarus-respubliki-kazaxstan-i-rossijskoj-federacii.html>. – Дата доступа: 15.02.2020.
4. Встреча Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко с председателем Коллегии Евразийской экономической комиссии М. В. Мясниковичем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/politics/40751854/?frommail=1>. – Дата доступа: 26.02.2020.

А. Б. Арлукевич

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
arlukevich_ab@grsu.by)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Анализ и всестороннее изучение проблем политики государства в сфере воспитания и поддержки молодого поколения в условиях переживаемого в настоящее время кризиса традиционных духовно-нравственных идеалов и жизненных приоритетов человека является одним из стратегически важных направлений работы институтов власти и гражданских организаций как в нашей стране, так и за рубежом. Укоренившиеся в современном обществе ценности культуры потребления, индивидуализма, стремление к обогащению любыми путями, добровольный отказ от создания семьи, смешение гендерных ролей и традиционных стереотипов мужского и женского поведения получают наибольшее одобрение и распространение именно среди молодежи. Очевидное деструктивное воздействие данных явлений требует разработки эффективной стратегии по внедрению альтернативных идеалов и моделей поведения, способных направить энергию молодых людей в русло общественно-полезной созидательной работы на основе личной инициативы без принуждения. От результатов реализации данной стратегии зависит выживание нации, сохранение свойственного ей культурного кода и духовных традиций.

Существенным препятствием на этом пути является присущее любому обществу недоверие в искренность официальных государственных лозунгов, адресованных к молодежи, а также боязнь перед возможным насаждением некой унифицированной программы общественно-политического развития, которая бы поставила интересы государства выше интересов индивида, угрожая тем самым основам демократии. Привлечение молодежи к участию в различных государственных программах и общественно-полезных проектах в данных условиях становится архисложной задачей и требует осторожности, всестороннего квалифицированного анализа и разработки. Учитывая подобные настроения, современное государство стремится, главным образом, удовлетворить именно потребительские запросы молодежи путем повышения уровня ее материального обеспечения и социальной поддержки.

В данном ключе качество государственной молодежной политики определяется суммой расходов на ее реализацию финансовых средств. Однако известно, что комплекс антисоциальных проявлений в поведении молодежи в наиболее развитых странах Запада впервые резко проявился в начале 60-е гг. XX в., то есть в период устойчивого роста уровня жизни населения в рамках послевоенной стабилизации и первой волны НТР. Та-

ким образом, не отрицая важность материальных стимулов, следует заметить, что молодежная политика не может ограничиться исключительно экономической составляющей, а должна затрагивать все сферы социальной активности человека, в том числе ее культурную, духовную и политическую составляющие, не нарушая при этом права личности на отстаивание собственной позиции в рамках гарантируемых Конституцией и международным правом свобод.

Согласно законодательству Республики Беларусь (Закон «О молодежной политике» от 7 декабря 2009 г. № 65-3), под государственной молодежной политикой понимается «система социальных, экономических, политических, организационных, правовых и иных мер, направленных на поддержку молодых граждан и осуществляемых государством в целях социального становления и развития молодежи, наиболее полной реализации ее потенциала в интересах всего общества. Под молодыми гражданами законом понимаются граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, в возрасте от четырнадцати до тридцати одного года (по данным на 1 января 2018 г. в Беларуси проживало 1 млн 921 тыс. молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет (или 20 % от общей численности населения)).

Целями государственной молодежной политики Беларуси являются: всестороннее воспитание молодежи, содействие ее духовному, нравственному и физическому развитию; создание условий для свободного и эффективного участия молодежи в политическом, социальном, экономическом и культурном развитии общества; социальная, материальная, правовая и иная поддержка молодежи; расширение возможностей молодежи в выборе жизненного пути. Государственная молодежная политика основывается на принципах гласности; привлечения молодежи к непосредственному участию в ее формировании и реализации; приоритета конкурсных механизмов при осуществлении молодежных программ.

В целях согласованности молодежной политики с иными направлениями деятельности государства разрабатываются республиканские программы в сфере государственной молодежной политики, которые утверждаются Президентом Республики Беларусь. Региональные программы в сфере государственной молодежной политики разрабатываются местными исполнительными и распорядительными органами и утверждаются соответствующими местными Советами депутатов».

В частности, в Беларуси до 2020 г. действует утвержденная постановлением Совета Министров программа «Образование и молодежная политика», целью которой является повышение качества и доступности образования в соответствии с потребностями инновационной экономики и информационного общества. В рамках программы планируется оснастить учреждения дошкольного образования автоматизированной системой по

учету и контролю за качеством питания; переоснастить учреждения среднего образования современными средствами обучения и учебным оборудованием; повышать доступность образования для лиц с особенностями психофизического развития; обеспечить детей с особенностями психофизического развития ранней комплексной помощью. В рамках программы планируется перейти к практикоориентированной подготовке студентов и углубить связи вузов с организациями – заказчиками кадров. Различным аспектам молодежной политики отведена значительная часть государственных программ «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь», «Непрерывное воспитания детей и молодежи», «О социальной защите и содействии занятости населения», утвержденных на 2016–2020 гг. В текущем году планируется завершить работу над Стратегией развития государственной молодежной политики до 2030 г.

Одним из приоритетных направлений является финансовая поддержка молодых граждан в приобретении и обустройстве жилья. В соответствии с Указом Президента «О предоставлении молодым и многодетным семьям финансовой поддержки государства» молодым семьям при рождении (усыновлении) ребенка или наличии несовершеннолетних детей осуществляется финансовая поддержка государства в погашении задолженности по кредитам, выданным банками на строительство или приобретение жилья. Согласно Указу «О дополнительных мерах по повышению заработной платы и предоставлению льготных кредитов отдельным категориям граждан» выпускники государственных учреждений, обеспечивающих получение среднего специального и высшего образования, приступившие к работе по распределению не по месту жительства родителей, имеют право на получение льготного кредита в течение 2-х лет после окончания учебного заведения на приобретение домашнего имущества.

На региональном уровне при поддержке органов местного управления и самоуправления реализуется большое количество социально значимых проектов и инициатив, направленных на гражданско-патриотическое, духовно-нравственное, спортивно-патриотическое, экологическое воспитание молодых людей. Так, ежегодно молодежь принимает участие в акциях «Жыву ў Беларусі і тым ганаруся!», «Есть такая профессия – Родину защищать», «За любимую Беларусь!», автопробегах по местам боевой славы, велопробегах по историческим местам, масштабном песенном конкурсе патриотической песни «Голос Победы в сердцах поколений». Традиционной стала ежегодная акция «Никто не забыт, ничто не забыто», которая проходит в Гродно в ночь с 21 на 22 июня (ровно в 04.00 часа утра 22 июня молодежь спускает на воду венки с зажженными огнями, как вечное напоминание о трагическом июньском утре 1941 года). Ежегодными стали весенний и осенний фестивали клубов ЮНЕСКО. В их программе – мас-

тер-классы, тренинги, командные игры, которые призваны привлечь внимание к проблемам, актуальным в молодежной среде, показать новые формы работы и дать клубам возможность обменяться опытом. В июле молодежь промышленных предприятий участвует в туристических слетах. Активно проводится информационно-просветительская работа по профилактике пьянства, наркомании, курения и венерологических заболеваний. В октябре в рамках проведения Недели матери организуются «круглые» столы с приглашением врачей-специалистов «Все в жизни начинается с матери», направленные на повышение культуры межличностных отношений.

Важнейшим направлением работы институтов власти является организационная и финансовая поддержка молодежных общественных объединений республики. Опираясь на официальные данные Министерства юстиции, по состоянию на 1 июля 2018 г. в стране было зарегистрировано 355 молодежных общественных объединений различной направленности, среди которых: «Белорусский республиканский союз молодежи», «Белорусская Ассоциация клубов ЮНЕСКО», «Белорусская ассоциация помощи детям-инвалидам и молодым инвалидам», «Белорусская организация социальной поддержки детей и подростков “Мы – детям”», «Белорусская лига интеллектуальных команд» и др. Самым массовым из них на сегодняшний день является «Белорусский республиканский союз молодежи» (БРСМ). Целью своей деятельности «БРСМ» видит создание условий для всестороннего развития молодежи, раскрытия ее творческого потенциала, содействие развитию гражданского общества, основанного на патриотических ценностях. Организация занимается гражданско-патриотическим воспитанием молодежи, оказывает ей поддержку в трудоустройстве, популяризирует здоровый образ жизни, реализует комплекс волонтерских программ и проектов, в рамках которой члены организации и добровольцы оказывают помощь детям-сиротам, инвалидам-старикам; организует и обеспечивает проведение культурных и спортивных мероприятий на региональном и республиканском уровнях.

Приведенными выше направлениями деятельности государственных органов в рамках молодежной политики не исчерпывается весь комплекс мероприятий, проводимых в данном направлении в Беларуси, который имеет куда более сложную структуру.

В целом при всех возможных недостатках молодежной политики, комплекс мер, разработанных и используемых в последнее время, существенно способствует повышению доступности образования и жизненного пути на равных условиях. Независимо от материального положения и социального статуса родителей, обеспечены равные условия для карьерного роста молодых людей на производстве, в науке, служебной деятельности.

А. Д. Арсенович

(Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
г. Минск, arsenovichandrey@gmail.com)

БЕЗОПАСНОСТЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Любое общество может существовать лишь при условии, когда его члены следуют принятым нормам, правилам и нормам поведения, обусловленным конкретными природными и социально-историческими условиями. Человек становится личностью в процессе обучения и воспитания, когда он начинает выполнять общественно-полезные функции. Эта задача в современном обществе решается целенаправленно с помощью системы образования.

Образование становится важнейшим фактором развития, содействующим решению экономических, политических, социокультурных и личностных проблем современного общества. Это, в свою очередь, определяет важнейшие цели образования, являющегося важным фактором формирования и развития человеческого индивида.

Сущность нынешнего образования заключается в том, что оно не может ограничиться рамками традиционной образовательной системы. Самообразование, дистанционные образовательные программы, информационные технологии становятся неотъемлемой частью современной системы образования и основой дальнейшего постиндустриального развития. В стратегиях развития образования заложен социальный заказ современного общества, который проявляется в подготовке специалистов широкого профиля, позволяющий обеспечить доступность образования, ориентацию человека на развитие своих навыков и умений, отыскать оптимальное сочетание интересов учащегося и потребностей государства.

Важнейшим аспектом модернизации социально-политической сферы общества является воздействие образования на национальную безопасность страны. Еще недавно их взаимосвязь воспринималась как принципиально новое явление либо имело ограниченные рамки понимания (военное образование, подготовка кадров для правоохранительных органов и органов государственной безопасности и т. п.) [1, с. 11].

В этом случае стоит обратиться к интерпретации понятия «национальная безопасность». Концепция национальной безопасности Республики Беларусь трактует понятие как «состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз» [2, с. 27]. Это также совокупность условий, обеспечивающих суверенитет и защиту стратегических интересов государства, полноценное развитие общества и всех граждан. Необходимо также иметь в виду и более широкий смысл понятия – в условиях обострения глобальных проблем челове-

чества национальная безопасность приобретает глобальный характер: не может быть безопасного существования ни одного государства, ни одного народа без обеспечения глобальной безопасности человечества [2, с. 28].

Образование выступает универсальным, хотя далеко и не единственным, фактором обеспечения национальной безопасности страны, воздействуя на все, без исключения, формы организации социально-политической системы, на все ее составные элементы, а тем самым – на все уровни национальной безопасности (безопасность личности, общества, государства) и ее главные составляющие. Провозглашенная в Кодексе об образовании Республики Беларусь приоритетность области образования, общечеловеческих ценностей, прав человека, право на образование как одно из основных и неотъемлемых конституционных прав граждан Республики Беларусь может быть реальным, содержательным, действенным только в условиях обеспечения безопасности граждан. Ее нарушение затрудняет, а в предельном случае делает невозможной реализацию демократических прав и свобод.

Обратная взаимосвязь между образованием и национальной безопасностью обусловлена тем, что безопасность страны обеспечивается ее же гражданами. Ведь именно учреждения образования (школа, ссузы и вузы) выступают местом становления человека как личности, его мировоззрения и, следовательно, формируют интеллектуальный, нравственный, трудовой потенциал общества, его способность обеспечивать собственное развитие и безопасность.

Учитывая, что в большинстве работ, посвященных проблеме национальной безопасности Республики Беларусь, образовательная политика практически не затрагивается, актуальным вопросом остается выделение системы образовательных параметров национальной безопасности. Такой вид можно назвать образовательной безопасностью [1, с. 15].

Образовательная безопасность – одна из важнейших подсистем безопасности общества, определяющая уровень развития всех видов безопасности: экономической, социальной, военной, информационной и др. Уровень этой безопасности, по мнению некоторых исследователей, отражает состояние интеллектуального капитала и образованности общества, входящие в статистическую методику ООН как часть Индекса человеческого развития. Уровень образованности в этом индексе рассчитывается как среднеарифметическое значение двух количественных показателей – уровня грамотности взрослого населения в пределах от 0 до 100 % и средней продолжительности учебы от 0 до 15 лет. Значение ИЧР для Республики Беларусь в последние годы колеблется от 0,8 до 0,85 и имеет тенденцию к снижению. Среди 189 изученных стран Беларусь по ИЧР в 2018 г. занимала 53-е место, лишь на несколько процентных пунктов уступая Российской Федерации (49-е место) [3].

Образовательная безопасность как вид безопасности – одна из составных частей безопасности любой социально-политической организации общества. Однако, являясь в масштабах страны, по существу, самостоятельным видом национальной безопасности, она законодательно такого статуса не имеет и интегрируется в другие виды безопасности, в частности, в официально признанную Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь социальную безопасность [4]. Принципиально важным является закрепление в ближайшем будущем в нормативных правовых документах категории «образовательная безопасность» как отдельного, самостоятельного вида национальной безопасности.

В этом случае понятие «образовательная безопасность» как отдельный вид обеспечения национальной безопасности будет включать в себя следующие элементы [2, с. 128]:

- Объект безопасности. При рассмотрении образовательной безопасности объектом выступают права и свободы граждан Республики Беларусь в образовательной сфере, материальные и духовные ценности общества, система общественных отношений, охраняемых нормами права, а также независимость и суверенитет государства в реализации образовательной политики.

- Национальные интересы объекта безопасности. Первостепенным в определении любого вида безопасности является определение национальных интересов, реализация которых обуславливает само существование объектов защиты и без которых объекты перестают представлять собой единое целое [2]. Для учреждения общего среднего образования, к примеру, это интересы обучения, воспитания и развития, которые можно разделить в самом общем виде на совокупность интересов благополучия и совокупность интересов безопасности.

- Угрозы национальным интересам в сфере образовательной безопасности. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь подразделяет все угрозы национальным интересам на внутренние и внешние [2]. В этой связи внутренней угрозой образовательной безопасности стоит выделить отставание качества образования по ряду перспективных направлений от уровня лучших мировых образовательных центров, недостаточное количество современных высококвалифицированных специалистов мирового уровня, внешней угрозой – интернационализация образования и, как следствие, исчезновение традиций и достижений национальной системы образования.

Таким образом, понятие «образовательная безопасность» является важнейшим фактором обеспечения национальной безопасности страны. Выделение образовательной составляющей безопасности будет способствовать развитию культуры безопасности в современном белорусском обществе, созданию необходимых условий для защиты от внешних и внутренних угроз.

Список литературы

1. Минаев, Г. А. Образование и безопасность : учеб. пособие / Г. А. Минаев. – М. : Университет. книга; Логос, 2009. – 312 с.
2. Чистохвалов, В. Н. Современная образовательная политика России : учеб. пособие / В. Н. Чистохвалов. – М. : РУДН, 2008. – 246 с.
3. Индексы и индикаторы человеческого развития [Электронный ресурс] // Программа развития Организации Объединенных наций. – Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf. – Дата доступа: 12.03.2019.
4. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Раздел I. Основные положения. Изменения и дополнения : Указ Президента Респ. Беларусь от 30 дек. 2011 г. № 621 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 8. – 1/13223.

А. М. Байчоров

(Белорусский государственный университет, г. Минск, albaichorov@mail.ru)

**КИТАЙСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Развитие отношений с Китайской Народной Республикой является стратегически важным для Республики Беларусь. Эта важность связана как с возможностью получения политической и экономической поддержки со стороны Китая, так и с возможным использованием китайского фактора в качестве контрбалансера для тесных взаимоотношений с Российской Федерацией. Стратегическая значимость взаимодействия с КНР в белорусской внешней политике подчеркивается и тем фактом, что этому взаимодействию посвящена отдельная президентская директива «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой». Она была подписана Президентом Беларуси А. Г. Лукашенко 31 августа 2015 года – спустя три месяца после завершения визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Беларусь. В Директиве намечены основные направления взаимодействия двух стран, говорится о взаимной поддержке по жизненно важным вопросам, таким как суверенитет, безопасность, экономическое развитие и др. Особо подчеркивается необходимость развития отношений в сфере инноваций, торговли и инвестиций [1]. Роль китайского фактора во внешней политике Республики Беларусь, безусловно, является одной из центральных, к сожалению, важность Беларуси для Пекина значительно ниже, чем важность Китая для Минска.

Есть мнение, что Республика Беларусь может служить «мостом» для движения китайских товаров в Европу (читай Европейский Союз). Не совсем понятно, почему таким «мостом» должна служить Беларусь, имеющая полноценную охраняемую границу с ЕС, а не, например, Украина или Молдова, заключившие соглашения об ассоциации с Евросоюзом и не имеющие экономической границы с ним. Более того, Пекин оказался способным заключить соглашения о стратегическом партнерстве с рядом ев-

ропейских государств, приобрел в этих странах важные объекты инфраструктуры (например, порт Пирей в Греции), через которые китайские товары напрямую идут в ЕС. К сожалению, на белорусском «мосту» в ЕС даже не совпадает ширина железнодорожной колеи.

Некоторые эксперты склонны выводить важность китайско-белорусских отношений посредством утверждения, что Беларусь способна выступать «мостом» для движения китайских товаров в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) [2]. Это мнение также представляется слабо обоснованным. Во-первых, зачем Китаю особый «мост» на западе ЕАЭС, если он имеет общую многотысячекилометровую границу с РФ и Казахстаном – основными рынками ЕАЭС. Россия и Казахстан традиционно привлекают львиную долю торгово-инвестиционных потоков из КНР. Во-вторых, страны ЕАЭС научились таким образом строить свои экономические взаимоотношения, что торговые барьеры между ними зачастую превосходят аналогичные барьеры со странами ЕС. Например, СЗАО «БелДжи» способно продать в Россию только несколько сот автомобилей из нескольких десятков тысяч авто, производимых ежегодно в Борисове.

Минск пытается доказать свою важность для Пекина через активное участие в осуществлении китайской Инициативы пояса и пути (ИПП). Это, безусловно, правильная стратегия. Однако существует ряд объективных обстоятельств, препятствующих ее полноценному осуществлению. Во-первых, первоначально не Беларусь, а Украина рассматривалась в КНР в качестве основной площадки прохождения Экономического пояса Шелкового пути. Украинский кризис 2013–2014 гг. заставил Пекин несколько пересмотреть свои подходы, и прохождение этого пояса было поднято в Беларусь. Во-вторых, объективные факторы, первоначально привлекавшие китайскую сторону в Украине, никуда не исчезли: относительно большой украинский рынок, сельскохозяйственные и иные природные ресурсы, развитая коммуникационная структура, включая морские порты, четвертое в мире по численности IT-комьюнити и др. В-третьих, начавшееся в последние годы правления Президента П. Порошенко и продолжающееся при президентстве В. Зеленского политическое и экономическое сближение Киева и Пекина уже привело к серьезным позитивным сдвигам в китайско-украинском торгово-инвестиционном и военно-техническом сотрудничестве. В 2018 г. товарооборот между Китаем и Украиной составил 9,667 млрд долларов, увеличившись на 31,05 % по сравнению с предыдущим годом. Китайский экспорт составил 7,01 млрд долларов, увеличившись на 39,24 %. А импорт составил 2,64 млрд долларов, увеличившись на 13,4 %. Для сравнения, в 2018 г. объем товарооборота между КНР и Беларусью был равен 1,72 млрд долларов [3]. Если данная тенденция сохранится, а есть все основания предполагать, что так и случится, то даже позиция Москвы не остановит Пекин, если последний примет решение вернуться к

первоначальному маршруту прохождения восточно-европейского коридора ИПП. На нем, в частности, может быть полноценно задействован Батумский порт, арендованный китайской стороной у Грузии на 49 лет.

В стратегии белорусского участия в ИПП центральное место занимает Белорусско-Китайский индустриальный парк «Великий камень». Белорусские СМИ называли его не иначе как «жемчужиной» нового Шелкового пути из Китая в Европу. Лидеры двух стран считали его образцовым, показательным проектом Экономического пояса Шелкового пути [2]. Он рассматривался как прорывной проект в белорусско-китайских отношениях, как важнейшее звено в механизме привлечения в Беларусь современных высоких технологий. Однако эти надежды реализовались лишь частично. В качестве резидентов «Великого камня» зарегистрировались китайские и некоторые западные компании, уже осуществлявшие свой бизнес в Республике Беларусь, то есть не произошло значительного роста в объеме китайских и других иностранных инвестиций. Среди новых резидентов парка невелика доля высокотехнологичных субъектов, скорее это транспортно-логистические компании. Наконец, не ясно стратегическое будущее «Великого камня». Ведь, белорусское правительство неоднократно высказывалось за создание равных условий для всех субъектов хозяйствования на просторах ЕАЭС. Существуют договоренности в Евразийской экономической комиссии, что к 2025 году в рамках ЕАЭС не должно быть никаких изъятий и ограничений в хозяйственной деятельности, то есть должны быть упразднены все разнообразные зоны свободной торговли, парки с преференциальными хозяйственными режимами и т. п.

В Минске было много надежд на китайскую финансово-экономическую помощь для белорусской экономики, особенно в периоды кризисов или возрастающего экономического и политического давления со стороны Москвы. Отчасти эти надежды сбылись. Однако не следует переоценивать величину и значимость этой помощи. В некоторых случаях оказанная финансово-экономическая помощь не достигла ожидаемых результатов, так случилось с реконструкцией белорусских цементных заводов, со строительством Светлогорского завода белевой целлюлозы «под ключ» и др. Также в современных условиях в распоряжении китайского правительства остается все меньше финансовых ресурсов, которые оно могло бы использовать в качестве помощи иностранным государствам. Темпы роста китайской экономики сократились с 10 и более процентов в первые пятнадцать лет XXI века – до 6 процентов в конце 2010-х годов (а стране необходима высокая динамика роста рабочих мест для трудоустройства как минимум 10 млн новых рабочих-мигрантов, ежегодно покидающих сельские районы КНР и переезжающих в города). Борьба с пандемией COVID-2019 также недешево обошлась китайскому правительству. По словам советника Посольства КНР в Минске г-на Ло Чжаньхоя, более 100 млрд юаней

были использованы по состоянию на конец февраля 2020 года для предотвращения распространения вируса, и еще 800 млрд юаней для поддержки китайского бизнеса (повторное кредитование предприятий, снижение страховых взносов на корпоративное социальное обеспечение, освобождение от уплаты НДС и т. п.) [4]. Борьба с пандемией оставляет все меньше средств у китайского правительства для оказания финансовой поддержки даже таким дружественным режимам, как белорусский. В этих условиях Президент Республики Беларусь принял решение об оказании гуманитарной помощи КНР, туда были направлены два самолета с медикаментами, дезинфицирующими и защитными средствами – один 30 января, второй 5 февраля 2020 г. [5]. То есть, можно рассчитывать на финансово-экономическую поддержку со стороны Китая, но она обладает определенными особенностями: (1) носит «связанный» характер, выделяется либо китайским генпрядчикам, либо обусловлена закупками китайского оборудования; (2) предоставляется, как правило, под гарантии правительства; (3) предоставляется при наличии окупаемых проектов. Если в силу каких-либо обстоятельств китайская инвестиция не дает ожидаемого экономического эффекта (как случилось, например, со Светлогорским заводом беленой целлюлозы), то расплачиваться за китайские кредиты приходится бюджету Республики Беларусь.

Таким образом, использование китайского фактора (вектора) во внешнеполитической стратегии Республики Беларусь является оправданным, отвечающим национальным интересам страны. Однако к его использованию необходимо подходить без завышенных ожиданий, понимать, что Беларусь на весах китайской внешней политики не обладает таким весом, как Россия, Украина и даже Казахстан. Поэтому выстраивать собственные отношения с Пекином белорусской дипломатии следует не за счет критики или сравнения с этими более крупными государствами, а за счет подчеркивания собственных преимуществ и возможностей для развития взаимовыгодного сотрудничества.

Список литературы

1. Директива № 5 «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой» [Электронный ресурс] / Национальный правовой портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P01500005&p1=1&p5=0>. – Дата доступа: 01.03.2020.
2. Гришкевич, А. Партнерство, проверенное временем / А. Гришкевич // Бел. думка. – 2017. – № 4. – С. 20–25.
3. Беларусь в цифрах / Национальный статистический комитет РБ // Статистический справочник. – Минск, 2019. – 72 с.
4. Речь Советника Посольства г-на Ло Чжаньхой на круглом столе «Новые вызовы в сотрудничестве Беларуси и Китая» (4 марта 2020, Факультет международных отношений БГУ).
5. О прибытии гуманитарной помощи 31.01.2020 [Электронный ресурс] / Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. – Режим доступа: <http://china>.

mfa.gov.by/ru/embassy/news/e1852823a22067e1.html. – Дата доступа: 18.02.2020; Второй самолет с белорусской гуманитарной помощью прибыл в Пекин 05.02.2020 [Электронный ресурс] / Посольство Респ. Беларусь в Китае. – Режим доступа: <http://china.mfa.gov.by/ru/embassy/news/aa4a51375eb764f1.html>. – Дата доступа: 06.02.2020.

В. Балюк

(Институт политических наук и публичного управления
Университета Марии Кюри-Склодовской, г. Люблин, Польша, baluk@wp.pl)

ПРОБЛЕМЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫБОРА И КОНСОЛИДАЦИЯ ГОСУДАРСТВ «НОВОЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ»

В новейшей истории Восточная Европа всегда была полем сражения сверхдержав. Геополитическое положение Восточной Европы в межвоенный период (1918–1939) предопределяло нахождение стран региона в буферной зоне между Западом и Востоком. После окончания II мировой войны СССР навязал странам региона свое доминирование и политический строй с помощью таких организаций, как Варшавский договор (ВД) и Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Попытки выхода из зоны влияния Советского Союза закончились вооруженной интервенцией в Венгрии (1956) и Чехословакии (1968), что на практике означало ограничение государственного суверенитета стран Восточной Европы (так называемая доктрина Брежнева). В эмиграционных кругах выходцев из восточноевропейских стран сформировались идеи Центрально-Восточной (ЦВЕ) или Центральной Европы, которая всегда принадлежала к европейской (западной) цивилизации и временно «оккупирована» СССР.

Используя доктрину Брежнева, Советский Союз еще длительное время удерживал влияние в Восточной Европе, но при этом подкапывал основы «Вестфальской системы» международных отношений, которая базировалась на государственном суверенитете, принципе правового равенства государств и невмешательства во внутренние дела. Польский исследователь М. Петрась, раскрывая понятие «Вестфальской системы», говорит о пяти принципах: 1) централизованного национального государства, которое определяло государство – центрическую систему международных отношений, 2) территориальности, верховенства государства над своей территорией, 3) государственного суверенитета и правового равенства государств, что означает невмешательство во внутренние дела и независимость в международных отношениях, 4) регулирования отношений между централизованными и суверенными государствами на основании международного права, 5) регулирования международных отношений с помощью механизма баланса сил. Проблема современных международных отношений заключается в том, что «Вестфальская система» постепенно трансформи-

руется в «Поствестфальскую систему», главной чертой которой является феномен гибридности.

Политические изменения в Восточной Европе после 1989 года, расформирование структур ВД и СЕВ, а также развал СССР коренным образом поменяли геополитическую ситуацию Восточной Европы. Страны региона, ощущая свою субъектность, быстро трансформировались в государства ЦВЕ, заявляя о своем желании присоединиться к военно-политическим и экономическим структурам Запада, чтобы обезопасить себя от влияния России. Кроме этого, на политической карте мира появились новые независимые страны (Беларусь, Украина, Молдова), которые в силу многих причин находились между Западом и Востоком.

Идеализм в российской внешней политике и выстраивание с бывшими республиками равноправных отношений закончился очень быстро. Уже в конце 1992 г. появилась концепция «ближнего зарубежья», что ознаменовало возврат к политике реинтеграции постсоветского пространства и очертавание зоны исключительного влияния России. Содружество Независимых Государств (СНГ) создавалось как организация «цивилизованного выхода» из СССР, в которой применялась консенсуальная модель принятия решений. Великодержавные амбиции РФ и асимметрия потенциалов между бывшей метрополией и новыми независимыми государствами не позволили Москве выстраивание в рамках СНГ равноправных отношений со всеми бывшими советскими республиками. Россия приступила к созданию различных интеграционных форм на постсоветском пространстве, которые можно сравнить с концентрическими кругами. Общей формой сотрудничества можно считать СНГ – первый и самый большой круг, который нужен Москве для обозначения зоны своего влияния. Второй круг обозначает интеграционные проекты России, связанные с более тесным сотрудничеством в военно-политической (Организация договора о коллективной безопасности) и экономической (Таможенный союз, Евразийский экономический союз) плоскостях, в которых России фактически принадлежит право решающего голоса, но страны-участники, невзирая на общее экономическое и военно-политическое пространство, сохраняют свой суверенитет. Третий круг рассматривается Россией как высший, самый тесный уровень реинтеграции с бывшими республиками (Союзное Государство России и Белоруссии), в основе которого лежит создание конфедерации.

В международных отношениях работают различные интеграционные формулы, в которых государства-участники в двустороннем или многостороннем формате решают свои внутренние и внешние задачи. Интеграция – это сложный и многомерный процесс углубленного сотрудничества государств, объединяющий юридическую, экономическую, политическую и общественную сферу. Основными подходами в интеграционной политике являются сотрудничество, конвергенция, унификация и координация.

Интеграционные объединения перебирают на себя часть полномочий национальных государств. Поэтому для государств-членов такого союза, особенно менее влиятельных, одним из главных вопросов является сохранение суверенитета.

Как было сказано выше, великодержавные амбиции и асимметрия потенциалов подталкивали Россию к геополитическому коду СССР, к реализации имперской политики, основанной на «великодержавном шовинизме», на желании тотального доминирования (роль государства гегемона) в отношении стран СНГ. Зона исключительного влияния и ответственности России не только для обеспечения национальных интересов в сопредельных государствах, а прежде всего для возврата на мировую арену как сверхдержавы.

Несмотря на дезинтеграционные процессы на постсоветском пространстве, Россия сохранила ряд существенных рычагов воздействия: 1) военно-политический (сфера безопасности, поставки вооружения), 2) экономический, в основном это экономическая зависимость стран региона времен СССР, доступ к российскому рынку и энергоресурсы, 3) этнический и культурный фактор (конфликты, соотечественники, культурные связи, диаспора национальных республик б. СССР).

Имперский подход к процессам интеграции на постсоветском пространстве и использование рычагов воздействия дает России тактическое преимущество над Западом и предопределяет характер интеграционных проектов, предлагаемых Москвой. Президент Александр Лукашенко четко заметил, что Беларусь была привержена реальной интеграции без понуждения и потери суверенитета и независимости, а получила изъятия, ограничения и доминирование. Россия совсем по-другому понимает процесс интеграции на постсоветском пространстве, используя в своей политике асимметрию потенциалов и имперские традиции консолидации пространства.

Политические и экономические трансформации, а также процессы европейской и евроатлантической интеграции привели к расслоению пространства старой Восточной Европы. Для стран региона Запад был привлекателен прежде всего как успешный экономический проект, основанный на общих идеях и ценностях. Поэтому процесс интеграции проходил на добровольных началах, что не означает его безошибочности. Одной из главных проблем, с которой пришлось столкнуться Западу в ЦВЕ, это урегулирование конфликтов на территории бывшей Югославии. Запад по отношению к Белграду применил тактику ограниченного суверенитета («гуманитарная интервенция»), нарушая этим самым принципы «Вестфальской системы» международных отношений. Примером безответственной политики Запада может послужить признание независимости Косово.

На рубеже XX и XXI вв. с расширением НАТО и ЕС на восток начали формироваться новые границы Восточной Европы как региона, находя-

щегося между Россией и Западом, как геополитического поля соперничества и борьбы. Дмитрий Тренин считает, что новая Восточная Европа (Украина, Белоруссия, Молдова) – это уже геополитическая реальность. Географически она расположена между РФ и ЕС, обладая целым рядом черт (осознанием культурной самобытности, цивилизационной принадлежности к Европе и ориентацией на создание национального государства как важнейшей задачи). Американский историк украинского происхождения Р. Шпорлюк полагает, что сегодня понятие Восточной Европы имеет политическую и идеологическую почву, так же как и во время ее возникновения двести лет назад. Он убежден, что старая Восточная Европа уже не существует. На смену ей пришла более широкая Европа, прежде всего в виде ЕС, и новая Восточная Европа, ядро которой составляет постимперская Россия, равно как и Украина, Беларусь, Молдова, Грузия, Армения и Азербайджан.

В России очень популярна тема взаимодействия Москвы и Запада как конкуренции за пространство, в том числе на территории стран б. СССР. Новая Восточная Европа, по определению Д. Тренина (узкое понимание) или Р. Шпорлюка (широкое понимание), является зоной столкновения интересов Запада (ЕС, НАТО) и России. В этой геополитической игре была возможность выбора модели «сотрудничества и конкуренции», но в конечном итоге выбор был сделан в пользу модели «борьбы и конфронтации». Для стран новой Восточной Европы первая модель международных отношений в регионе более выгодна, поскольку дает возможность уравнивания интересов больших геополитических игроков, наращивать товарооборот с Россией и Западом, повышать свою субъектность и влияние в регионе за счет стабильного политического и экономического развития. Вторая модель принуждает к четкому выбору геополитической ориентации со всеми положительными и отрицательными последствиями, сужает возможность маневра и чревата большим уровнем зависимости от сверхдержав. Страны новой Восточной Европы являются классическим примером геополитической борьбы, а агрессивные действия России с использованием энергоресурсов (Беларусь, Армения, Украина, Молдова) и военной силы (Грузия и Украина) свидетельствуют о доминировании в культуре стратегического мышления россиян старых имперских схем, которым подчинены различные интеграционные проекты. Политику Президента России по отношению к новым независимым странам в Восточной Европе можно сравнить с политикой СССР в рамках организации ВД, как доктриной ограниченного суверенитета. Новая доктрина Путина – это забытая доктрина Брежнева, которую только адаптировали к новым геополитическим условиям.

Запад, конкурируя с Россией за пространство новой Восточной Европы, стремится в первую очередь к созданию механизмов экономического

и энергетического сотрудничества (зон свободной торговли, трубопроводы). Вкладывая средства в экономику этих государств и оказывая им экономическую помощь на пути преобразований, стремится влиять на внутреннюю ситуацию путем политики soft power или smart power. Тогда как Россия в любую минуту может прибегнуть также к политике hard power, как показали события в Грузии (2008) и Украине (2014).

В сложившейся геополитической реальности главным внутренним вызовом, имеющим весомые внешние импликации, является проблема консолидации государств новой Восточной Европы. Консолидация государства означает совокупность процессов, которые приводят к восприятию, усвоению и признанию обществом политических изменений в государстве, которое формируется как государственная нация (государство-нация). Консолидация отличается от модернизации, приходит после и ее главной задачей является усиление политической системы. Консолидация государств новой Восточной Европы повысит субъектность стран региона, положительно повлияет на внутреннюю и международную безопасность в регионе.

После развала СССР новые независимые государства (Украина, Беларусь, Молдова) проходили сложные процессы не только политической и экономической модернизации, но и построения государства-нации. Эти процессы взаимосвязаны и являются определяющими в формировании консолидированных государств. Завершение процесса консолидации государств-наций в новой Восточной Европе сделает их менее уязвимыми на воздействие других стран и будет способствовать построению политически стабильных и экономически развитых стран, а это положительно скажется на международной безопасности региона.

П. А. Бархвостов

(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,
barakhvostov@yandex.by)

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В настоящее время мир переживает глубинную трансформацию. Фундаментальные изменения в экономике и социальной структуре общества, крупнейшие научно-технические достижения, создание общемирового информационного пространства ведут к формированию нового типа человеческой цивилизации – глобальной, что обуславливает полную реорганизацию внешнего и внутреннего социального пространства совместной жизни интегрированных в социумы индивидов.

Одно из следствий глобализации – появление новых интеграционных блоков и союзов. С одной стороны, данный процесс есть результат интер-

национализации экономики, с другой – проявление объективной тенденции к созданию целостной глобальной системы равноправного партнерства. Изучению специфики интеграции посвящено множество работ отечественных и зарубежных исследователей: А. И. Зеленкова, Ч. С. Кирвеля, В. И. Чушова, Л. Г. Титаренко, Я. С. Яскевич, О. В. Курбачевой, А. Дугина, А. Панарина, Н. Федотовой, В. Межуева, В. Иноземцева и др. Тем не менее эта тема все еще содержит немало нерешенных вопросов. Среди них – проблема успешности интеграционных процессов и устойчивости сформировавшихся интеграционных объединений на современном этапе, осмыслению которой и посвящено данное сообщение.

В работе использован институциональный подход и базирующаяся на нем теория институциональных матриц, в соответствии с которой социальная система образована тремя взаимосвязанными и взаимозависимыми сферами (подсистемами): экономической, политической и социокультурной [1]. Каждая из них выполняет определенную функцию: экономическая сфера обеспечивает получение извне ресурсов для жизнедеятельности; политическая организует общество для достижения поставленных целей; социокультурная создает фундамент коммуникативного взаимодействия и обеспечивает сохранение ценностной и нормативной структуры общества при смене поколений. Развитие каждой из подсистем определяется системой институтов. Исследование институциональной структуры – ключ к пониманию специфики общества и тех трансформаций, что с ним происходили в процессе исторического развития.

Институциональная система крайне сложна. Однако можно выделить ее «остов» – образующие институциональную матрицу базовые институты (экономические, политические, социокультурные), которые задают направленность развития общества. Выделяют институты двух типов: раздаточного и рыночного. Первый тип включает отношения сдач-раздач в качестве институтов обмена, общественно-служебную собственность, общественный/служебный труд и жалобы в виде обратной связи, институты унитарного (унитарно-централизованного) политического устройства и элементы коммунитарной идеологии с доминированием идеи коллективных, надличностных ценностей. Второй тип – это отношения купли-продажи, частная собственность, наемный труд и прибыль как сигнальный институт «сбоев» в функционировании системы, федеративные начала государственного устройства, примат личности, ее прав и свобод по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня (субсидиарная идеология) [2, с. 10]. В институциональной матрице оба типа присутствуют одновременно и взаимодействуют по принципу «доминантность – компенсаторность» [3, р. XIX].

Анализируя интеграционные процессы современности в различных регионах мира (Европе, Северной и Южной Америке, Азии, Африке), мож-

но заключить, что если раньше основной причиной интеграции была необходимость обеспечения безопасности, в настоящее время на передний план выходят экономические соображения: желание, используя объединенные ресурсы, компетенции и усилия участников интеграции, обеспечить технико-технологические конкурентные преимущества.

Интеграционный процесс заключается в сближении институциональных матриц. Однако в случае низших стадий интеграции (зона свободной торговли, таможенный союз, общий внутренний рынок) конвергенция затрагивает лишь экономические подсистемы; для случая экономического и валютного союза, кроме того, имеет место конвергенция политических подсистем; для высшей же стадии (политический союз) подобное сближение осуществляется на уровне как доминантных, так и компенсаторных институтов всех (экономической, политической и социокультурной) подсистем. Интеграционный процесс на низших стадиях неустойчив, нелинеен. Тем не менее переход от низших стадий интеграции к более высоким – естественный процесс, обусловленный неразрывной связью сфер институциональной матрицы.

Опыт показывает, что интеграционный процесс является успешным и устойчивым, если институциональные матрицы интегрирующихся социумов близки, что предполагает одинаковый тип доминирующих институтов. В противном случае наблюдается трансплантация институтов экономически более сильного участника интеграции другим членам союза [4, с. 24]. Однако простое «калькирование социально-экономических моделей как успешных для конкретных стран является ... тупиковой ветвью в движении общества» [5, с. 205]. Зачастую оно приводит к трансплантационной дисфункции и, как следствие, к кризису (а нередко и распаду) союза. Для достижения устойчивости интеграционного объединения необходимо, прежде всего, обеспечение надежных и эффективных механизмов функционирования заимствованных институтов. При этом велика роль государства.

Наиболее близки в социокультурном отношении страны-соседи, включающие области пограничья, где традиции, ценностные нормы и правила переплетены. Это определяет возможность высшей стадии интеграции между соседними государствами. Однако необходимое условие этого – отсутствие потенциальной угрозы (или представления о такой угрозе) в виде существенного различия экономических потенциалов стран.

Следует отметить, что сближение институциональных матриц интегрирующихся сторон – процесс не однонаправленный. Происходит взаимная диффузия институтов. Этот направленный на гомогенизацию интеграционного объединения процесс не одномоментный, а длительный, который должен быть подкреплен реальной экономической (или политической) выгодой для всех участников.

Наднациональные институты объединения – естественный продукт интеграции как формы самоорганизации социальной материи, свидетельство о формировании более сложного социального организма.

Региональная интеграция – естественный и закономерный мегатренд современности, важный шаг на пути к глобальной цивилизации.

Список литературы

1. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию / С. Г. Кирдина. – СПб., 2014.
2. Бессонова, О. Э. Контрактный раздаток и солидаризм – новая веха российской матрицы / О. Э. Бессонова // Мир России. – 2019. – № 1. – С. 7–31.
3. Polanyi, K. The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity) / K. Polanyi. – N.-Y., 1977.
4. Полтерович, В. М. Трансплантация экономических институтов / В. М. Полтерович // Экономическая наука современной России. – 2001. – № 3. – С. 24–50.
5. Платонова, Е. Д. Современная теория и практика накопления (трансформационный аспект) / Е. Д. Платонова ; под ред. Е. В. Юферевой. – М. : Изд-во АПКиППРО, 2006.

Д. В. Белявцева

(Белорусский государственный университет, г. Минск, belyavtseva@mail.ru)

ПЕРСПЕКТИВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В XXI в. выбор современным государством стратегии региональной политики решает не только задачи в области экономического развития, но и направлен на обеспечение единства общества, национальной безопасности и суверенитета. Вплоть до последнего десятилетия XX в. в европейских государствах региональные практики были нацелены на поддержание равновесия экономического развития государства на макроуровне и формировались в рамках системы вертикальных отношений «центр–регионы». В конце столетия сформировалось понимание необходимости реализации региональных интересов и потребностей и развития горизонтальных отношений между властями различного уровня, в том числе и в унитарных государствах. Актуальными стали реформы по децентрализации управления унитарных государств. Децентрализация коснулась передачи местной власти полномочий в области образования, культуры, экологии и регионального экономического развития. Регионы получили представительство в национальных парламентах. Таким образом, в конце XX в. модель реструктуризации регионов трансформировалась в модель регионального саморазвития, учитывающую интересы территориальных сообществ, активизирующую местную инициативу и повышающую ответственность местных органов власти за развитие регионов.

Модель регионального саморазвития минимизирует вмешательство центральных органов власти, в том числе через общенациональные программы, активизирует взаимодействие и совместную разработку мероприятий по региональному развитию. Данная модель основана на идее неофункционалистов о необходимости формирования сообщества доверия и осуществления политики сплочения. Модель регионального саморазвития акцентирует внимание на формировании новых «правил игры» в области принятия решений по проблемам регионального развития.

Для оценки эффективности управления территориями сегодня используется ряд параметров, в том числе и индекс регионализма. Он является показателем развития самоуправления и общественного управления. Самоуправление оценивается по институциональной глубине децентрализации, объему полномочий, финансовой автономии и представительстве регионов. Общественное управление – по участию региона в законодательстве, исполнительной власти, финансовом контроле и конституционной реформе [1]. Существенным показателем для определения уровня регионализации также становится доля региональных расходов в общегосударственных (subnational share in total government expenditure), которая используется Международным валютным фондом [2]. Такая позиция основывается на признании зависимости между финансовой и политической децентрализацией. Индекс регионализма в этих условиях становится показателем доминирования согласительных процедур во взаимоотношениях между национальным и региональным уровнем власти. Региональная политика приобретает новых субъектов, горизонтальный уровень анализа, развития и все больше испытывает политическое и социальное давление. Политическая составляющая регионального развития определяется необходимостью перераспределения средств, выбором между ценностями (солидарность регионов и экономическая эффективность всего государства или территориальная справедливость) и моделями управления территориями (централизованный или децентрализованный характер), а это всегда вопрос политической воли и наличия ресурсов у политической власти.

Активизация процессов создания межгосударственных региональных политических союзов и организаций способствовала развитию содержания региональной политики в рамках международной проблематики и подтолкнула к формированию надгосударственной модели региональной политики. Концептуальным основанием данной модели стал «новый регионализм». Для надгосударственной модели характерно не только предоставление помощи проблемным территориям общенационального, субгосударственного уровня и межрегиональным образованиям для саморазвития, но и приобретение правосубъектности субнациональными органами власти. Правосубъектность предполагает самостоятельность регионов в принятии решений по осуществлению экономической, культурной обра-

зовательной политики в рамках межгосударственных партнерств и интеграций в целях эффективного регионального и общенационального развития. Такие полномочия существуют в федерациях и децентрализованных унитарных государствах. Обретение правосубъектности чаще всего возможно в условиях наличия в государстве сильной общенациональной идентичности.

После приобретения независимости региональная политика в Республике Беларусь формировалась в рамках вертикальной системы «центр–регионы». Основной ее целью было преодоление кризисного развития страны и поддержание «точек роста» в регионах. Сегодня проведение региональной политики в Беларуси опирается на положения, сформулированные в Конституции Республики Беларусь, Законе «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» и др. В качестве региона с точки зрения политико-правового подхода выступают области и столица. Основными инструментами регионального развития являются программы социально-экономического развития страны, национальные стратегии устойчивого развития Республики Беларусь, разработанные на различные периоды, Государственная комплексная программа развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007–2010 годы и др.

Анализ целей и задач в области регионального развития, сформулированных в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы, в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г., позволяют говорить о сохранении приверженности вертикальной системе «центр–регионы» и модели реструктуризации регионов в формировании региональной политики. Между тем, в целях обеспечения устойчивого развития Республики Беларусь, способности эффективно реагировать на внешние вызовы и необходимости обеспечения национального суверенитета важное значение приобретает выработка комплекса мер по осуществлению региональной политики в рамках моделей «регионального саморазвития». Как отметил Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на встрече с председателем Конгресса местных и региональных властей Совета Европы А. Кнапе, для Беларуси важным становится «...двигаться в направлении большей самостоятельности органов местного самоуправления» [3].

Включенность Республики Беларусь в различные межгосударственные интеграционные образования, а также активное сотрудничество белорусских регионов с территориальными образованиями России, Казахстана, Украины, Польши и др. стран позволяют также говорить о необходимости проработки путей и условий реализации надгосударственной модели регионального развития. Ее осуществление предполагает законодательное закрепление изменений во взаимоотношениях центральных и местных

органов власти в Беларуси, наличие сильной национальной идеи и прочной общенациональной идентичности как существенного фактора поддержания баланса в системе «центр–регионы». В таких условиях предоставление регионам большей самостоятельности не несет угрозы целостности страны, а лишь позволяет территориям эффективно справляться с экономическими рисками, используя региональный интерес и региональную идентичность.

Список литературы

1. Hooghe, L. The rise of regional authority: a comparative study of 42 democracies (1950–2006) / L. Hooghe, G. Marks, A. H. Schakel. – London : Routledge, 2010. – 224 p.
2. Oates, W. E. An Essay on Fiscal Federalism / W. E. Oates // Journal of Economic Literature. – 1999. – Vol. 37 (3). – P. 1120–1149.
3. Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-predsedatelem-kongressa-mestnyx-i-regionalnyx-vlastej-soveta-evropy-andersom-knape-20977/. – Дата доступа: 19.05.2019.

А. В. Беляев

(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,
istorik-politolog@mail.ru)

**БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОЦЕНКАХ
РОССИЙСКИХ «ФАБРИК МЫСЛИ» (КОНТЕНТ-АНАЛИЗ
ЗА ДЕКАБРЬ 2019 г. – ФЕВРАЛЬ 2020 г.)**

«Фабрики мысли», то есть экспертно-аналитические центры, пришедшие к нам из американской и европейской политической практики, играют все более важную роль на постсоветском пространстве. Их особое значение объясняется новой реальностью информационного общества – постоянным увеличением объемов информации. «Информационный шум», возникающий в современных средствах массовой информации и коммуникации вокруг политических событий, скорее затрудняет их понимание и усложняет осознание причинно-следственных связей не только для рядовых граждан («обывателей»), но и для лиц, наделенных полномочиями по принятию политических решений. Тем важнее становится необходимость в получении качественной аналитики, и тем большая ответственность ложится на экспертов из «мозговых трестов», поскольку они превращаются не просто в технических работников, выполняющих рутинную работу по сбору и анализу информации, но зачастую становятся «творцами смыслов», на которые ориентируются и политики, и широкие массы.

Анализ интеллектуальной экспертизы российских «фабрик мысли», находящихся в публичном доступе, имеет большое значение для понима-

ния и прогнозирования поведения российской политической элиты. Для стратегического планирования политики Республики Беларусь в отношениях с ее ближайшим партнером и союзником – Российской Федерацией – необходимо четко представлять, какое место во внешнеполитических интересах России занимает наша страна. Особую актуальность данное знание приобрело в последние месяцы на фоне турбулентности российско-белорусских отношений, связанной с ревизией положений Союзного договора, неурегулированности углеводородных споров и расширения географии дипломатических контактов белорусской стороны (в первую очередь с США и странами ЕС и НАТО).

Для контент-анализа были использованы материалы, размещенные на официальных сайтах 5 российских «фабрик мысли», специализирующихся на внешнеполитической тематике: «Российский совет по международным делам (РСМД)» (<https://russiancouncil.ru/>), «Международный дискуссионный клуб Валдай» (<https://ru.valdaiclub.com/>), «ИМЭМО РАН» (<https://www.imemo.ru/>), «Институт Европы РАН» (<http://www.instituteofeurope.ru/>), «Совет по внешней и оборонной политике» (<http://svop.ru/>). Анализировались материалы, размещенные на вышеуказанных сайтах в период с 01.12.2019 г. по 29.02.2020 г.

Необходимо отметить, что тематика белорусско-российских отношений не являлась в указанный период основной для всех изучавшихся площадок. Она затрагивалась вскользь, часто в окружении общей тематики российской политики на постсоветском пространстве, несмотря на, казалось бы, острые противоречия в сфере союзного строительства. Данный факт можно объяснить тем, что вопросы взаимоотношений с Республикой Беларусь в настоящий момент не являются приоритетными для российского руководства в силу более широкой глобальной повестки, несущей большие вызовы и угрозы. Возможно также, что Беларусь воспринимается скорее как объект внутренней, а не внешней политики.

В пользу последнего утверждения свидетельствует ряд материалов, размещенных на сайте Российского совета по международным делам (РСМД). В частности, в статье главного редактора журнала «Россия в глобальной политике» Ф. Лукьянова «Ощущение если не катастрофы, то растущей тревоги имеет место» на фоне разбора глобальных геополитических трендов, отношений России с Европой, НАТО, Турцией и другими странами по поводу Беларуси сказано: «В долгосрочном, стратегическом плане, я думаю, все понятно. Беларусь очень связана с Россией, зависит от нее, поэтому куда-то свернуть не сможет, но за условия и всякого рода форматы будет торговаться до последнего». Такое же мнение автор высказывает и в статье «Лицом к лицу», где проводит сравнение отношений России с Турцией и Беларусью, указывая на усиление их конфликтного характера в последнее время. При этом он отмечает, что базовые основания бе-

лорусско-российского союза носят уникальный и незаменимый характер и просто «обречены развиваться». А в отношении текущих жестких переговоров он придерживается мнения, что это нормальное явление, обусловленное изменением внешних условий существования 25-летнего союза и темпоральной корректировкой национальных интересов.

О высоком уровне интеграции Беларуси с Россией, который не подвергается сомнению, на сайте РСМД высказался также директор Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД России И. Окунев: «При описании российской внешней политики также применима метафора «матрешки», где самая маленькая матрешка тесная интеграция с Абхазией, Южной Осетией и Приднестровьем, далее чуть крупнее Союзное государство России и Беларуси, затем ЕАЭС, ОДКБ и, наконец, СНГ. Каждая следующая матрешка обозначает уменьшающийся уровень экономической интеграции и политической сплоченности». С ним солидарен и директор Института Европы А. А. Громыко, который в своем комментарии «Парламентской газете» под названием «Союзное государство и ЕАЭС будут дополнять друг друга» (ссылка размещена на сайте Института Европы РАН) выражает уверенность в успешном развитии Союзного государства и ЕАЭС, заявляя о более продвинутой интеграции в рамках СНГ.

Если отношения собственно Беларуси и России в целом авторами всех проанализированных экспертных площадок рассматриваются как союзные и дружественные (несмотря на существующие споры по отдельным вопросам), то вмешательство в эти отношения третьих стран вызывает большой и неоднозначный интерес. Наибольший резонанс у российских экспертов вызвало февральское турне госсекретаря США Майка Помпео по странам постсоветского пространства. На сайте РСМД ему было посвящено 2 материала, на сайте МДК «Валдай» – 4. При этом тональность в оценках данного визита серьезно расходится.

Отношение аналитиков РСМД (генерального директора и члена Президиума РСМД А. Картунова, члена РСМД и директора Института Европы РАН А. Громыко) сводится к критической оценке возможного расширения диалога между США и Республикой Беларусь, содержатся заявления об использовании Беларуси американскими руководством для давления на Россию, но без реальной возможности оказания помощи и поддержки как на политическом фронте (защита суверенитета), так и на экономическом (поставки углеводородов). А. Громыко полагает, что: «...американцы практически в открытую говорят о своем желании разрушить союз России и Беларуси. В общем, такая постановка вопроса должна быть унижительна для Минска, но в Вашингтоне этого даже не чувствуют». При этом по поводу экономических споров России и Беларуси эксперт заявляет следующее: «Разногласия между Москвой и Минском – их внутреннее дело,

такие разногласия необходимо решать собственными силами и не подпускать к этому сторонних “доброжелателей”, особенно американцев».

В то же время эксперты МДК «Валдай» (А. Быстрицкий, А. Казанцев, Е. Прейгерман, Э. Качинс) не видят в этом визите серьезной угрозы для разрушения белорусско-российского союза, считая, что США лишь «проводят некоторую ревизию внешнеполитических ориентаций». В публикациях авторов «Валдая» сквозит явное одобрение американской активности на постсоветском пространстве как возможность предоставить странам вокруг России еще одну «точку опоры» для преодоления политической и экономической турбулентности. В отличие от РСМД, эксперты «Валдая» стараются не замечать в визитах Помпео открытого вызова интересам России. При этом они рассматривают проблематику Беларуси лишь как небольшой кейс в рамках глобальной политики противостояния США и России на постсоветском пространстве, не видят угрозы разрушения союзных отношений Беларуси и России, а действия президента А. Лукашенко с определенной долей одобрения оценивают как умелую попытку использовать ситуацию для укрепления своих переговорных позиций с Москвой (на общем фоне низкого доверия к заявлениям чиновников из Вашингтона).

Наиболее негативной и критичной в отношении Беларуси является размещенная на сайте Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) перепечатка статьи А. Гольца «Цена союзникам России. Невысокая». Автор оценивает визит М. Помпео как явно антироссийский, а Президента Беларуси А. Лукашенко фактически обвиняет в предательстве союзных интересов.

Таким образом, в российской аналитике последних месяцев наблюдаются расхождения в экспертных оценках российско-белорусских отношений, что свидетельствует об отсутствии единого подхода к выстраиванию политики в отношении Республики Беларусь.

С. И. Бойко

(Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия,
bsi1952@yandex.ru)

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО БЕЛАРУСИ И РОССИИ: ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЭВОЛЮЦИИ

Процессы, происходящие в последние несколько лет в Союзном государстве Беларуси и России, демонстрируют турбулентность, непоследовательность и противоречивость перспектив межгосударственного объединения, договор о создании которого был подписан более двадцати лет на-

зад, в декабре 1999 г. В настоящее время, в марте 2020 г., когда в России после январского послания Президента Федеральному собранию РФ на следующий день правительство во главе с Медведевым Д. А. ушло в отставку, стало понятно, что де-факто обозначились изменения концепции социально-экономического вектора развития. Последовавшие обсуждения в СМИ проектов поправок в конституцию России, предстоящий референдум об этих поправках должны положить конец большинству политтехнологических прогнозов о причинах заинтересованности российского политического истеблишмента в интеграционном взаимодействии с Беларусью. Главная интрига разрешилась – будет «обнулен» счет сроков Президента Путина В. В., действующий Президент получит право (при условии его личного желания и решения) участвовать на конкурентной основе в выборах в 2024 г. Пропала возможность по англосаксонской традиции считать Путина В. В. «хромой уткой», не принимать во внимание политические проекты, предлагаемые сейчас. Рассчитывать только на оппозиционные варианты и угрозы политической стабильности, на отсутствие преемственности в государственном управлении.

Одновременно стала видна прозорливость в политике Президента Республики Беларусь Лукашенко А. Г. в отношении Союзного государства и обоснованность его позиции в российско-белорусских многообразных двусторонних связях. Отчетливо это выражено в интервью Президента Лукашенко А. Г. 24 декабря 2019 г. российской радиостанции «Эхо Москвы», т. е. задолго до российских событий по смене состава правительства и объявления и вероятных поправках в конституцию Российской Федерации. Длительное время всесторонне муссируемый как в Беларуси, так и в России вопрос суверенитета получил однозначную оценку, эволюционные процессы в Союзном государстве не нарушают суверенитета участников: «Противоречия никакого нет. Мы два суверенных независимых государства – Беларусь и Россия. Мы сейчас продвигаем ту интеграцию, которая несколько не умаляет суверенитет ни России, ни Беларуси. Что такое суверенитет? Это власть над территорией. У нас есть границы, в России есть границы, власть осуществляется в этих границах. И мы никаким суверенитетом не делимся. Ни Россия, ни Беларусь» [1]. За тридцать лет после распада Советского Союза выросли новые поколения, к государственному управлению приходят граждане суверенных государств, для которых национальное государство стало непреходящей ценностью, они предпочитают сотрудничество во всех сферах деятельности без слияния в одно государство.

Социологический опрос, проведенный учеными российского МГИМО в Беларуси, показал, что на вопрос, какие отношения с Россией вы считаете наиболее приемлемыми для Беларуси, 57,6 % ответили «союзнические»; 31,8 % – «партнерские»; 10,2 % – «нейтральные» [2].

Аналогичное отношение к полному объединению и у граждан России. Большинство граждан России интересуется только экономической интеграцией с Беларусью. Социологи Левада-центра в декабре 2019 г. выяснили, какой процент граждан России считает необходимым образовать с Беларусью более тесный союз с единым руководством во главе. Согласно результатам опроса, 44 % граждан России считают, что странам нужно активнее сотрудничать в экономической сфере, 28 % – что нужно сохранить сотрудничество на имеющемся уровне. Однако 13 % респондентов выступают за образование общего государства с единым руководством, а 10 % уверены, что Беларусь должна войти в состав России [3]. В сумме эти 23 % и дают «независимым» СМИ и отдельным политологам основания для подозрений, что существует вероятность форсированного политического объединения.

Вместе с тем, значительная часть исследователей занимает более взвешенную и реалистичную позицию. В течение многих лет утверждают, как, например, один из ведущих политических мыслителей Беларуси проф. Ватыль В. Н., что: «По общему признанию белорусских и российских исследователей союзное строительство будет определяться эффективностью экономических процессов. Этим процессам, как известно, с самого начала объединения и сегодня, в период кризиса, присущи асимметрия и неравнозначность потенциалов, что порождает ряд проблем [4, с. 199].

Лукашенко А. Г. аргументировано и системно отстаивает национальные интересы Беларуси, проводит многовекторную внешнюю политику, в том числе экономическую: «Это была моя жесткая идея и требования – многовекторность политики. Это традиционные, сообразно нашему менталитету, понятия. Мы должны дружить со всеми нашими соседями. Нам ни Россия, ни Украина, ни Польша, ни Литва, Латвия не чужие. Потому что это наши соседи. Точка. Что касается векторов – у нас открытая экономика» [5]. Необходимо принять во внимание, что осложнения, периодически возникающие в экономических двусторонних отношениях России и Беларуси, отражают также и то, что российская сторона часто не проявляет готовности учитывать многовекторные интересы нашего партнера по Союзному государству. Нет адекватного понимания, что решаются экономические проблемы всегда на государственном уровне, решения всегда являются политическими. Понятно, что создание в 1999 году такой межгосударственной структуры, как Союзное государство Беларуси и России, было объективно необходимым условием благополучного и суверенного развития одновременно для обоих государств.

В уже упоминавшемся интервью российской радиостанции Лукашенко А. Г. заявил: «30 дорожных карт, которые касаются в основном эконо-

мических вопросов, – таможня, экономика, защита пространства нашего и так далее. Планы тех путей, по которым мы уже движемся. Основа – экономика. Ну и оборона, дипломатия, мы же тоже этим занимаемся, чем и отличаемся от ЕАЭС. А 31-я карта – это план строительства или завершения строительства союза с наднациональными органами» [1]. Открыто было подтверждено, что два президента согласились вопрос о наднациональных органах отложить, считая его сейчас не актуальным для эволюции Союзного государства. Сначала нужно урегулировать социальные, экономические и финансовые взаимоотношения. Глава белорусского государства в интервью справедливо указал на неоспоримые статистические показатели во внешней торговле с Россией. На отрицательное для Беларуси внешнеторговое сальдо в \$9 млрд. На то, что суммарный дефицит в торговле с Россией с 2000 по 2019 год превысил \$120 млрд. «Никто же этой цифры у вас не слышит! Если в 2000 году мы занимали 11 % в российском импорте, то в 2019 году доля упала наполовину – до 5,5 %, – подчеркнул Президент Беларуси. – Идет падение. Так что же это за союз?» [1].

Можно предположить, что одной из причин отставки бывшего правительства России могло стать также и упорное продолжение экономической политики в отношении Беларуси.

Допустимо высказать мнение, что политические решения по проектированию эволюции Союзного государства должны приниматься не в экономических и финансовых департаментах профильных отраслевых министерств и ведомств, а в высших структурах государственного управления на прагматичной, но взаимной и равноправной основе.

Список литературы

1. Лукашенко, А. Г. Интервью главному редактору радиостанции «Эхо Москвы» 24 декабря 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/intervju-glavnomu-redaktoru-radiostantsii-echo-moskvy-alekseju-venediktovu-22688/. – Дата доступа: 15.02.2020.
2. Соцопрос показал, как белорусы относятся к России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2019/11/28/12837614.shtml>. – Дата доступа: 15.02.2020.
3. Стало известно, как россияне относятся к объединению с Беларусью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/cis/43576465-stalo-izvestno-kak-rossiyane-otnosyatsya-k-obedineniyu-s-belarusyu/>. – Дата доступа: 15.03.2020.
4. Ватгиль, В. Н. Государство и государственность. История. Теория. Практика : избр. раб. / В. Н. Ватгиль. – Гродно : ГрГУ, 2014. – 375 с.
5. Лукашенко, А. Г. Встреча с представителями общественности, белорусских и зарубежных СМИ «Большой разговор с Президентом». 3 февраля 2017 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/vstrecha-s-predstaviteljami-obschestvennosti-belorusskix-i-zarubezhnyx-smi-15509/. – Дата доступа: 06.03.2020.

В. А. Болдин

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, boldin.v.a@gmail.com)

«СКИФСТВО» Р. В. ИВАНОВА-РАЗУМНИКА (1878–1946)

В 2018 г. впервые под одной обложкой были изданы обе части литературного сборника «Скифы» (1917 и 1918 гг.), что заставило нас вновь вспомнить о забытом направлении в русской социально-политической мысли – «скифстве» и его идеологе Р. В. Иванове-Разумнике (1878–1946).

Группа «Скифы», в которую входили писатели, поэты, деятели культуры и политики, принявшие революцию как глоток свежего воздуха, сложилась вокруг своего идейного вдохновителя, литературного критика, историка общественной мысли Разумника Васильевича Иванова, более известного под литературным псевдонимом Иванов-Разумник (1878–1946). Уже в предреволюционные годы Иванов-Разумник выдвинул требования революционных преобразований культуры и духовных основ общества, позже легшие в основу его концепции «скифства» [2, с. 229]. Считая себя последователем А. И. Герцена и Н. К. Михайловского, Иванов-Разумник формулирует свой уникальный философский метод «имманентный субъективизм», через его призму рассматривая историю русской общественно-политической мысли. Согласно Иванову-Разумнику, вся история русской мысли – это борьба творческой интеллигенции с «всесловным мещанством» и духом конформизма. Именно интеллигенция [4, с. 251] является силой, способной положить конец «мещанству», принеся освобождение не только отдельной личности, но и всему народу, сначала в индивидуальном, а затем и в общественном, политическом плане. А концентрированное выражение философия интеллигенции находит в литературе. Как верно замечает современный исследователь, Иванов-Разумник, видя в интеллигенции главную силу общественных изменений, в то же время продолжает традицию «социально-этического» толкования этого понятия, распространенного в России XIX века, когда к интеллигенции относили, прежде всего, тех, кто был критически настроен к современному обществу и его идеалам [6, с. 39].

«Скифство» стало бунтом интеллигенции против мещанского мира, а высшей точкой этого бунта была русская революция, воспринятая Ивановым-Разумником и его окружением как революция одновременно национальная и антибуржуазная. Образ «скифа», с подачи Иванова-Разумника, отождествлялся с русским революционером-социалистом, готовым бросить вызов всей западной, «мещанской» цивилизации, чтобы на ее руинах основать новый, справедливый мир. По мысли Иванова-Разумника, сборник должен был объединить литераторов «народнической направленности», т. е. близких идеологии социалистов-революционеров, которой симпатизировал сам Иванов-Разумник. Среди товарищей-единомышленников,

и по совместительству редакторов первого сборника «Скифов», были видные эсеры Сергей Дмитриевич Мстиславский (1876–1943), будущий советский писатель и участник ареста Николая II, и Сергей Порфирьевич Постников (1883–1965), в 1917 г. выпускающий редактор газеты «Дело народа», центрального печатного органа партии эсеров. Также к группе на первых порах примыкал старый народник Александр Иванович Иванчин-Писарев (1849–1916). Но душой литературной группы был, конечно, Иванов-Разумник. Благодаря его усилиям к «скифам» примыкает весь свет русской интеллигенции Серебряного века: поэты Андрей Белый (вместе с Ивановым-Разумником редактор второго сборника «Скифов») и Александр Блок, «новокрестьянские» поэты Николай Клюев и Сергей Есенин, писатель Евгений Замятин, теоретики левого искусства Константин Эрберг (Сюннерберг) и Арсений Авраамов, писатели А. Терек (Ольга Форш) и Алексей Чапыгин, философ Евгений Лундберг, поэты Алексей Ганин и Петр Орешкин, художник Кузьма Петров-Водкин (оформивший обложки сборников). В определенный период были близки к кружку писатели Алексей Ремизов и Михаил Пришвин, философ Лев Шестов, видная революционерка Вера Фигнер. Несмотря на отсутствие единой идеологической платформы, «в идейном плане “скифы” были близки к левым эсерам (они осуждали мировую войну как империалистическую (однако голосовали против Брестского мира); ратовали за передачу земли крестьянам; а в 1918 году были близки к анархистам)... “Скифом” считался духовно и интеллектуально независимый максималист, враг мещанства, готовый к революции, открытый мистическим переживаниям» [5, с. 74].

Два сборника «Скифов» (1917, 1918 гг.), несмотря на общий идейно-теоретический и концептуальный посыл, имеют все же и одно важное различие, обусловленное временем их выхода в свет. Если первый сборник, задуманный еще в 1916 г., основной своей задачей ставил осмысление Первой мировой войны, то второй стал больше осмыслением грянувшей в России революции. Суть этих размышлений емко была выражена в программных статьях Иванова-Разумника «Испытание огнем» (1917 г.) и «Две России» (1918 г.). Статья «Испытание огнем» стала своеобразным приговором социалистам всех мастей, которые не выдержали главного «испытания» – испытания войной и, под воздействием националистических настроений, спутали эту империалистическую войну с войной «народной» и «освободительной», чем, по мнению автора, и предали идеалы социализма. «Вечный дух мещанства», о котором писал еще Герцен, стал тем ядом, который разложил некогда единый лагерь социалистов [3, с. 261].

Но вот в России грянула долго ожидавшаяся «скифами-социалистами» революция. Прошли ли социалисты это новое «испытание»? На этот вопрос

пытается ответить Иванов-Разумник в статье «Две России» (1918 г.), ставшей программной для второго сборника и выразившей его общее настроение. Две России – это удивительно тонкая и верная метафора, которую Иванов-Разумник подбирает для характеристики того политического, социального и духовного раскола, в котором оказалось русское общество после революции. То, что свято на одном берегу, греховно на другом, что божественно там, демонично здесь – вот правда русской революции, правда «двух России». Но почему же произошел этот грандиозный раскол общества? Несмотря на то, что «великая русская революция» прошла бескровно, почему она скатилась в пучину гражданской войны? Причина этому «вечный Хам» – мещанство, несущее страх расстаться с прошлым, с ложными ценностями старого мира.

А злая шутка истории в том, что вскоре авторы сборника «Скифы», в том числе и его главный идеолог Иванов-Разумник, сами пострадают от пламени революции. Вслед за кадетами большевики расправились и со своими ближайшими товарищами левыми эсерами, к которым был близок «наркомскиф» Иванов-Разумник. Так и не выйдет в свет третий сборник «Скифов», открывать который должны были знаменитые «Скифы» Блока и его поэма «Двенадцать». Вскоре и сам Блок умирает после тяжелой болезни, так и не дождавшись разрешения на выезд за границу на лечение. Иванов-Разумник так и не опубликует свою статью «Испытание в грозе и буре», а после неудачи левоэсеровского восстания случится разгром издательства «Революционный социализм», газет «Знамя труда» и «Знамя борьбы», журнала «Наш путь», где публиковались «Скифы». А в 1919 г. Иванова-Разумника и вовсе посадят в тюрьму.

Список литературы

1. Ватиль, В. Н. Социально-политическая и правовая мысль России XIX – начала XX века (Очерки истории и теории). В 2 ч. Ч. 1 / В. Н. Ватиль, Д. В. Ермашов, А. А. Ширинянец. – Гродно, 1997.
2. Задорожнюк, И. Е. Иванов-Разумник / И. Е. Задорожнюк // Русская философия : энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина. – 3-е изд., дораб. и доп. – М., 2020.
3. Иванов-Разумник, Р. В. Две России / Р. В. Иванов-Разумник // Скифы : сб. – СПб., 2018.
4. Малинин, В. А. Интеллигенция / В. А. Малинин // Русская философия : энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина. – 3-е изд., дораб. и доп. – М., 2020.
5. Петров, В. В. Революция 1917 года в современной ей литературно-философской апокалиптике / В. В. Петров // Революция, эволюция и диалог культур : доклады к 100-летию русской революции на Всемирном дне философии в Институте философии РАН 14 и 16 ноября 2017 г. / отв. ред. А. В. Черняев. – М., 2017.
6. Ширинянец, А. А. Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции России XIX – начала XX века / А. А. Ширинянец. – М., 2002.

Н. А. Борисов

(Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия,
nborisov@rggu.ru)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ДЕЗИНТЕГРАЦИИ ГОСУДАРСТВА: СЛУЧАЙ ДОНБАССА

Конфликт на юго-востоке Украины, военная фаза которого началась в 2014 г., явился серьезным вызовом не только для суверенитета Украины, но и для всей системы международных отношений в Европе. Очевидно, что этот конфликт имел не только внутриукраинские причины, но и определялся глобальным геополитическим противостоянием России и США, достигшим высшей точки в период государственного переворота на Украине в конце 2013 – начале 2014 гг. О том, что Украина как расколотое государство станет центром противостояния России и Запада, еще в 1996 г. предупреждал С. Хантингтон [1, с. 258].

Признавая необходимость анализа геополитических стратегий, важно обратиться к пониманию и внутренних факторов дезинтеграции Украины. В ряде российских и восточноукраинских исследований можно встретить объяснение дезинтеграции через этническую идентичность жителей Донбасса (или даже «Новороссии», всего юго-востока Украины). Вместе с тем, такое объяснение не может быть по ряду причин признано удовлетворительным. На наш взгляд, жители территорий, ныне де-факто подконтрольных непризнанным Донецкой и Луганской народным республикам, никогда не противопоставлялись по этническому признаку ни жителям других районов Донбасса, ни жителям Украины в целом. Если принять русскоязычность как главный маркер этнической (русской или не-украинской) идентичности, то можно отметить, что количество граждан, использующих русский язык как основной в повседневном общении, было и остается значительным не только на Донбассе, но и на территории всей восточной и южной Украины, а также в Киеве. Таким образом, прямой привязки этничности к языку на Украине не существует. Вместе с тем, эту проблему нужно рассматривать и на более глубоком уровне: как показал В. Кулик, существует несоответствие между языковыми практиками и языковой идентичностью, в особенности между языком, используемым в повседневном общении, и языком, воспринимаемым в качестве «родного» [2], в связи с чем возникает более общий вопрос о корректности интерпретации украинской политики исключительно через призму этничности и языка.

Социетальные расколы внутри Донбасса не носят никакого этнического характера. В условиях специфической региональной идентичности сам фактор этничности в Донбассе традиционно был вторичным. Многочисленные потомки «западных» украинцев, прибывших в годы индустриализации на Донбасс, становились русскоязычными уже в первом поколе-

нии, оставаясь украинцами только по паспорту. Об этом же говорят и факты участия русскоязычного («русского») населения в формированиях обеих конфликтующих сторон, расколы внутри политических и научных сообществ и др. Например, одна часть преподавательского состава Донецкого национального университета после событий 2014 г. и перевода университета в Винницу согласилась на переезд, другая осталась в Донецке и выступила активным проводником государственной политики нового республиканского руководства.

Таким образом, мы имеем дело не с этнической, а исключительно с региональной идентичностью Донбасса, которая неоднократно анализировалась в работах украинских и российских авторов. Главными чертами региональной идентичности выступают: украинско-русская биэтничность, доминирование русского языка, индустриальный тип культуры, уважение к советскому прошлому и его символам, высокий уровень лояльности по отношению к местным элитам и своему краю [3, с. 250].

Такая идентичность активно поддерживалась региональными политическими элитами и их партийными формированиями, прежде всего «Партией регионов», а также укреплялась в ходе избирательных кампаний при помощи украинских региональных и национальных политических элит, которые были заинтересованы в обострении противостояния по принципу «свой-чужой» и созданию образа врага из представителей Партии регионов. Такая политика привела к тому, что региональная идентичность закрепились как политическая прежде всего в Донецкой и Луганской областях, которые всегда демонстрировали за пределами высокие результаты голосования за «своих» даже по сравнению с другими регионами юго-востока Украины. Из таблицы 1 видно, что Донецкая и Луганская области продемонстрировали «аномальное» голосование на президентских выборах как в 2004 г., так и в 2010 г. (более 90 %), в то время как в других юго-восточных областях уровень поддержки В. Януковича колебался от 61 % до 74 %.

Таблица 1 – Количество голосов, поданных на президентских выборах 2004 г. и 2010 г. за В. Януковича в регионах юго-востока Украины [5]

Область / год выборов	2004 г. («третий» тур), %	2010 г. (второй тур), %
Донецкая	93,54	90,44
Луганская	91,24	88,96
Запорожская	70,33	71,50
Харьковская	68,12	71,35
Николаевская	67,13	71,53
Одесская	66,56	74,14
Днепропетровская	61,13	62,70
Херсонская	51,32	59,98

Сформировавшаяся региональная идентичность, которая уже в период до 2014 г. была значительно политизирована и конвертирована политическими элитами в электоральные преимущества, сыграла ключевую роль в конфликте, который привел к дезинтеграции Украины. Если до 2014 г. политизация донбасской идентичности не приводила к открытому сепаратизму, то в ходе нынешнего конфликта она была использована для обоснования суверенитета «народных республик». В то же время вооруженный конфликт оказал неоднозначное влияние на идентичность: значительное число граждан, как покинувших Донбасс, так и проживающих в ДНР и ЛНР, отметили сохранение прежней идентичности (условно «русской» или «украинской») и усиление смешанной или даже гражданской идентичности [4, р. 7].

Характерно, что во время и после наиболее острой фазы вооруженного конфликта, жители Донецкой и Луганской областей (в части, де-факто подконтрольной Украине) на президентских выборах вновь демонстрировали аномально высокие результаты голосования по сравнению с другими юго-восточными областями за представителей бывшей Партии регионов (таблица 2).

Таблица 2 – Количество голосов, поданных на президентских выборах 2014 г. за С. Тигипко и на президентских выборах 2019 г. за Ю. Бойко в регионах юго-востока Украины [6]

Область / год	2014 г. (голосование за С. Тигипко), %	2019 г. (голосование за Ю. Бойко), %
Луганская	15,74	43,96
Донецкая	19,66	36,87
Харьковская	8,54	26,58
Одесская	18,57	21,92
Запорожская	13,74	18,79
Николаевская	13,11	17,33
Херсонская	10,31	15,73
Днепропетровская	10,53	12,36

Донецкая и Луганская области (территории, подконтрольные Украине) стали двумя единственными регионами, в которых в первом туре победил бывший заместитель председателя Партии регионов Ю. Бойко.

Таким образом, представляется, что ключевым фактором конфликта, приведшего к дезинтеграции Украины, явилась не этническая, а региональная идентичность, в формировании и политизации которой на протяжении 25 лет активно участвовали украинские и российские политики и средства массовой информации. Практика показала, что крайняя политизация та-

кой идентичности в сочетании с поддержкой извне может вести к вооруженному противостоянию. В то же время регионально-политические ориентации могут сохраняться в прежнем виде и усиливаться даже в условиях информационных войн на фоне вооруженной борьбы: как на территориях, подконтрольных Украине, так и в неконтролируемых «отдельных районах Донецкой и Луганской областей». Очевидно, что это ставит серьезную проблему возможностей политической интеграции как непризнанных республик, так и Донбасса в целом в политическую систему Украины, причем по мере отдаления от 2014 г. сами эти возможности будут все более и более призрачными.

Список литературы

1. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2006. – 571 с.
2. Kulyk, V. Language identity, linguistic diversity and political cleavages: evidence from Ukraine / V. Kulyk // Nations and Nationalism. – 2011. – Vol. 17, № 3. – P. 627–648. – DOI: 10.1111/j.1469-8129.2011.00493.x.
3. Пахоменко, С. П. Фактор ідентичності в українській кризі: приклад Донбасу / С. П. Пахоменко // Вісн. Маріуп. держ. ун-ту. Сер. «Історія. Політологія». – 2015. – Вип. 12. – С. 245–253.
4. Sasse, G. War and identity: the case of the Donbas in Ukraine / G. Sasse, A. Lackner // Post-Soviet Affairs. – 2018. – Vol. 34, № 2–3. – P. 1–19. – DOI: 10.1080/1060586X.2018.1452209.
5. Центральна виборча комісія України : офіційний веб-сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2004/wp0011.html>, <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2010/WP0011.html>.
6. Центральна виборча комісія України : офіційний веб-сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cvk.gov.ua/pls/vp2014/wp001>, <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp301pt001f01=719.html>.

И. Л. Борковская

(ГУО «Гимназия № 2 г. Гродно», г. Гродно, kazarez1989@mail.ru)

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Государственный язык – это один из основных компонентов национального самосознания. Он относится к числу наиболее очевидных признаков народа, служит ему средством общения и выступает в качестве исторической памяти и культуры. Язык, на котором осуществляется делопроизводство, ведется обучение на всех этапах получения образования.

В Декларации о провозглашении ССРБ, принятой 31 июля 1920 г., устанавливалось «полное равноправие языков (белорусского, русского, польского, еврейского) в сношениях с государственными учреждениями и в организациях и учреждениях народного просвещения и социалистической культуры» [1]. Конституция БССР 1927 г. и Конституция БССР 1937 г. государственными языками также определяют белорусский, русский,

польский и еврейский языки. В соответствии с Конституцией БССР 1978 г. государственными языками признавались белорусский и русский.

Декларация Верховного Совета Республики Беларусь от 27 июля 1990 г. «О государственном суверенитете Республики Беларусь» закрепила конституционно-правовой статус Республики Беларусь как независимого суверенного государства, полноправного субъекта мирового сообщества и отразила завершение важного этапа реформирования государственного устройства.

26 января 1990 года был принят закон «О языках в Белорусской ССР», придавший белорусскому языку статус государственного. В сентябре 1990 г. Совет Министров БССР принял Государственную программу развития белорусского языка и других национальных языков. Согласно Закону, Республика Беларусь «обеспечивает всестороннее развитие и функционирование белорусского языка во всех сферах общественной жизни», «проявляет государственную заботу о свободном развитии и употреблении всех национальных языков, которыми пользуется население республики», «обеспечивает право свободного пользования русским языком как языком межнационального общения народов», «создает гражданам Республики Беларусь необходимые условия для изучения белорусского и русского языков и совершенного владения ими».

В Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. в качестве единственного государственного языка установлен один – «дзяржаўнай мовай Рэспублікі Беларусь з’яўляецца беларуская мова. Рэспубліка Беларусь забяспечвае права свабоднага карыстання рускай мовай як мовай міжнацыянальных зносін» [2].

Однако республиканский референдум 14 мая 1995 г., который проводился в соответствии с постановлением Верховного Совета от 13 апреля 1995 г. «О проведении республиканского референдума по вопросам, предложенным Президентом Республики Беларусь, и мерам по его обеспечению», в числе других вынес вопрос «Ці згодны (согласны ли) Вы з наданнем (приданием) рускай мове роўнага статусу з беларускай?». Согласно данным Центризбиркома, в референдуме приняло участие 64,8 % избирателей. За придание русскому языку статуса государственного проголосовало 83,3 % , против – 12,7 %.

Конституция Беларуси и Закон «О языках в Республике Беларусь» от 13 июля 1998 г. № 187-3 (далее – Закон) определяют государственными в нашей стране белорусский и русский языки. Согласно данным, полученным в ходе мониторинга общественного мнения, проведенного в конце ноября 2009 года, для большинства опрошенных белорусский язык является, прежде всего, национальным символом (46,8 %) и национальным достоянием (44,3 %) и только 8,2 % воспринимают белорусский в качестве языка, которым необходимо пользоваться. Среди дополнительных отве-

тов, помимо изначально предложенных в вопросе вариантов ответов, выявлены и такие значения белорусского языка, как «язык, который надо возродить», «умирающий язык», «язык, на котором нужно говорить», «белорусский язык – язык моей Родины», «второй родной язык после русского», «один из языков нашего государства» и др. [3].

В 1993–1994 учебном году на белорусском языке в стране обучалось 76 % первоклассников, а уже в 1995–1996 учебном году в первые классы с белорусским языком обучения было принято 37,9 % первоклассников. По данным Таварыства беларускай школы, на февраль 2013 г. в стране на белорусском языке обучалось 16,4 % школьников, в детских садах – 11,4 % детей (на белорусском и русском языках – 3,8 %), в учреждениях среднего специального образования – 0,9 % учащихся (на русском и белорусском – 14,6 %), в вузах – (0,2 %), студентов (на русском и белорусском – 37,4 %).

По данным Белстата, только 9 % наименований книг и брошюр, изданных в последние годы, были на белорусском языке. Основная часть передач на белорусском телевидении ведется на русском языке. Согласно социологическим исследованиям, читательская аудитория книг на белорусском языке сократилась до 5 %.

Современная языковая ситуация в стране отличается сложностью и неоднородностью. С одной стороны, мы видим тотальное сокращение повсеместного использования белорусского языка, а с другой – большинство населения страны выступает против придания статуса государственного только русскому языку, поскольку в повседневном общении они пользуются либо смешанным языком («трасянкой»), либо русским языком с использованием белорусских слов.

Сегодня чрезвычайно важно сформировать в обществе цивилизованное понятие сути государственного двуязычия и привить гражданам умение жить в правовом поле [4, с. 67]. Очевидно, что белорусскому языку как языку государственному и языку межличностного общения необходима уверенная поддержка населения [5, с. 150].

Однако стоит отметить, что помимо воли и сознания народа, не менее важным фактором, влияющим на существование языка, является государственная языковая политика [3]. В ежегодном послании белорусскому народу и Национальному собранию 22 апреля 2016 г. А. Лукашенко заявил, что если «белорусы забудут свой язык, то перестанут быть нацией». Анатолий Тозик на заседании рабочей группы по комплексному анализу системы образования сказал: «Это будет ужасно, если мы потеряем язык. Чем мы тогда будем отличаться от наших соседей? Гражданин Белоруссии обязан владеть двумя государственными языками». Именно от политической воли государства зависит продвижение белорусского языка в сферу образования и делопроизводства, частную сферу лиц, а также от нее зависит и реальное обеспечение двуязычия.

Белорусский язык – основа всех слоев нашей культуры, народного и профессионального искусства, литературы, истории. Родной язык – это наша самобытность, независимость. Независимость перед всеми и всем миром. Родной язык – инструмент нашей души.

Список литературы

1. История Советской Конституции 1917–1956 гг. – М., 1957. – С. 235–237.
2. Конституция Республики Беларусь 15 марта 1994 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 01.03.2020.
3. Науменко, Л. И. Белорусский язык в зеркале мнений жителей современной Беларуси / Л. И. Науменко // Социологический альманах. – 2011. – № 2. – С. 287–288.
4. Да пытання аб забеспячэнні роўнасці дзяржаўных моў у Рэспубліцы Беларусь // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2007. – № 3. – С. 67–73.
5. Лукашанец, А. Беларуская мова ў сучасным свеце / А. Лукашанец // Літаратурна-мастацкі і грамадска-палітычны часопіс «Польмя». – 2010. – № 9. – С. 138–151.

Г. М. Бровка

(Белорусский национальный технический университет, г. Минск, gbrovka@bntu.by)

**ИННОВАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
В ЭПОХУ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Инновационная безопасность – составная часть национальной безопасности, выражающая состояние защищенности национальных интересов государства от внутренних и внешних угроз, возникающих в условиях инновационного развития.

Инновационное развитие представляет собой прогрессивное, необратимое, направленное, закономерное изменение личности, общества, государства, основанное на способности генерировать, воспроизводить и внедрять знания и инновации в различных сферах человеческой деятельности [1, 2].

Инновационное развитие всегда сопряжено со всевозможными рисками, вызовами и угрозами, поскольку инновации содержат кроме научной и технологической новизны и условий экономического роста новую социально-культурную ценность, вызывающую противодействие со стороны субъектов традиционной культуры. Так, технологические революции сопровождаются высоким уровнем риска и неопределенности, связанной с неприятием новых изобретений, инновационной асимметрии, психологического шока восприятия и даже агрессии и противодействия. Инновации радикально преобразуют все общественные сферы и институты, осуществляют изменения в рыночных отношениях как глобальной регулятивной инфраструктуры, подвергают реструктуризации сообщества как саморазвивающиеся системы. Инновационное развитие приводит к обновлению и

созданию целого ряда новых социальных институтов, начиная с государственного управления, финансового регулирования, науки и образования, заканчивая переменами в общественном поведении и идеологии, посредством внедрения новых ценностей и приоритетов [3].

Условием обеспечения приемлемого уровня инновационной безопасности является сильное и эффективное государство [4], активизация инновационных процессов, модернизация всего социально-экономического народнохозяйственного комплекса и социально-культурной сферы. Непрерывное внедрение инноваций – единственный способ поддержания высокого уровня безопасного существования и развития государства. В свою очередь устойчивое и поступательное развитие общества и государства, его экономических и социально-политических отношений и структур является основой инновационной безопасности. Различают устойчивость и безопасность инновационного развития на национальном, региональном и глобальном уровнях, которая определяет важнейшие цели государственной политики.

В настоящее время во всем мире происходят изменения, касающиеся разных сфер общественной жизни, инициируемые высокотехнологичным совершенствованием производственных технологий. Это приведет мир к Четвертой промышленной революции, и, по мнению многих экспертов, она уже началась. Четвертая промышленная революция, или же «Индустрия 4.0» – это прогнозируемые изменения во всех сферах общественной жизни, обусловленные современной тенденцией к автоматизации и обмену информацией в производственных технологиях. Данный термин введен президентом Всемирного Экономического Форума Клаусом Швабом [5]. В соответствии с его видением, это концепция, согласно которой мы стоим на пороге новой эпохи, где виртуальный мир объединен с физическим с помощью технологий. Это четвертая глобальная индустриальная эра, наступающая со времен первой индустриальной революции восемнадцатого века, которую определило появление паровых машин, позволивших перейти от ручного труда к машинному. Вторая индустриальная революция обязана освоению электричества и внедрению массового конвейерного производства. «Индустрия 3.0» – это внедрение цифровых компьютеров, создание и последующая эволюция информационных технологий. Дигитализация переходит в массовое внедрение киберфизических систем в производство, стирая границы между физическими, цифровыми и биологическими сферами.

Открытия и инновации в области развития возможностей установления коммуникаций и управления огромными потоками информации позволяют создавать роботизированные производства, внедрять интернет вещей, умные города и электронное правительство, стремиться к созданию искусственного интеллекта, объединять различные сети, способные

самонастраиваться и обучаться новым моделям поведения, проектировать новые глобальные и региональные системы, адаптироваться к любым условиям реальности, взаимодействовать без участия человека. Сегодня это: облачные технологии, интернет производства и вещей, технологии Big Data, способные собирать и анализировать информацию в любых сферах, биотехнологии, беспилотные автомобили, поезда, суда и самолеты, медицина, основанная на 3D печати, виртуальная реальность, криптовалюта, технологии Blockchain, системы вооружений, использующих новые физические принципы, и многое другое.

Движение по инновационному пути развития сопровождается появлением новых, ранее не встречавшихся рисков, вызовов и угроз, в том числе для национальных интересов. Эти угрозы и вызовы проявляются двойственным образом: как в ситуации запаздывающей модернизации, так и в процессе масштабного внедрения инноваций.

Вследствие этого, степень реализации процессов вхождения в эпоху четвертой промышленной революции и будет определять содержание инновационной безопасности, включая причину возникновения, характер и источник угроз, вызовы и риски инновационного развития. Из этой парадигмы вытекают приоритеты инновационной безопасности, определяющие эффективность государственного регулирования инновационных преобразований в контексте повышения уровня обеспечения национальной безопасности в целом. В случаях запаздывающей модернизации возникают угрозы потери конкурентоспособности и вытеснения национальной экономики на периферию глобального мирового рынка. Активная модернизация порождает угрозы, связанные с трендами развития инноваций, как социально-культурного феномена: интеллектуально-образовательным, научно-технологическим, экономическим, финансово-инвестиционным, хозяйственно-правовым, промышленным, маркетинговым и т. п. Инновационная безопасность как сфера национальной безопасности затрагивает все области жизнедеятельности социума, а не только социально-экономические отношения, которые являются ведущим направлением инновационного развития. Содержание инновационной безопасности зависит также от уровня развития национальной инновационной системы, представляющей инновационную, научно-техническую, научно-технологическую, социально-экономическую и духовную общность на конкретном территориально-государственном пространстве. Новыми вызовами становится гибридность угроз, появление новой сферы противостояния государств – киберпространство, изменение природы межгосударственных отношений, киберпреступность, включая новые формы мошенничества и коррупции. Освобождение значительных трудовых ресурсов, ранее занятых в материальном производстве, открытие информационного пространства для всех, невиданная ранее транспарентность принятия властью решений, перенастрой-

ка власти, усиление эффектов глобализации (от торговли до здравоохранения и медицины), изменение роли некоммерческих организаций в жизни общества и др.

Государствам и обществу предстоит найти множество ответов и решений, которые позволят обеспечить их безопасность в наступающую эпоху «Индустрия 4.0».

Список литературы

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь № 575 от 09.11.2010. – Минск : Бел. дом печати, 2011. – 49 с.
2. Национальная безопасность Республики Беларусь / М. В. Мясникович [и др.]. – Минск : Бел. наука, 2011. – 557 с.
3. Бровка, Г. М. Инновационное развитие и национальная безопасность / Г. М. Бровка. – Минск : РИВШ, 2017. – 280 с.
4. Ватыль, В. Н. Сильное и эффективное государство: историко-персоналогический дискурс / В. Н. Ватыль, Н. В. Ватыль. – Гродно : ЮрСаПринт, 2016. – 279 с.
5. Клаус Шваб. Четвертая промышленная революция [Электронный ресурс] / Клаус Шваб. – Режим доступа: <http://medium.com/541e53bf0b90>. – Дата доступа: 25.11.2019.

Ю. М. Бубнов

(Могилёвский государственный университет продовольствия, г. Могилёв, bubnov_juri@tut.by)

ПОЧЕМУ ФРАНЦУЗЫ БАСТУЮТ, А БЕЛОРУСЫ – НЕТ

Факторы, влияющие на протестную активность населения, весьма разнообразны как по своей природе, так и по интенсивности воздействия. Невозможно их все перечислить в заданном организаторами конференции формате. Мы рассмотрим лишь один, на наш взгляд, самый значимый фактор – самооценку экономического благосостояния граждан.

Вряд ли стоит доказывать после целой эпохи исторического материализма важность влияния материальной составляющей жизни людей на все прочие общественные сферы, начиная с семьи и кончая политикой. Однако влияние это представляет собой отнюдь не прямую линейную зависимость. В противном случае мы не поймём, почему бастуют французы и немцы, а не значительно уступающие им по материальному достатку белорусы. Дело в том, что на настроение людей больше воздействует направленность изменения их экономического положения, нежели имеющийся в их распоряжении объём материальных благ. Поэтому падение высокого уровня жизни переживается людьми зачастую острее, чем увеличение изначально более низкого благосостояния.

Высказанная только что мысль имеет статус гипотезы, предположения, пока не будет подтверждена или опровергнута конкретными объективными данными. В представленной статье такими данными выступают

результаты правильно выполненного опроса репрезентативной выборки жителей Могилёва. С 2017 года Центр городских инициатив спрашивал могилевчан, кем они себя считают по шкале «богатый – со средним достатком – бедный – нищий». Посмотрите на рисунке 1, как отвечали на этот вопрос наши земляки в 2017 году (356 респондентов), в 2018 году (371 участник опроса) и в 2019 году (355 респондентов).

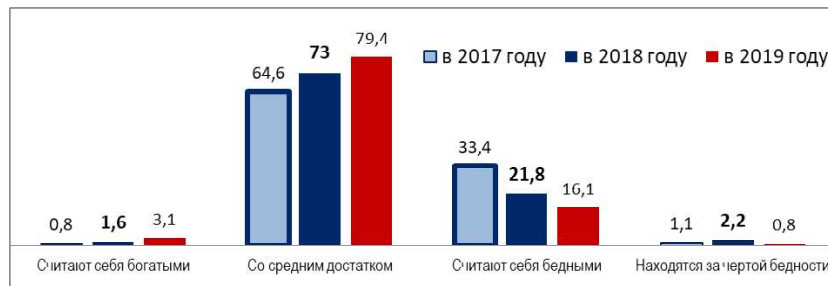

Рисунок 1 – Самооценка материального благосостояния жителей Могилёва в 2017, 2018 и 2019 гг., в процентах

Все три года наших наблюдений проявлялась отчётливая тенденция к росту количества граждан, относящих себя к людям со средним достатком, и, соответственно, к снижению удельного веса «бедняков». Оговоримся, что мы заключили слово «бедняки» в кавычки по той причине, что уже неоднократно убеждались, сравнивая реальные душевые доходы участников опроса, что далеко не все из так называемых «бедняков» имеют низкие доходы, а некоторые из них по этому показателю благосостояния далеко опережают даже «среднячков». То, чем оперирует социолог, имеет оценочную природу. Поэтому одна и та же, к примеру, сумма заработной платы в одном случае может оцениваться положительно, а в другом – резко отрицательно. Зависит это от принятых в данном конкретном социальном окружении стандартов потребления. Поэтому далеко не все респонденты, назвавшие себя бедняками, являются таковыми на самом деле по объективным показателям, например по уровню заработной платы. Скорее всего, попросту их материальные притязания намного превышают деловые способности.

Однако, несмотря на субъективность самооценок людей своего материального положения, они могут повлечь за собой вполне объективные последствия в результате обусловленного этими оценками массового поведения граждан, в том числе и в протестном движении. Поэтому изучать их необходимо со всей тщательностью. Как это делают, к примеру, в США,

где с 1946 года социологически измеряют основанный на самооценках материального положения людей Индекс потребительских настроений (ИПН). В настоящее время Индекс потребительских настроений входит в число 11 важнейших макроэкономических показателей, на основании которых исчисляет свои прогнозы Бюро экономического анализа, включенное в структуру правительства США. С 70-х годов прошлого столетия ИПН активно используется в экономической и политической жизни США и стран Западной Европы. В Беларуси опыт применения ИПН в качестве инструмента анализа материального благополучия граждан имеем только мы [1, 2]. В данном тексте мы будем использовать ту часть технологии ИПН, которая определяет **Индекс текущего состояния** материального благополучия людей. Он строится на основе сравнения удельных весов граждан, улучшивших и ухудшивших свое материальное положение в течение последнего года. В таблице представлены результаты опросов жителей Могилёва и области, проведены с участием или под руководством автора этого текста, начиная с 1995 года. В ней дана вся информация, на основе которой строится Индекс текущего состояния потребительских настроений наших земляков. В нижней строке таблицы приведены изученные Могилёвским институтом региональных социально-политических исследований (МИРСПИ) значения Индекса текущего состояния материального благополучия могилевчан за четверть века.

Таблица – Результаты ответов жителей Могилёва на вопрос: «Как изменилось материальное положение Вашей семьи за последний год?».

Варианты ответов:	1995	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2008	2011	2018	2019
Улучшилось	3,4	3,2	4,5	6,4	5,8	8,3	7,9	11,9	12,1	20,1	14,6	9,3	19,7	20,0
Осталось без изменений	13,5	35,5	18,3	25,6	22,9	40,7	35,8	42,2	39,1	38,5	57,0	24,0	45,3	63,7
Ухудшилось	81,7	58,1	74,3	60,9	69,1	41,8	51,6	39,9	43,1	36,2	22,9	66,5	25,3	15,5
Индекс текущего состояния*	21,7 балла	45,1 балла	30,2 балла	45,5 балла	36,7 балла	66,5 балла	56,3 балла	72,0 балла	69,0 балла	83,9 балла	91,7 баллов	42,8 балла	94,4 балла	104,5 балла

*Примечание: Индекс текущего состояния потребительских настроений рассчитан по сокращённой методике на основе одного вопроса-индикатора, приведённого в таблице. Расчёт индекса производится следующим образом: к разности положительной оценки и отрицательной оценки прибавляется 100.

Табличный формат приведённых результатов опроса, хотя и точен, однако не слишком нагляден. Поэтому мы проиллюстрируем данные таблицы графическим форматом. Динамика индекса текущего состояния материального положения наших земляков хорошо видна на рисунке 2.

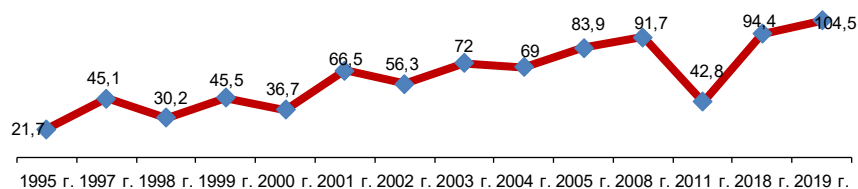

Рисунок 2 – Динамика Индекса текущего состояния с 1995 года по 2019 год, в баллах

Читаются данные, представленные на рисунке 2, просто. Значения ниже 100 баллов означают превышение доли пессимистов, чьё материальное положение в прошедшем году, по их мнению, ухудшилось, над счастливыми, прибавившими к своему достатку. Учёные Мичиганского университета, создавшие в середине XX века Индекс потребительских настроений, постарались прибавлением 100 баллов к разности положительных и отрицательных ответов избежать знака «-» в своём индексе. Однако эмоционально знак «минус» в этом случае воспринимался бы более остро. Именно таким было настроение моголевчан весь предыдущий 25-летний период наших наблюдений, когда доля лиц, ухудшивших своё материальное положение, была всегда больше удельного веса обогатившихся граждан. Правда, разница между ними постепенно сокращалась. Если в середине 90-х годов соотношение удачников и неудачников составило 3,4 % против 81,7 %, то в 2018 году прибавили к своему достатку 19,7 % моголевчан, а потерпели убыток – 25,3 %. И вот в только что прошедшем 2019 году наконец-то доля лиц, улучшивших материальное благосостояние (20,0 %), превысила процент неудачников (15,5 %): Это и зафиксировал Индекс потребительских настроений 2019 года, равный 104,5 балла.

Теперь и мне стало понятно, почему французы, которых лишают пенсионных льгот, бастуют всей страной, а белорусы даже на повышение возраста выхода на пенсию реагируют только глухими разговорами на кухнях. Всё дело отнюдь не в пресловутом «белорусском менталитете», на который часто презрительно ссылаются люди, претендующие на роль национальных лидеров. Просто большинство граждан Беларуси, не будучи избалованными европейскими излишествами, постепенно, из года в год (правда, не без кризисов) прибавляли к своему материальному достатку то евроремонт, то очередную, хотя и подержанную, машину, то летний отдых в Турции. Эта положительная, в целом, динамика изменения материального благополучия белорусов и делает их более терпимыми к различным экспериментам, которые с ними проделывают власти.

При анализе столь сложного социально-политического явления, каким является протестное движение, разумеется, нельзя ограничиваться только одним материальным фактором, сколь бы ни был он важен. Но воздействие других факторов на протестное поведение людей придётся описывать уже в другой статье для другой конференции.

Список литературы

1. Бубнов, Ю. М. Индекс потребительских настроений как индикатор социального самочувствия населения / Ю. М. Бубнов // Гуманитарно-экономический вестник. – 1997. – № 4 (7). – С. 120–121.
2. Бубнов, Ю. М. Индекс потребительских настроений молодежи в Беларуси (Могилев) и Украине (Донецк): сравнительное исследование / Ю. М. Бубнов // Молодежь и рынок: Проблемы восприятия молодежи Беларуси (Могилев) и Украины (Донецк) демократических и рыночных ценностей / ред. В. Д. Выборный. – Могилев : МГА «Гуманитарная инициатива», 1999. – 96 с. – С. 22–30.

О. Г. Буховец

(Институт Европы РАН, Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, o_bukhovets@tut.by)

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ НА ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАРТЕ

Прошло уже 5 лет как получил жизнь, в соответствии с договором, подписанным 29 мая 2014 г. в Астане президентами Казахстана, Беларуси и России – Н. А. Назарбаевым, А. Г. Лукашенко и В. В. Путиным, Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Формально ЕАЭС начал свою деятельность с 1 января 2015 г. Буквально на следующий день после своего рождения, 2 января 2015 г., это новое интеграционное объединение расширилось за счет вступления в него Армении, а с 1 мая 2015 г. его полноправным участником стал и Кыргызстан.

Появление такого масштабного интеграционного объединения с далеко идущими планами, в которое, как отмечалось, на данный момент входят уже 5 стран постсоветской Евразии, было встречено в разных регионах Европы и мира по-разному. Так, с самого начала стало очевидным, что в достаточно большом количестве стран, региональных и международных организаций создание ЕАЭС было воспринято сугубо позитивно и вполне заинтересованно. Это относится, прежде всего, к постсоветскому пространству, вернее – к большей его части.

Но наряду с постсоветским пространством, Евразийский экономический союз сразу же вызвал пристальный интерес и в ряде других регионов мира. О чём весьма красноречиво говорит то, что в считанные месяцы свою заинтересованность в налаживании различных форм сотрудничества с ним успели выразить представители уже более четырёх десятков стран, в том числе таких важных, как Индия, Вьетнам, Иран, Турция, Израиль.

Причём Вьетнам сумел даже заключить и договор о создании зоны свободной торговли с ЕАЭС. Можно уверенно прогнозировать, что в ближайшее время последуют аналогичные соглашения и с другими заинтересованными странами.

Но не секрет, конечно, что евразийский интеграционный проект у руководства целого ряда государств, в основном западных, вызвал и скептическое, неприязненное, а то и откровенно враждебное отношение.

Чрезвычайно показательны в этом смысле опубликованные Фондом Фридриха Эберта в конце 2014 г. (т. е. накануне начала деятельности ЕАЭС) «Четыре сценария развития отношений между ЕС, Российской Федерацией и общими соседями». В этих широко разрекламированных сценариях ЕАЭС трактуется только как «сфера российского влияния», инструмент «прямого влияния России на ее «ближнее зарубежье».

Согласно консолидированному мнению многочисленной группы экспертов и указанного Фонда Фридриха Эберта проекта, представляющих 12 стран, Евразийский союз как модель сотрудничества России с постсоветскими странами ведет «к дальнейшей политизации ее экономики и нарастанию напряженности в связи с притоком мигрантов в Россию» [ЕС и Восток в 2030 году, 2014: 34]. А что же касается российских граждан, то они, по утверждению экспертов, «практически не замечают существования ЕАЭС и не возлагают на эту организацию какие-либо надежды». Более или менее нейтральное отношение зафиксировано лишь в одном-единственном сценарии прогноза: допускается, в частности, начало переговоров в 2031 г. о «возможности включения стран – членов ЕАЭС в Шенгенское соглашение при условии более тесного сотрудничества в рамках программы «ФРОНТЕКС». Иными словами, опять-таки на условиях ЕС.

Особенно характерно неприязненное отношение к ЕАЭС для стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), которые с подачи лидеров США, на Западе в последнее десятилетие часто называют «новой Европой». Впрочем, весьма прохладное отношение Запада к евразийской интеграции постсоветских стран проявлялось и на предшествующем созданию ЕАЭС этапе, когда действовали Таможенный союз и Единое экономическое пространство (ТС-ЕЭП).

Если обратиться к странам постсоветского пространства, то в них, согласно соответствующим социологическим опросам, как граждане государств инициативной «тройки» – Беларуси, Казахстана, России, так и преобладающая часть населения стран-соседей в отношении евразийской интеграции настроены были «достаточно оптимистично». Результаты социологического исследования, проведенного в рамках «Интеграционного барометра Евразийского банка развития» (ЕАБР), свидетельствуют, что в 2012–2013 гг. жители стран – будущих его членов – Беларуси, Казахстана и России – непосредственно накануне начала деятельности Евразийского

экономического союза в подавляющем большинстве одобряли евразийскую интеграцию, хотя и с тенденцией к некоторому снижению в 2013 г. уровня такой поддержки (исключая при этом Беларусь).

Авторы указанного исследования пришли к выводу о том, что, по убеждению опрошенных граждан, «интеграционный проект будет либо развиваться, либо зафиксирует достигнутое, но сворачиваться в любом случае не будет». Таким образом, в создании ЕАЭС многие граждане стран-участниц и стран-кандидатов на вступление в него увидели важный реальный шаг к дальнейшей плюрализации путей экономического и социального развития, которая особенно явно обозначилась в условиях наблюдавшегося тогда и до сей поры полностью еще не преодоленного финансово-экономического кризиса, совершенно небывалого по глубине, продолжительности и уже наступившим последствиям. Но это – с одной стороны.

С другой же – никак нельзя обойти вниманием и тот очевидный факт, что заметная часть как «среднестатистических» жителей, теперь уже «пятерки» государств – членов ЕАЭС, так и, в гораздо большей степени, их масс-медийные, гуманитарно-публицистические и экспертно-аналитические сообщества, настроены по отношению к перспективам интеграции евразийского пространства в разной степени скептически. А то и просто выступают с явно нигилистических позиций по отношению к самой идее евразийской интеграции.

Даже в солидных научных изданиях некоторые весьма популярные авторы проекта Евразийского экономического союза определяют не иначе как «безнадежную попытку» нынешнего российского руководства «воссоздать империю». Партнёров же России по этому союзу они в совершенно недопустимой манере называют «практически безнадежными» и «бесполезными соседями», которые-де «стучатся» в ЕАЭС и «кричат о своих намерениях присоединиться» к нему.

Для скептического восприятия всеми сомневающимися Евразийского экономического союза наши эксперты подобрали даже специальный термин – «евразоскептицизм». При этом, анализируя природу этого «нового устойчивого феномена», эксперты предлагают, однако, не драматизировать сам факт наличия евразоскептицизма и подчёркивают, что отныне тот – не только «постоянный спутник» самого евразийского проекта, но и органическая его часть, подобно тому «как это происходит в Европейском Союзе».

Действительно, если не забывать, что разница общественных интересов и устремлений – атрибутивная характеристика в принципе любого социума, то евразоскептицизм – явление не только нормальное, но и просто неизбежное. Ведь что ни говори, но любая, даже самая успешная интеграция не может обеспечить интересы всех и во всём. Тот же евроскептицизм, к примеру, существовал в странах нынешнего Европейского Союза даже тогда, когда последний, условно говоря, шёл от достижения к достижению и от победы к победе.

Л. Б. Вардомский

(Институт экономики РАН, г. Москва, Россия, wardom@yandex.ru)

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЯ: СРАВНЕНИЕ СЭВ И ЕАЭС

В январе 2019 г. исполнилось 70 лет с момента создания СЭВ, а на июнь 1991 г. приходится 30-летняя годовщина завершения его деятельности. Социалистическая экономическая интеграция (СЭИ) позиционировалась как новая модель мирового экономического порядка, основанная на координации планов и социалистической солидарности. Стартовал как ответ на План Маршалла, интеграция социалистических стран была остановлена неразрешимыми противоречиями стран-участниц и резкого экономического ослабления СССР – лидера этого проекта.

В основе СЭИ лежали общие идеологические установки: интернационализм, солидарность, справедливость, которые определяли идентичность соцстран. Но у партнеров СССР четко звучал мотив национальной идентичности, социализма с национальным лицом.

Сильной стороной СЭИ были проекты специализации стран и плановое обеспечение сбыта продукции. Ее роковые слабости – оторванность от мирового рынка, монополия государств на внешнеэкономическую деятельность, недооценка роли рыночных механизмов. Своего рода «могильщиком» плановой системы международных экономических отношений стала невозможность определения взаимовыгодных цен на товары взаимной торговли. До образования СЭВ в 1949 г. торговля между странами-участницами шла по текущим мировым ценам. Но плановые отношения требовали ценовой стабильности во взаимной торговле. До 1957 г. во взаимной торговле сохранялись цены 1949 г. В 1958 г. была принята схема определения цен взаимной торговли в двустороннем порядке на базе средних мировых цен на соответствующий товар за предшествующее пятилетие. Такая система была более или менее приемлема при относительно стабильном уровне мировых цен. Но при их резких перепадах, причем в разной степени на отдельные товары, такая практика ценообразования давала сбой, сильно изменяя условия торговли между странами СЭВ.

В 1975 г., реагируя на сильные скачки мировых цен, страны СЭВ модернизировали систему ценообразования, перейдя к так называемым «шагающим ценам». Контрактные цены стали пересматриваться каждый год путем усреднения мировых цен за прошедший пятилетний период. Это позволило несколько смягчить ценовые перепады на мировых рынках, но не сняло проблему неэквивалентного товарообмена.

Нарастание колебания мировых цен в 1970-х и 1980-х годах приводило к тому, что товарообороты было все труднее сбалансировать без заведомых экономических потерь для одной из сторон. Так у СССР – поставщика топлива и сырья за 1975–1985 годы накопилось 15 млрд неликвидных

переводных рублей. У европейских стран СНГ в результате падения цен на топливо и сырье за 1986–1990 годы образовались активы в торговле с СССР в 10 млрд переводных рублей.

Специально для обслуживания взаимной торговли была создана система расчетов, в основе которой находился переводной рубль, который по золотому содержанию и по отношению к доллару был равноценен советскому рублю. Переводной рубль обеспечивал исключительно двустороннюю торговлю. При этом множественность контрактных цен на один и тот же товар во взаимных торговых отношениях разных стран СЭВ фактически означала неодинаковую покупательную способность переводного рубля в отношениях между различными странами. Отсутствие до конца 1980-х годов реальных курсов пересчета национальных валют в переводной рубль, в конвертируемые валюты и друг в друга отражала фактическую обособленность национальных экономик друг от друга и от мирового хозяйства.

До национальных экономик сигналы от мирового рынка и от рынка стран СЭВ доходили в искаженном виде, не позволяли измерить эффективности или неэффективности взаимной торговли, хозяйственной деятельности в целом, осуществлять эффективную специализацию и модернизацию производства. Расширение торгово-экономических связей со странами Запада с начала 1970-х гг. вскрыло неэффективность СЭВ как региональной экономической интеграции. Двусторонняя система торговых отношений имела непрозрачный характер, была сильно политизирована, постоянно порождала вопрос «кто кого кормит». На начальном этапе СЭВ торговая блокада Запада способствовала консолидации европейских социалистических стран, а на этапе «фразрядки» расширение межблокового торгово-экономического сотрудничества немало способствовало разобщению и упадку СЭВ. В этих условиях национальные интересы превзошли социалистическую идентичность.

Несмотря на неудачу проекта, СЭВ внес заметный вклад в развитие международных экономических отношений. Он был частью биполярного мироустройства и поддерживал геостратегическую стабильность в мире. Будучи конкурентом ЕС, способствовал совершенствованию институтов европейской интеграции, особенно в части планирования интеграционного процесса и создания механизмов сближения уровней развития и благосостояния стран-участниц. Благодаря СЭВ была создана инфраструктурная сеть, связующая экономики стран-участниц, которая сейчас широко используется во взаимных экономических связях России и других стран СНГ с ЕС и между странами ЕС. Сегодня действуют и нефтепровод «Дружба», газопровод «Ямал-Европа», Усть-Илимский целлюлозный завод и другие крупные объекты, возникшие в ходе СЭИ и сохраняющие свое международное значение.

Для стран СЭВ интеграция стала основой индустриализации, способствовала прогрессивным в то время изменениям в структурах их экономи-

ки, вызвала бурную урбанизацию, рост доходов населения и, самое главное, способствовала росту человеческого капитала. Это обстоятельство сыграло важную роль в адаптации этих стран к условиям ЕС и вхождения в европейскую экономическую систему.

Евразийская интеграция осуществляется совершенно в других условиях, чем СЭИ. Сильно различаются механизмы интеграции. Но цели интеграции во многом совпадают.

Какие уроки СЭВ можно извлечь для проекта евразийской интеграции? Для интеграционного проекта однозначно важна роль лидера. СССР не справился с ролью лидера СЭВ по причине консерватизма советского руководства, громадной инерционности его политической и экономической системы. По инновационности – готовности внедрять социальные, политические и экономические нововведения СССР уступал ряду стран СЭВ, прежде всего Венгрии и Польше. Символично, что придуманная в СССР система контрактных цен и переводных рублей в конечном итоге вызвала крах СЭВ и внесла свой вклад в распад великой страны.

В СЭВ институты, регулирующие взаимную торговлю и структурные изменения в национальных экономиках, благодаря плановой системе были в значительной мере синхронизированы. В ЕАЭС этого пока нет. При общей торговой политике страны автономны в проведении структурной политики. В структуре СЭВ действовали международные объединения «Интерметалл», «Организация сотрудничества в подшипниковой промышленности», «Интерхим» и др., которые играли ключевую роль в формировании соответствующих товарных рынков, в ЕАЭС таких институтов крайне мало. Регулирование осуществляется путем принятия общих стандартов и нормативов, производственная же сторона остается делом национальных регуляторов.

Природа возникающих в ходе евразийской интеграции противоречий в целом подобна тем, что наблюдались в СЭВ. В рамках ЕАЭС они также связаны с несбалансированными национальными экономическими интересами. Важным раздражителем в евразийской интеграции стали взаимные административные барьеры на пути свободного трансграничного движения товаров взаимной торговли, чего не было в СЭВ. Защита национальных производителей является отражением укрепления национальной экономической суверенитета, что является одной из целей евразийской интеграции.

Опыт СЭВ показывает, что идентичность, построенная на идеологии, является неустойчивой, ненадежной в экстремальных экономических условиях. Отсутствие общей идентичности стран ЕАЭС повышает значимость суверенитета и затрудняет переход к более глубоким формам интеграции. Безусловно, общая, разделяемая всеми странами, независимо от размеров и уровня развития, идентичность позволила бы развивать интеграционные процессы более уверенно и динамично.

В качестве основы новой идентичности, на наш взгляд, следует использовать представление о пространстве, занимаемом странами, как пространстве общего историко-географического и культурного наследия – «евразийская идентичность». Это представление может стать основой для совместного развития некоторых важных для мира функций: трансматериальных коммуникаций, производства энергоносителей и продовольствия, развития космических и цифровых технологий и т. п., для реализации концепции «Большого евразийского партнерства».

В. Н. Ватыль

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, vatyln@gmail.com)

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-НОРМАТИВНОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

I. Четвертая промышленная революция повлекла за собой глобальный процесс коренных преобразований, формирование нового уклада мировой экономики и нового цифрового коммуникационного пространства. Мир переходит к цифровому мышлению. Новая среда базируется преимущественно на виртуальном ресурсе, основой которой выступает информация. Этот ресурс, наряду с очевидными благами, порождает заметные тревоги и проблемы. Одна из таковых – обеспечение информационной безопасности государства.

Цифровая трансформация экономики, как известно, признана государственно-национальным приоритетом не только в Беларуси, но и в странах ЕС и ЕАЭС. Однако при создании благоприятных условий для цифровизации разных сфер деятельности государства неизбежно сталкиваются с вызовами, которые им в одиночку не преодолеть. Для виртуального пространства этих стран сегодня актуальна не только защита аппаратно-программных платформ от компьютерных атак в части нарушения конфиденциальности, целостности и доступности, функциональной устойчивости, но и борьба с новыми информационными угрозами, направленными на деформацию сознания человека, общества и государства.

II. Практика и теория информационного общества позволяет говорить о следующих угрозах в отношении информационной безопасности государства:

2.1. Угроза использования фейков как инструмента межгосударственного информационного противоборства. Применение технологий фейковой информации позволяет создавать правдоподобные видеозаписи, в которых политические лица и структуры, представители государственных органов управления и администрирования и иные лица, используя опре-

ленные фразы, демонстрируя конкретные ситуации и действия, в конечном итоге реализуют намерения и задачи, нужные атакующей стороне психологического воздействия (введение в заблуждение, дискредитация, провоцирование к определенным позитивным или негативным реакциям). Фейковые информационные вбросы также успешно используются для медийной и сетевой «раскачки» избирательных кампаний, что ведет к достижению нужного политико-психологического эффекта. Дезинформация широко применяется и для провоцирования негативных слухов в период послешоковых информационных поводов (терактов, техногенных катастроф, стихийных бедствий, крупных происшествий).

2.2. Угроза применения дезинформации в террористической и экстремистской деятельности. Посредством социальных сетей и мессенджеров террористические и экстремистские структуры изготавливают и используют провокационные фальшивые видео, способные вызвать нужный резонанс в целевой аудитории. Это могут быть сымитированные кадры расстрела мирных жителей, государственных военнослужащих, жестоких пыток в отношении лиц, подозреваемых в причастности к терроризму или экстремизму, совершение оскорбительных действий в отношении объектов и служителей религиозного культа. Подобный информационный вброс нацелен на разжигание массовых беспорядков, усиление ненависти и активизацию насилия в отношении официальных лиц и групп. Относительно межгосударственного сотрудничества, информационная «деза» связана с намерением раскрутки межконфессиональных, межнациональных и межкультурных трений и конфликтов. Отдельно стоит подчеркнуть кампании по дискредитации деятельности правоохранительных органов. Стоит также отметить и организацию пропагандистских кампаний террористами и экстремистами для продвижения своих главных нарративов.

2.3. Угроза использования фейковой информации в преступной деятельности. Подобная информация может использоваться для совершения следующих видов преступлений: публичные призывы к развязыванию агрессивной войны; принуждение; клевета; оскорбление; понуждение к действиям сексуального характера; заведомо ложное сообщение об акте терроризма; возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды; незаконное распространение порнографических материалов или предметов; вымогательство; публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя; оскорбление представителя власти.

2.4. Угроза использования фейковой информации для распространения несоответствующей действительности порочащих сведений. Диффамация с использованием простых и глубоких фейков может стать элементом непристойной PR-кампании, направленной против политических и государственных деятелей, «звезд» шоу-бизнеса, известных спортсменов, деятелей культуры и прочих публичных личностей. Она также может при-

меняться как инструмент давления или манипуляции в государственном администрировании и управлении, а также в бизнес-сфере.

III. Информационная безопасность государства по сути представляет собой устойчивое состояние защищенности в сбалансированных интересах государственно-организованного общества во взаимосвязи с запросами личности от внешних и внутренних угроз в информационной сфере. Ее обеспечение состоит из институционально-программных действий правового, организационно-технического и организационно-экономического характера по выявлению угроз информационной безопасности, предотвращению их реализации, пресечению и ликвидации последствий реализации таких угроз.

IV. Анализ национального и международного опыта позволяет утверждать, что основным транслятором и навигатором обеспечения информационной безопасности становится государственная политика в информационной области. Основными направлениями и механизмами ее реализации становятся: а) обеспечение безопасности в информационном пространстве; б) обеспечение безопасности информационной инфраструктуры; в) обеспечение безопасности информационных ресурсов.

V. Исходной угрозой безопасности в информационном пространстве становится нарастание информационного противоборства между ведущими центрами силы, целенаправленное формирование внутри и за пределами страны информационных поводов для дискредитации государственной внешней и внутренней политики. В этом направлении акцент делается на действиях по сохранению информационного суверенитета и проведению политики информационного нейтралитета, а также формированию устойчивого иммунитета против деструктивного информационно-психологического воздействия на массовое общественное сознание, а в необходимых случаях – и противодействие им.

VI. Политические и социально-экономические сферы, общественная и военная безопасность становятся все более уязвимыми перед преднамеренными или случайными технологическими воздействиями, в том числе в условиях недостаточных глобальных механизмов согласованного и действенного предупреждения и сдерживания киберинцидентов в сети Интернет. Кибератака на информационную структуру рассматривается в мире как одна из наиболее значимых угроз безопасности.

Система обеспечения кибербезопасности должна реализовывать комплекс правовых, организационных и технических мер по защите информационной инфраструктуры, в том числе и информационных систем, обеспечивать конфиденциальность, доступность и целостность информации, а также легко трансформироваться и адаптироваться в изменяющейся обстановке за счет постоянного анализа на предмет соответствия актуальным рискам кибербезопасности.

VII. Информационные ресурсы сегодня рассматриваются как самостоятельный и ценный ресурс для развития позитивных возможностей личности, общества и государства и, в силу этого, становятся приоритетным объектом правонарушений и преступлений, подвергаются похищению, модификации, уничтожению, блокированию, используются для незаконного и необоснованного вмешательства в частную жизнь граждан, применяются в политических, военных, разведывательных, экономических, преступных и иных целях.

Система обеспечения информационных ресурсов основана на стратегическом принципе соблюдения баланса свободы информации и права на тайну, гарантиях государства на распространение или предоставление общедоступной информации. Государство обеспечивает расширение безопасного доступа к информационным ресурсам добросовестных пользователей, развитие сервисов качественного и удобного предоставления информации, создает защиту информации ограниченного распространения, безопасность персональных данных и государственных информационных ресурсов.

Н. В. Ватыль

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
vatel-n@yandex.ru)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ МЕДИЦИНЫ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ЭЛЕМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Рассматривая процесс цифровизации медицины как инновационный элемент обеспечения суверенитета социального государства, следует провести терминологическую верификацию как в политологическом, так и в правовом контексте.

Социальное государство – форма организации государственной власти, для которой характерно стремление к обеспечению каждому гражданину достойных условий существования, социальной защиты, равных возможностей для самореализации путем осуществления активной социальной политики, направленной на повышение жизненного уровня населения, защиту и реализацию прав и свобод граждан, создание современных систем здравоохранения, образования и социального обеспечения, поддержку инвалидов и малоимущих слоев населения, предотвращение социальных конфликтов [1, с. 73]. Государственный суверенитет как верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость во внешнеполитических отношениях (принцип суверенитета – один из основных принципов международного права, получивший юридическое закрепле-

ние в Уставе ООН (ст. 2 [2]); в последнее время часто говорится о размытии понятия суверенитета, связанного с процессом глобализации и усиления взаимных связей и взаимозависимости государств, что ведет, с одной стороны, к усилению роли наднациональных органов, которым государства частично делегируют свои суверенные права (пример Европейский Союз), с другой – к признанию ряда проблем (например, права человека), выходящими за рамки исключительного ведения отдельных государств и подлежащими международному регулированию [3, с. 95].

В общем значении инновация – введение чего-либо нового; нововведенная вещь; модернизация, реформа; 2) эконом. (чаще мн. ч.) вложение средств в новую технологию, новые формы организации труда и управления, охватывающие не только отдельное предприятие, но и их совокупность, отрасль [4].

Белорусский законодатель определяет инновацию как «введенные в гражданский оборот или используемые для собственных нужд новая или усовершенствованная продукция, новая или усовершенствованная технология, новая услуга, новое организационно-техническое решение производственного, административного, коммерческого или иного характера» [5]. При этом инновация есть не просто продуцирование и внедрение в оборот новой технологии, производственного алгоритма или управленческой техники само по себе. Данное нововведение должно иметь видимый и поддающийся исчислению положительный экономический социальный эффект [6, с. 305].

Именно такой смысл формирования инновационного общества в социальном государстве раскрывается в понятии инновационного развития в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы: «Государственная инновационная политика является составной частью государственной социально-экономической политики и направлена на объединение усилий и ресурсов государственного и частного секторов экономики ... Стратегия инновационного развития Республики Беларусь, предусмотренная Государственной программой, заключается в синтезе внедрения технологий, относящихся к V и VI технологическим укладам, и индустриально-инновационного развития традиционных секторов экономики» [7].

Цифровизация в широком смысле – преобразование информации в цифровую форму [8]. А. В. Кошелев указывает, что цифровизация – это не только перевод информации в цифровую форму, а комплексное решение инфраструктурного, управленческого, поведенческого, культурного характера [9, с. 17]. Общая тенденция цифровизации государственных институтов находит свое закрепление как в публичных выступлениях высших должностных лиц белорусского государства [10, 11], так и в нормативных правовых актах [12].

Поскольку доступная для широких слоев населения качественная медицинская помощь является одной из фундаментальных основ социального государства, цифровизация здравоохранения становится одним из приоритетных направлений социальной политики в Республике Беларусь. С целью содействия совершенствованию качества медицинской помощи, посредством прямого обмена информацией между всеми уровнями оказания медицинской помощи и внедрения системы информационной поддержки клинических решений в Республике Беларусь была принята Концепция развития электронного здравоохранения в Республике Беларусь до 2022 года [13].

Следует отметить, что, будучи направленным на построение единого информационного пространства в сфере здравоохранения, повышающего количественные и качественные показатели реализуемой медицинской помощи, цифровизация интегрирует белорусский национальный сегмент медицины в глобальное цифровое пространство. Тем самым, создаются не только дополнительные технологические возможности для осуществления социальным государством своих функций, и, соответственно, укрепления государственного суверенитета, но и возникают дополнительные риски информационно-коммуникативной интервенции. Следовательно, через виртуальные коммуникации может быть оказано неблагоприятное воздействие на реальный государственный суверенитет.

Список литературы

1. Новейший политологический словарь / авт.-сост.: Д. Е. Погорельый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филипов. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 318 с.
2. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html>. – Дата доступа: 07.03.2020.
3. Политология : краткий словарь основных терминов и понятий / под ред. В. С. Пусько. – М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2010. – 110 с.
4. Инновация [Электронный ресурс] // Словарь иностранных слов. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/17287/. – Дата доступа: 07.03.2020.
5. О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10.07.2012 № 425-З ; в ред. от 11.05.2016 № 364-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
6. Ватыль, Н. В. Отдельные аспекты правового обеспечения трудовой дисциплины в контексте развития инновационной экономики / Н. В. Ватыль // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. Вып. 4 / Гродненский гос. ун-т им. Янки Купалы ; гл. ред. И. Э. Мартыненко ; редкол.: И. Э. Мартыненко [и др.]. – Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2019. – С. 304–311.
7. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 31.01.2017 № 31 ; в ред. 13.06.2018 № 236 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

8. Цифровизация [Электронный ресурс] // Толковый словарь по информационному обществу и новой экономике. – Режим доступа: https://information_society.academic.ru/392/Цифровизация_DIGITIZATION. – Дата доступа: 07.03.2020.

9. Введение в «цифровую» экономику / А. В. Кешелава [и др.] ; под общ. ред. А. В. Кешелава ; ВНИИ Геосистем, 2017. – 28 с.

10. Послание белорусскому народу и Национальному собранию от 19 апреля 2019 года [Электронный ресурс] / Пресс-служба Президента Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-20903/. – Дата доступа: 07.03.2020.

11. Александр Турчин представил коллективу Министерства связи и информатизации нового руководителя [Электронный ресурс] / Совет Министров Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/structure/>. – Дата доступа: 07.03.2020.

12. Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 23 мар. 2016 г. № 235 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

13. Концепции развития электронного здравоохранения в Республике Беларусь до 2022 года [Электронный ресурс] / М-во здравоохранения Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://minzdrav.gov.by/upload/dadvfiles/CONCEPT_E-Health.pdf. – Дата доступа: 07.03.2020.

Л. С. Вечер

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, lsvecher@tut.by)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ УСТОЙЧИВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Государственная служба представляет собой необходимый и важный элемент структуры государства. Она выполняет связующую роль между государством и обществом.

Главный критерий выделения ее сущности заключается в ее основном предназначении – профессионально выполнять и компетентно реализовывать функции государственного управления по организации и регулированию общества.

Сущность государственной службы имеет социальную обусловленность, так как преследует общественно-полезные цели и задачи, состоящие в служении общественным интересам. Решая многие общественные и государственные задачи, госслужба выполняет функции обеспечения, исполнения и реализации государственной власти, которая должна служить обществу.

Государственная служба – профессиональная деятельность лиц, занимающих государственные должности, осуществляемая в целях непосредственной реализации государственно-властных полномочий и (или) обеспечения выполнения функций государственных органов [1].

Государственная служба в демократичном обществе создается для обеспечения осуществления государственной власти и государственного управления в интересах личности, общества и государства. Ее следует рассматривать: как социальный институт; правовой институт; организационный институт; профессиональную деятельность.

Аксиомой государственного строительства является обязательное формирование профессионального чиновничества, соответствующего задачам государства, его целям, политическому устройству и функциям. Государство не может существовать без специально созданного аппарата, без эффективной системы государственной службы. Серьезные трудности, возникающие на современном этапе, во многом объясняются игнорированием безотлагательности и сложности задачи формирования качественно новой системы государственной службы.

Государственная служба имеет не только материальные измерения в виде времени службы либо произведенных продуктов. Она заключается в духовной, идейной, ценностной обязанности того, кому служат, и того, кто служит. Более того – в их совместной принадлежности к какому-либо большому и важному для них идеалу, интересу, делу.

В настоящее время многие ученые смотрят на государственную службу шире и предлагают ее понимание как государственно-правового и социального института. Такое понимание требует комплексного подхода, широкого использования знаний философии, политологии, социологии, экономической теории, макро- и микроэкономики, социального менеджмента, государственного и муниципального управления, корпоративной культуры и др.

Только на такой базе можно сосредоточить внимание на освоении практических умений и навыков, конкретных технологиях управленческой деятельности, методах анализа и решения конкретных проблем государственных органов власти.

Как показывает зарубежный опыт, сущностные черты, возможности государственной службы в современных демократических странах сводятся к следующим: в государственном аппарате большинство персонала имеет непосредственное отношение к государственной службе, что позволяет видеть в ней огромный созидательный потенциал; статус государственных служащих получают лица, профессионально подготовленные для этого, избравшие службу и получившие гарантии ее пожизненности в случае соблюдения принятых на себя публичных обязательств; пожизненный профессиональный статус лиц, несущих государственную службу, создает у них заинтересованность в крепком государстве, рациональном и эффективном осуществлении государственной власти, в результативности госу-

дарственного управления; стабильность персонала государственного аппарата обеспечивает предпосылки для становления правового государства, режима законности, должной реализации правовых нормативных актов; государственная служба расширяет возможности общества осуществлять контроль законности, рациональности и эффективности реализации государственной власти, организации и функционирования государственного аппарата.

Современная государственная служба связана с целями и функциями государства и должна быть ориентирована на исполнение Конституции и законов, на реализацию государственной политики. Для любого общества, самого сложного и разнополярного по социально-культурной ориентации, государство как форма объединения всех граждан всегда едино и единственно, и в нем может осуществляться только одна государственная политика. Она формируется всем обществом через демократические институты и закрепляется в Конституции, законодательстве и других государственных актах. Если необходимо менять политику, то делать это можно и нужно посредством правовой и организационной основы государственной и общественной жизни.

В настоящее время взаимосвязи между государством и обществом, между государственными органами и гражданами очень сложны, многообразны и динамичны. Поэтому необходима их дифференциация, конкретизация и систематизация, четкий анализ различных видов деятельности, осуществляемой государственными органами.

Государственная служба имеет свое место в обществе, и необходимо стремиться к тому, чтобы оно было адекватным и эффективным, системно связанным с другими явлениями. Нельзя ни недооценивать, ни переоценивать государственную службу. С ее помощью нельзя решить все проблемы, поскольку это всего лишь один из социально-правовых институтов. Вместе с тем, это значимый фактор укрепления государства и усиления его влияния на общество.

Анализ современного состояния и перспектив развития государственной службы свидетельствует о том, что страны движутся по схожим направлениям в реализации политики в данной сфере: приняты законы о государственной службе; в стадии реализации стратегии, концептуальные документы о реформировании (модернизации) госслужбы; функционируют соответствующие структурные подразделения администрации (аппарата) президента, правительства, обеспечивающие деятельность главы государства в решении кадровых вопросов и полномочий по проведению государственной политики в области государственной службы; ведутся электронные базы данных государственной службы и управленческих кад-

ров; в учреждениях высшего образования осуществляется подготовка (переподготовка) управленческих кадров [2].

В Республике Беларусь порядок организации государственной службы имеет правовую основу и опирается на Конституцию Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь» и другие законодательные акты. Разработана и утверждена Указом Президента Республики Беларусь Концепция государственной кадровой политики и другие указы Президента, регулирующие различные аспекты функционирования государственной службы и работы с руководящими кадрами. В структуре Администрации Президента Республики Беларусь функционирует Главное управление кадровой политики. Академия управления при Президенте Республики Беларусь осуществляет подготовку, переподготовку и повышение квалификации управленческих кадров, обеспечивает информационно-аналитическое сопровождение всех уровней АИС «Резерв».

Однако, если обобщить опыт совершенствования государственной службы в зарубежных странах, то можно выделить конкретные направления, актуальные и для государственной службы в Республике Беларусь. Это совершенствование оплаты труда и мотивации государственных служащих на основе оценки результативности деятельности; внедрение этических норм и правил, формирование антикоррупционного поведения; совершенствование системы отбора на государственную службу; совершенствование системы непрерывного профессионального развития; ориентированного на развитие лидерских навыков и управленческих компетенций, способности работать и вести переговоры в условиях нарастания международной конкуренции, создания централизованных информационных ресурсов в области государственной службы и другие.

Таким образом, государственная служба является важным элементом устойчивого государственного развития и суверенитета Республики Беларусь, и ее развитие и укрепление должно соответствовать запросам современного общества.

Список литературы

1. О государственной службе в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 14.06.2003 № 204-3 (ред. от 23.07.2019) : с изм. и доп., вступившими в силу с 28.01.2020 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Гордейчик, А. И. Об итогах международной научно-практической конференции «Государственная служба: современное состояние и перспективы развития» / А. И. Гордейчик // Проблемы управления. – 2019. – 4 (74). – С. 15–16.

Н. И. Власюк

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
nad_1981@tut.by)

РОЛЬ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ В УСЛОВИЯХ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ОБЩЕНИЯ

Трудно переоценить значение межъязыковой коммуникации в нашем разноязычном мире. Все больше взаимодействуют друг с другом различные виды переводческой деятельности, которые позволяют обеспечивать международное сотрудничество в различных областях политики и экономики, науки и техники, искусства и литературы. Особый интерес вызывает общественно-политический перевод, для осуществления которого используется значительное количество интернационализмов. Их адекватное употребление способствует установлению межъязыковой коммуникации в условиях глобальной интеграции. Итак, можно утверждать, что вследствие интеграции в каждом национальном языке (разумеется, в разной степени) образовался международный лексикон. Этот интернациональный фонд будет значительно увеличиваться и дальше. Лексика любого языка распадается на исконную и заимствованную, с одной стороны, и на иностранные слова (интернационализмы) – с другой. Все говорящие употребляют в своей речи первые, не видя в них разницы, пользуясь ими так же, как люди пользуются обычной одеждой. И только лингвисты своими исследованиями устанавливают разницу между исконными и заимствованными словами, т. е. устанавливают те или иные заимствования.

Зато все говорящие от первых двух групп хорошо отличают иностранные слова (+интернационализмы), хотя и не всегда знают, в каких случаях эти слова им оказываются необходимы в речи. Между тем, иностранные слова (+интернационализмы) употребляются по-особому: а) для того, чтобы возвысить то, о чем идет речь. Мы говорим: не собрание молодежи, а форум молодежи, не начинания Республики Беларусь, а инициативы Республики Беларусь. Здесь они употребляются для придания солидности сказанному, как украшение на платье. Они, собственно, и есть украшения; б) для того, чтобы принизить то, о чем идет речь: шаромыжник, бундесвер, босс, бизнес и т. д.; в) они употребляются нейтрально, когда выступают в функции терминов [1, с. 125].

Всем трем группам (а, б, в) присуща одна особенность: будучи в обоих языках одинаковыми по происхождению и даже более или менее близкими по звучанию, они оказываются во многих случаях не одинаковыми по объему семантики, да и по семантике в целом. Обычно неискушенные люди, услышав или прочитав то или иное слово, сходное по звучанию с каким-либо словом из их родного языка, сразу же решают, что это слово имеет то

же самое значение, и чрезвычайно ошибаются. Например, *der Dramaturg* – это не драматург (писатель, пишущий пьесы), а заведующий литературной частью театра; *der Lektor* – не лектор, а 1) преподаватель вуза, ведущий практические занятия по иностранному языку, музыке, рисованию, черчению; 2) издательский редактор; *der Aktive* – не активный, а спортсмен (в текстах на спортивную тему); *der Kultusminister* – не министр по делам культов, а министр культуры (ФРГ); *der routinierte Dolmetscher* – не переводчик-рутинер, а опытный переводчик; *der Motor* – не мотор, а двигатель; *der Zentner* – в ФРГ 50 кг; *eine Billion* – в ФРГ и Англии миллион миллионов или 10^{12} , а в США и во Франции – тысяча миллионов или 10^9 ; *eine Trillion* – миллион миллиардов или 10^{18} , а в России один триллион – тысяча миллиардов (биллионов) или 10^{12} .

Чрезвычайное распространение иноязычных слов объясняется их некоторыми особенностями:

1. Эти слова придают фразе иной ритм, иное звучание, иногда большее благозвучие. Например, в немецком языке *Musik, Melodie, Harmonie, Phantasie* звучат лучше и значительнее, чем *Tonkunst, Sangesweise, Einklang, Einbildungskraft* (в русском языке отсутствуют исконные слова – соответствия словам: музыка, мелодия, гармония, фантазия).

2. При их помощи избегают ненужных ассоциаций. В немецком: *Autor* вместо *Dichter*; в русском: «диатез» вместо «золотуха», «стенокардия» вместо «грудная жаба», «инфаркт» вместо «разрыв сердца».

3. Они очень удобны для выражения абстрактной мысли. В немецком: *dominieren* вместо *herrschen, beherrschen, vorherrschen, vorwiegen, überragen, übertreffen*; *den Ton angeben, Trumpf sein, den Herrn zeigen, den Meister spielen, das Zepter schwingen, die Zügel führen, den Ausschlag geben, die Führung haben, das große Wort führen, die Oberhand haben, an der Leine haben, in den Schatten stellen, den Hahn im Korb sein, das Heft in der Hand haben, gängeln, unterbuttern, obenan sein, den Hintergrund schieben, die Hosen anhaben*.

4. В иноязычных словах обнаруживается невероятная способность к словообразованию: *кварт, кварта, квартал, квартал, кварталдек, кварталерон, квартет, кварталмейстер, квартирьер, квартира, квартование; квадрат, квадрат, квадратный, квадратура, квадрига, квадрильон, квадруплекс, кадрили, каро, карре; эскадра, эскадрон, эскадрилья*.

Сказанным подтверждается то, что иноязычные слова обладают наивысшим рангом коммуникативности – основного свойства живых языков, а также напрашивается вывод о том, что интернационализмы успешно обеспечивают международное общение и в первую очередь в области науки и техники, а также в политической и социальной сферах.

Список литературы

1. Копанев, П. И. Теория и практика письменного перевода. Перевод с немецкого языка на русский. Ч. 1 / П. И. Копанев, Ф. Беер. – Минск : Высш. шк., 1986. – 270 с.

Л. В. Вонсович

(ИППК Белорусский государственный университет физической культуры, г. Минск,
lora_lora@tut.by)

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ХАРАКТЕР
ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

Характер протекания интеграционных процессов на постсоветском пространстве во многом обусловлен спецификой функционирования политических систем новых независимых государств, образованных в результате распада Советского Союза. В начале 90-х гг. прошлого века большинство из них избрало модернизацию по западному образцу. Речь шла о становлении системы демократического типа, создании правового государства и гражданского общества, функционировании рыночной экономики. Вопреки ожиданиям во многих странах Содружества независимых государств (СНГ) были сконструированы политические режимы авторитарного типа во главе с лидерами из бывшей партийной номенклатуры. Воспитанные в условиях закрытой политической системы СССР в духе командно-административных методов управления, они, получив фактически неограниченную власть и возможность присваивать значительную часть национального дохода, приступили к конструированию политических систем, имеющих отдельные черты советской системы. Значительную роль в данном процессе сыграло также усиление позиций государства в экономике, «фрагментарность общества» [1, с. 54], политическая культура подданнического типа, популизм Запада. Все это усложнило процесс появления демократических структур, способных сплотить общество на основе идей демократизации и консолидации демократии, а для большинства населения обернулось бедностью, усилением социального расслоения, ростом преступности и развенчанием иллюзии о возможности в кратчайшие сроки создать государство с высоким уровнем и качеством жизни населения.

Установление авторитарных режимов в ряде государств на постсоветском пространстве стало вполне закономерным процессом. Речь идет, прежде всего, о государствах, богатых ресурсами, особенно углеводородным сырьем, а также о странах, которые это сырье импортируют. Наличие таких ресурсов позволило этим государствам проводить максимально неза-

висимую от международных финансовых структур политику и моделировать политическую систему без учета пожеланий извне. Свою роль в утверждении авторитаризма сыграла и иерархичность социальной структуры бывших советских республик, а также культурный, религиозный, ментальный факторы. Определенное значение в условиях перехода к рынку и приспособления к геополитическим реалиям современного мира имела и сильная центральная власть, установленная в ряде стран постсоветского пространства. Подтверждением этому является тот факт, что такие государства, как Казахстан, Азербайджан, Туркменистан, Беларусь с сильными президентами добились больших успехов, нежели государства со слабой центральной властью (Грузия, Молдова, Киргизия, Украина), ориентированные на либеральную модель развития. В этих странах, где удалось сформировать демократические режимы и не допустить авторитарной власти, до конца так и не сложилась устойчивая система государственности. Например, в Киргизии и Молдове до сих пор идет борьба между различными «псевдопартиями, которые выражают интересы различных кланов или олигархических групп, а не страны» [2, с. 71]. Несколько по-иному обстоят дела в Грузии и Армении. В силу существующей там структуры политических отношений, активности оппозиции установление авторитаризма вряд ли возможно. Так, к примеру, все попытки бывшего президента Грузии М. Саакашвили установить режим личной власти были пресечены. Те же процессы свойственны и для Армении. Ощущение архаизации власти, общая нехватка легитимности и демократичности в правление С. Саргсяна побудило армян активизировать свою политическую активность и, в конечном счете, поддержать нынешнего лидера Н. Пашиняна.

Несмотря на очевидные различия, политические системы авторитарного типа на постсоветском пространстве имеют много общих черт. Все они используют процедуры выборов и многопартийность, до определенного момента сохраняют терпимость по отношению к оппозиции. При этом существует явное отторжение других альтернативных точек зрения относительно пути развития государства, применение санкций в отношении противников режима (увольнение с работы, привлечение к административной, уголовной ответственности и др.). Права граждан в таких государствах только декларированы, независимость судебной власти стоит под большим вопросом. Она либо подчинена исполнительной власти, как в России, либо зависит от коррумпированных олигархических кланов, как в Казахстане, Туркменистане, Таджикистане, Азербайджане. Государство сохраняет контроль над важнейшими потоками доходов с опорой на консервацию отраслевой структуры экономики и уровня жизни населения. Во главе таких систем стоят сильные политические лидеры, позиционирующие себя в качестве защитников интересов граждан в борьбе с засильем бюрократии и внешними недругами.

Будущее подобных систем, которые в силу объективных и субъективных обстоятельств тяготеют к интеграции, единению, возможно различное. Оно зависит от «порога чувствительности» [3, с. 92] к демократии. Одни государства, завершив активную фазу экономических преобразований, скорее всего, будут постепенно эволюционировать в сторону демократии, расширяя права представительных органов власти. Другие – перейдут в фазу мягкого авторитаризма, «конкурирующей олигархии» [4]. Для них будет характерна открытая публичная конкуренция за власть между элитарными группировками при минимальном участии граждан в политике. Третьи страны, накопив ряд серьезных проблем, прежде всего в экономике, будут подвержены революционным изменениям либо под воздействием внутренних, либо внешних факторов. Это может привести к самым непредсказуемым последствиям, о чем свидетельствует опыт Украины. Для отдельных государств Центральной Азии возможен переход власти в руки исламистски ориентированных политических сил, что предполагает усиление бесправия и силового подавления инакомыслия населения. Проблемой для отдельных стран может стать и смерть признанного харизматического лидера, которая способна внести хаос в сознание людей и активизировать борьбу различных политических сил за власть. Это подтверждает, в частности, опыт Венесуэлы.

Серьезным фактором, который играет и будет играть в ближайшей перспективе важную роль в трансформации авторитаризма является готовность постсоветских государств к сотрудничеству с Россией. Те из них, которые находятся в форматоре российской внешнеполитической деятельности и солидарны с ней, в том числе и в плане построения авторитаризма нового типа с пожизненным правлением лидера, скорее всего, будут двигаться в сторону усиления авторитарных характеристик политической системы. Те же страны, которые склонны конфликтовать с Россией, выберут прозападный путь развития с ориентацией на защиту от авторитарного давления. Важным остается одно – эволюция авторитарных режимов на постсоветском пространстве возможна, поскольку она объективно заложена в контексте тех цивилизационных перемен, которые происходят в мире. Речь идет о серьезном столкновении интересов геополитических центров силы, с одной стороны, США, стремящихся удержать позицию глобального полицейского, с другой – России, Китая, которые претендуют составить реальную конкуренцию Америке и стать вторым полюсом bipolarного мира. Активность на постсоветском пространстве проявляет и Европейский Союз. Он противостоит стремлению отдельных независимых государств трансформироваться в новый экономический и военно-политический союз под патронатом России, препятствует реализации всех предлагаемых ей интеграционных проектов. Все это часто дестабилизирует ситуацию на территории отдельных бывших советских республик, провоцирует конфликты.

Список литературы

1. Сапир, Ж. Интеграция тогда устойчива, когда соблюдается суверенитет каждой страны / Ж. Сапир // Мир перемен. – 2016. – № 4. – С. 52–56.
2. Шмелев, Б. Политическое дробление постсоветского пространства сохраняется / Б. Шмелев // Мир перемен. – 2016. – № 4. – С. 68–73.
3. Тавадян, А. Пороги чувствительности постсоветской экономики / А. Тавадян // Мир перемен. – 2013. – № 2. – С. 89–94.
4. Даль, Р. А. Полиархия: участие и оппозиция / Р. А. Даль ; пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 288 с.

А. В. Гавриков

(Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, gavrikov.1990@inbox.ru)

**ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
КАК ФАКТОР СТАГНАЦИИ ПОДДЕРЖКИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ**

Анализ избирательных кампаний 2000–2020 гг. не показывает высокого запроса на усиление и увеличение их влияния со стороны населения. Парламентские и президентские выборы показали, что сегодня мотивация электорального поведения белорусских граждан в значительной степени определяется не долгосрочной лояльностью избирателей по отношению к определенной партии, не их пристрастием к устойчивости традиций партийной поддержки, а самостоятельной критической оценкой реальных проблем, которые беспокоят население в том или ином регионе и в стране в целом. Такой прагматизм значительной части граждан нередко проявлялся в усилении негативного начала в механизме мотивации электорального поведения.

Уровень политизации населения в нашей стране наблюдается невысоким, это находит подтверждение в рейтинге базовых ценностей жителей Беларуси. Так, например, при ответе на вопрос: «Что для Вас в жизни является наиболее важным?» респонденты отмечают такие важные для себя жизненные ценности, как здоровье – 85,2, семья – 72,3 и дети – 70,7 % [1, с. 163]. В то же время такие ценности, относящиеся к политической сфере, как власть, общественное призвание, известность, репутация, занимали последние места в рейтинге – 4,5 %, 3,7 % и 10,9 % соответственно [2]. Одной из причин, которая обуславливает низкий уровень политизации населения и низкого участия в социально-политических институтах, заключается в том, что участие в политической жизни, по мнению респондентов, не помогает справляться с существующими жизненными проблемами. Так считали 40,1 % от количества опрошенных респондентов. Только около 5 % респондентов считает, что участие в политической жизни

помогает во всех или большинстве ситуаций [2]. Такое общественное мнение об эффективности политической жизни показывает низкий уровень реального участия в политических партиях и общественных объединениях и других социально-политических институтах, что отразилось на политической активности избирателей в парламентской кампании.

Все попытки оппозиционных партий перетянуть на свою сторону избирателей оказались неуспешными.

Оппозиционные партии использовали тактику в 2000–2020 гг.:

- бойкота;
- проведение альтернативных выборов;
- выдвижение единого кандидата.

Запрос на политическую альтернативу отсутствовал в большинстве регионов 2017–2018 гг., население воспринимало существующее положение как достаточно стабильное – 24,2 %, или скорее стабильное – 27,2 %, а в изменениях видели только угрозу обычному способу жизни, поэтому радикальные изменения большинством населения не были поддержаны [2].

Многие граждане Беларуси не воспринимают политические партии как действенный инструмент воздействия на органы власти для отстаивания своих интересов. Согласно данным социологических опросов, политическим партиям (как инструмента политического участия) в наши дни они предпочитают прямые обращения в государственные органы (29,5 %), привлечение внимания к проблеме через СМИ (25,7 %), которым не очень доверяют люди, самостоятельные действия через личные связи и знакомства (18,9 %). На общем фоне вербально-пассивного интереса к политике (81,2 % респондентов отмечают, что не принимают участие в общественно-политической жизни страны) именно членство в общественных организациях является наиболее распространенной формой участия человека в политике (5,8 %), тогда как членство в политических партиях поддерживает 0,7 % опрошенных [3, с. 83].

Представляет интерес и рейтинг проблем, вызывающих особое беспокойство у жителей Беларуси. Решения этих проблем определённым образом были отражены в предвыборных программах кандидатов в депутаты, однако очень невнятно. Да и сама предвыборная агитация была скучной, вялотекущей, апатичной и не оставившей заметного информационного следа. Она не стала для белорусского общества значительным социально-политическим явлением и прошла малозаметной для большинства избирателей. Как результат, значительно возросла вероятность того, что в представительную власть могут попасть члены популистских партий или просто случайные люди.

В избирательной кампании 2020 г. в парламенте стало больше партийных депутатов – 21 вместо прежних 16 (11 – КПБ, 6 – РПТС, 1 – ЛДП, 2 – БПП, 1 – от Белорусской аграрной партии).

С 1996 г. Международная миссия БДИПЧ ОБСЕ и Совета Европы по наблюдению за выборами заявляет, что парламентские и президентские выборы в Беларуси не соответствуют важным международным стандартам демократических выборов, характеризуются общим пренебрежением фундаментальными ценностями, свободами собраний и ассоциаций. Ряд ключевых рекомендаций БДИПЧ ОБСЕ и Венецианской комиссии Совета Европы остались без внимания. В то же время наблюдателями от стран СНГ выборы признаются полностью демократическими и соответствующими международным стандартам [4].

На 2020 г. Министерством юстиции Республики Беларусь зарегистрировано 15 политических партий. Их активность невысока и проявляется только в период избирательных кампаний и в момент значимых социально-политических событий, что подтверждает рейтинг доверия политическим партиям. В конце 2017 г. в той или иной степени политическим партиям доверяло 14,6 %, не доверяло 34,6 % [2].

Рейтинг отдельно взятой политической партии находится в пределах социологической ошибки, а большинство населения выступает либо вообще против того, чтобы их кандидат был представителем политической партии или же респондент ничего не знает о деятельности политических партий и затрудняется ответить 46 % [2].

Последние изменения в закон «О политических партиях» обсуждались в июне 2019 г. При Министерстве юстиции Республики Беларусь создана рабочая группа по изменению закона «О политических партиях». «Проект нового законопроекта направлен на совершенствование подходов к процессу создания и деятельности общественных объединений и политических партий, их организационных структур, использованию современных технологий при проведении ими мероприятий, взаимодействия с регистрирующими органами, упрощении получения юридического адреса, распределении получаемых финансовых средств, повышению прозрачности их деятельности». Министерство юстиции предлагает уменьшить количество учредителей, необходимых для регистрации политической партии – с 1000 до 800. Оппозиционные партии и движения предложили свой проект партийных реформ. Среди них:

- введение государственного субсидирования;
- уменьшение количества учредителей партии до 500 человек.

По последним социологическим данным, часть населения Беларуси 38 % с опасением относится к современному состоянию общества, а также к рыночной модели экономики, которая ведет к обострению конкуренции, способна приобретать неуправляемый характер, вызывая резкое повышение цен, ослабление социальной защищенности простых людей, рост имущественной дифференциации между различными слоями общества и другие негативные явления в результате политической аномии.

Средний класс в Республике Беларусь – достаточно условен, так как используются различные методологии его определения. Его количество варьируется в зависимости от экономической ситуации в стране. Роль среднего класса в государстве достаточно сложна, однако в то же время важна при построении гражданского общества.

Критерием отнесения того или иного человека к среднему классу выступает, как правило, стабильный уровень доходов, достаточный для обеспечения среднего стандарта жизненных благ, удовлетворения материальных и культурных потребностей, а также высокий уровень образования и профессиональной квалификации, позволяющей иметь престижную и высокооплачиваемую работу. Сравнительное исследование показывает, что доля участия в политических партиях велика. Роль именно среднего класса, который, с одной стороны, с помощью политической стабильности стремится улучшить свое материальное благосостояние, а с другой – не потерять то, что имеет.

Таким образом, невысокий уровень участия в общественно-политической жизни в немалой степени обусловлен высоким уровнем патернализма и низким уровнем доверия граждан политическим институтам, неверием белорусов в эффективность представительных структур, которые не способны серьезно влиять на ежедневную политику. Немаловажное значение имеет и то, что значительная часть белорусов озабочена решением материальных, социальных и других проблем, которые постоянно беспокоят их семью, тогда как стремление участвовать в управлении делами государства отодвинуто на второй план.

Список литературы

1. Гавриков, А. В. Политические партии Беларуси и парламентские выборы: социологические аспекты / А. В. Гавриков // Иппокрена. – Минск, 2019. – № 2. – С. 160–171.
2. Архив ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» за 2016 г., 2017 гг. Материалы респуб. мониторингов (2016, 2017 гг.).
3. Шендик, Т. А. «Белая Русь»: путь к партии? / Т. А. Шендик // Бел. думка. – 2017. – № 6. – С. 79–84.
4. Либеральный клуб [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://liberalclub.biz>. – Дата доступа: 01.02.2020.

В. П. Гарматны

(Институт парламентаризму і прадпрымальніцтва, г. Мінск, vitharmatny@mail.ru)

НАСАДЖЭННЕ АСАДНІЦТВА ЯК СПРОБА ІНТЭГРАЦЫІ СЕЛЬСКАЙ ГАСПАДАРКІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў НАРОДНА-ГАСПАДАРЧЫ КОМПЛЕКС МІЖВАЕННАЙ ПОЛЬШЧЫ

Па выніках заключэння Рыжскага міру ад 18 сакавіка 1921 г. Заходняя Беларусь увайшла ў склад Польшчы і была падзелена ў адпаведнасці з

мясцовым адміністрацыйна-тэрытарыяльным уладкаваннем на ваяводствах, паветы і гміны. Заходнебеларускія землі ўвайшлі ў склад Палескага, Навагрудскага і часткова Віленскага і Беластоцкага ваяводстваў, дзе беларусы з’яўляліся этнічнай большасцю, у сувязі з чым польскія ўлады распрацоўвалі планы па іх паланізацыі і ў выніку інтэграцыі ў склад народна-гаспадарчага комплексу міжваеннай Польшчы [3, с. 71]. Адным з галоўных сродкаў, дзякуючы чаму магла быць паспяхова ажыццёўлена дадзеная палітыка і дасягнуты пастаўленыя задачы, з’яўлялася насаджэнне асадніцтва – перасяленцаў з карэннай Польшчы, палітычна надзейных і лаяльных да польскага панавання тут і перш за ўсё ветэранаў Савецка-польскай вайны, якія ваявалі ў гэтым рэгіёне [6, с. 46]. Яшчэ падчас вайны 18 кастрычніка 1920 г. польскі галоўнакамандуючы Юзаф Пілсудскі выдаў распараджэнне, у якім заклікаў сваіх салдат, што змянілі “меч на лемех”, праявіць у працы такую ж смеласць, як і на вайне, падкрэсліваў, што “Айчына Вас не забудзе” і кожны салдат мае права атрымаць зямлю там, дзе ён праліваў сваю кроў [8, с. 17]. Згодна з законам не мелі права прэтэндаваць зямлі тыя салдаты, якія былі пакараныя за злачынствы супраць узброеных сіл польскай дзяржавы, а таксама тыя, што самавольна бралі ў карыстанне чужыя землі. Асабліва ўвага польскімі ўладамі надавалася Палескаму ваяводству з-за яго памежнага становішча, а таксама нізкага ўзроўню нацыянальнай самасвядомасці [9, с. 278].

17 снежня 1920 г. польскі Сейм (парламент) прыняў два ўзаемазвязаныя законы, якія датычыліся асадніцтва і перш за ўсё катэгорыі зямлі, якую неабходна перадаць на іх карысць [7, с. 162; 11]. Для правядзення ў жыццё дадзенай палітыкі і галоўным чынам адбору адпаведных кандыдатур ствараліся спецыяльныя надаўчыя камітэты [6, с. 86–87]. Пры рэалізацыі палітыкі насаджэння асадніцтва кандыдаты на атрыманне зямлі падзяляліся на наступныя катэгорыі па адпаведнасці і вопыту вядзення гаспадаркі: салдаты і інваліды-аграрнікі, салдаты і інваліды-неаграрнікі, якія мелі ўзнагароды, дабраахвотнікі-аграрнікі і дабраахвотнікі-неаграрнікі [4, с. 43]. У сувязі з тым, што многія асаднікі да вайны не мелі ніякіх адносін да сельскай гаспадаркі, для іх ствараліся спецыяльныя курсы, на якіх вучылі асновам правільнага вядзення сельскай гаспадаркі. У цэлым падбор асаднікаў праводзіўся планава, прадстаўнікоў аднаго роду войск стараліся сяліць побач, рэгулярна сярод асаднікаў праходзілі вайсковыя вучэнні, а таксама вялікая ўвага ўдзялялася забеспячэнню надзейнай сувязі паміж асаднікамі і камандаваннем навакольных вайсковых частак. У мэтах асабістай бяспекі асаднікі сяліліся супольна хутарамі, мелі права насіць і валодаць зброяй [3, с. 73].

Асаднікі надзяляліся на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў залежнасці ад вайсковых заслуг і звання зямлёй па вельмі нізкім кошце ці навогул бясплатна: па агульнапрынятым правілам палкоўнік атрымліваў 30 гектараў

зямлі, капітан – 20, паручнік – 15, радавы – каля 9–10 га, але былі і такія асаднікі, якім перадалі толькі па 3–5 гектараў зямлі. Памер аплаты за зямлю быў прыроўнены да 30–100 кг збожжа за 1 га штогод з выплатай дзяржаве на працягу 30 гадоў, пачынаючы з пятага года пасля атрымання зямлі [8, с. 29]. Дзяржава аказвала дапамогу натурай або грашыма для абзавядзення гаспадаркай: паводле заканадаўства на асадніцкую гаспадарку выдзялялася 80 м³ будматэрыялаў і 50 000 тагачасных марак грашыма, інвентаром або збожжам [4, с. 44]. Асаднік павінен быў пасяліцца на сваім надзеле на працягу года і ў трохгадовы перыяд асвоіць яго, у адваротным выпадку пазбаўляўся зямлі. На загаспадараванне асаднікам выдзяляліся ільготныя банкаўскія крэдыты звычайна пад 4 % гадавых, але для гэтага неабходна было прадаставіць паручэнцаў і звычайна асаднікі падавалі заявы, выступаючы пры гэтым адзін у аднаго паручэнцамі. Для таго, каб папярэдзіць нерацыянальнае выкарыстанне грошай, выдзеленых на крэдыты, урадам вызначаліся праверкі гаспадарак. Пры выкарыстанні пазык не па прызначэнні асадніку пагражалі такія меры пакарання, як датэрміновае вяртанне грошай, ці, у выключных выпадках, канфіскацыя асады. У выніку такіх праверак у 1930 г. сваіх надзелаў было пазбаўлена 36 асаднікаў Брэсцкага павета Палескага ваяводства [1, с. 54]. На кожнага асадніка ў Палескім ваяводстве ў сярэднім прыпадала 23,7 га, у той жа час у Віленскім – 16,5 га, у Навагрудскім – 18,5 га [4, с. 44]. Большыя надзелы асаднікаў Палескага ваяводства можна растлумачыць нізкай якасцю выдзяляемай ім тут зямлі.

Дзеля поспеху палітыкі асадніцтва ствараўся «Саюз асаднікаў», які павінен быў забяспечваць планавую рэалізацыю дзейнасці асаднікаў, іх каардынацыю і падтрымку. Прыём у арганізацыю праходзіў непасрэдна на з'ездах пры рэкамендацыі павятовага аддзела і па пісьмовых характарыстыках двух членаў «Саюзу асаднікаў» [5]. У Статуце арганізацыі сфармуляваны наступныя мэты і задачы дзейнасці:

1. Стварэнне ўмоў для далейшага развіцця дзяржаўнай незалежнасці, развіцця краіны і дасягненні ёю магутнага становішча ў свеце.
2. Праца над павышэннем ўзроўню развіцця гаспадаркі краіны, асабліва на новадалучаных землях.
3. Выхаванне народных мас як свядомых грамадзян краіны.
4. Рацыянальная перабудова зямельнага карыстання.
5. Апека над вайсковымі і грамадзянскімі асаднікамі, выхаванне ў іх пачуцця сваіх абавязкаў і правоў у дачыненні да дзяржавы.
6. Абарона інтарэсаў вайсковых і грамадзянскіх асаднікаў пры правядзенні зямельнай рэформы і рассяленні каланістаў.

Нягледзячы на ўсе намаганні па адпаведнаму падбору кіруючых кадраў, некаторыя мясцовыя лідары займаліся хабарніцтвам і карупцыяй, а, напрыклад, на Палессі глава Кобрынскага павятовага аддзела Тапчэўскі выкарыстоўваў асадніцкія грошы на свае мэты і не вярнуў іх [2, с. 28].

Такім чынам, вайсковыя асаднікі ўяўлялі сабой апору польскіх уладаў на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд, з'яўляліся актыўнымі ўдзельнікамі і праваднікамі афіцыйнай палітыкі, разам з тым аданіць іх значэнне ў сацыяльна-эканамічным і грамадска-палітычным развіцці рэгіёна адназначна негатыўна нельга, бо яны ў цэлым садзейнічалі павышэнню агульнай і агра-тэхнічнай культуры мясцовага насельніцтва, іх асабістыя гаспадаркі выступалі для навакольных сялян у якасці ўзоравых, нягледзячы на тое, што ў сярэднім дабрабыт асаднікаў не быў надзвычай высокім.

Спіс літаратуры

1. Гарматны, В. П. Мадэрнізацыя сельскай гаспадаркі Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг. / В. П. Гарматны // Гісторыя Беларусі ў XX стагоддзі. Памяці прафесара І. Коўкеля. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2017. – С. 47–66.
2. Выростка (Степанова), Е. Ф. Основные направления деятельности «Союза осадников» на территории Полесского воеводства (1921–1939 гг.) / Е. Ф. Выростка // Вести Института современных знаний. – 2008. – № 1. – С. 26–29.
3. Сорокин, А. А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии. 1920–1939 гг. / А. А. Сорокин. – Минск : [Наука и техника], 1968. – 201 с.
4. Сцяпанова, А. Рэалізацыя палітыкі ваеннага асадніцтва на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 20-я гады XX ст. / А. Сцяпанова, С. Сіткевіч // Гісторыя Беларусі ў XX стагоддзі. Памяці прафесара І. Коўкеля. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2017. – С. 42–46.
5. Утгоф, В. Общественные организации осадников и их деятельность на территории Полесского воеводства (1921–1939 гг.) / В. Утгоф // Беларусь і Польшча ў XX стагоддзі: агульнае і адметнае ў гістарычных лёсах : матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф., Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна, 7–8 крас. 2000 г. – Брэст : Выд. дом С. Лаўрова, 2001. – С. 143–146.
6. Gralak, B. Osadnictwo wojskowe marszałka Józefa Piłsudskiego na ziemiach wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej, 1920–1939 / B. Gralak. – Zgierz : [s. n.], 2006. – 387 s.
7. Kacprzak, M. Ziemia dla żołnierzy. Problem pozyskania i rozdysponowania gruntów na cele osadnictwa wojskowego na kresach wschodnich 1920–1939 / M. Kacprzak. – Łódź : Ibidem, 2009. – 313 s.
8. Stobniak-Smogorzewska, J. Kresowe osadnictwo wojskowe, 1920–1945 / J. Stobniak-Smogorzewska. – Warszawa : Rytm, 2003. – 418 s.
9. Śleszyński, W. Województwo poleskie / W. Śleszyński. – Kraków : Avalon, 2014. – 336 s.
10. Ustawa z dnia 17 grudnia 1920 r. o nadaniu ziemi żołnierzom Wojska Polskiego // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1921. – № 4. – Poz. 18. – S. 40–41.

Го Цзиньлун

(Белорусский государственный университет, г. Минск, chinaocean@mail.ru)

СОТРУДНИЧЕСТВО И РАЗВИТИЕ ЕАЭС И «ПОЯС И ПУТЬ»

ЕАЭС существует уже пять лет с момента его официального запуска 1 января 2015 г. Однако из-за общего спада в мировой экономике в сочетании со сложным геополитическим пространством, возникшим в Советском Союзе, ЕАЭС все еще колебался на начальных этапах своего развития.

Россия является лидером ЕАЭС и играет ведущую роль в Союзе. Экономический уровень и лидерские качества России напрямую влияют на сплоченность и центростремительную силу Союза и даже определяют направление развития Союза. Россия пытается сформулировать обязательные правила в рамках Евразийского экономического союза, реинтегрировать пространство Советского Союза, создать международную экономическую и политическую организацию как ЕС, содействовать процессу евразийской интеграции. В конечном счете ЕАЭС станет организацией наднационального образования и важной стратегической опорой для восстановления России.

Что касается сходства между ЕАЭС и «Пояс и Путь», то время и предпосылки, предложенные двумя, схожи: оба они претерпели эволюционный процесс в начале XXI века после холодной войны. Произошло расширение НАТО и ЕС на восток и ТТИР (Соглашение о трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве), чтобы вытеснить Россию с Запада. США возвратились в Азиатско-Тихоокеанский регион с высоким профилем, укрепление американо-японского альянса и ТРП оказали давление на Китай с востока. С географической точки зрения ЕАЭС и «Пояс и Путь» оба имеют центры Азии-Европы, Центральную Азию и Россию. С точки зрения межгосударственных отношений оба имеют отношения между большими и малыми странами и управляют отношениями между государствами-членами ВТО и государствами, не входящими в ВТО. Со стратегической точки зрения оба являются новыми евразийскими стратегиями в новом периоде, оба они были предложены высшими лидерами и соответствуют национальным условиям двух стран. Судя по тому как двигаться вперед, это сосуществование двусторонних и многосторонних подходов, двойной путь экономики и безопасности, сочетание истории и реальности, содействие развитию торговли, сотрудничество между Азией и Европой и сотрудничество по линии Юг-Юг. Из внешней среды они оба сталкиваются с вмешательством и конкуренцией со стороны внешних факторов, ограничения транспортной инфраструктурой и «трех сил зла» (терроризм, экстремизм, сепаратизм). США не поддерживают и не настроены оптимистично в отношении ЕАЭС и «Пояс и Путь», они рассматриваются в качестве конкурента «Инициативы Нового Шелкового пути», за которую выступают США, препятствуют возвращению США к Азиатско-Тихоокеанской стратегии. В целом, существуют огромные риски и проблемы.

С точки зрения различий ЕАЭС основан на традиционных геоэкономических и политических основах, он стремится к статусу регионального центра и сильной страны традиционным способом, а «Пояс и Путь» стремится к общему развитию и процветанию на современном уровне. Механизмы разные, ЕАЭС фокусируется на создании правовых механизмов и организационных механизмов, а «Пояс и Путь» на создании механизмов

координации и механизмов правил. ЕАЭС является типичной новой международной организацией, которая реализует «жесткий механизм». «Пояс и Путь» – это не международная организация, а концепция и инициатива. Направления развития разные, ЕАЭС – с севера на юг, а «Пояс и Путь» – с востока на запад. ЕАЭС – это «блок», а «Пояс и Путь» – это «пояс». Географические районы различны: ЕАЭС в основном сосредоточен в центральном регионе Азии и Европы, а «Пояс и Путь» пролегает через евразийский континент, включая его восточные и западные края, центр и периферию. Реакция в регионе отличается, ЕС выступает против ЕАЭС, потому что ЕС рассматривает ЕАЭС как потенциального противника, но не выступает против «Пояс и Путь» и рассматривает его как партнера по сотрудничеству. Кризис в Украине в некотором смысле воплощает конкуренцию между ЕАЭС и ЕС. Природа и средства разные. Экономика и политика в ЕАЭС связаны. В определенной степени экономическая интеграция может сформировать политический альянс, который отражает евразийскую стратегию России. «Пояс и Путь» ориентирован на экономику, разделение экономики и политики. Китай играет роль поддержки и продвижения. Различные содержания, ЕАЭС относительно имеет программную дорожную карту, «Пояс и Путь» является более гибким и прагматичным, включая 6 дорог и 6 коридоров, а также многие страны и порты. Судя по графику, у ЕАЭС есть четкое расписание, «Пояс и Путь» может занять много или мало времени. Функциональная структура отличается, «Пояс и Путь» является стратегическим экономическим уровнем сотрудничества для продвижения сотрудничества на уровне рыночной экономики, а сотрудничество в области энергетики является прорывом в строительстве. ЕАЭС использует сотрудничество в области рыночной экономики для реализации интеграции государств-членов в стратегическую экономическую область. С точки зрения финансирования Китай имеет фонд Шелкового пути, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Шанхайский банк развития, Новый банк развития БРИКС и др., более адекватен с точки зрения финансирования.

Сопряжение и сотрудничество между ЕАЭС и «Пояс и Путь» могут открыть путь для китайского капитала, а также предоставят ЕАЭС большую возможность использовать китайский капитал, обрести взаимную выгоду. «Пояс и Путь» охватывает Евразию и имеет обширную территорию, но в большинстве государств-членов отсутствуют удобные морские порты. Средства Китая могут быть использованы для совместного планирования и продвижения строительства ключевых каналов, ключевых узлов и ключевых проектов для формирования взаимосвязанной инфраструктуры сети. Нужно обеспечить инвестиции в зеленую энергию, новые виды энергии и возобновляемые источники энергии, разведку, глубокую переработку и сервисные связи, чтобы получить долгосрочные выгоды. Ресурсы и экономические структуры различаются в разных странах. Предприя-

тия могут оптимизировать разделение труда и кооперацию в производственной цепочке, обеспечивают эффект добавленной стоимости и мультипликативный эффект « $d + 1 > 2$ ». Сотрудничество на уровне финансовых услуг, чтобы улучшить информационную асимметрию, снизить операционные издержки, реализовать передачу рисков и обеспечить эффективное финансирование. В то же время необходимо укреплять валютные свопы и увеличивать долю расчетов в национальной валюте, расширять охват коммерческих банков-корреспондентов. С экономической точки зрения сопряжение ЕАЭС и «Пояс и Путь» позволяет расширить регион и расширить каналы, сгладить поток экономических ресурсов и факторов производства. В то же время международное торговое сотрудничество может принести сравнительные выгоды. Страны производят продукцию с относительно высокими интересами и получают высокую прибыль. Технический обмен и взаимодействие талантов повышают технический уровень стран.

В настоящее время Китай, Россия и страны Центральной Азии установили стратегические партнерские отношения, а также являются членами ШОС. В контексте ЕАЭС и «Пояс и Путь» Китай и страны-члены ЕАЭС имеют механическую платформу для обсуждения сотрудничества.

А. Ю. Голобородько

(Таганрогский Институт имени А. П. Чехова, г. Таганрог, Россия,
goloborodko2009@mail.ru)

С. С. Камышанская

(Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону,
Россия, stefy94@inbox.ru)

А. В. Понеделков

(Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону,
Россия, ponedelkov@uriu.ranepa.ru)

В. В. Стеценко

(Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону,
Россия, vstetsenkov1992@gmail.com)

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ
ПЛАТФОРМА ФОРМИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЁЖИ
В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Проблематика формирования гражданской идентичности молодежи выделяется в качестве одной из важных тем российского общественно-политического дискурса. В современных условиях развития мирового сообщества особую важность приобретают вопросы разработки и реализации аксиологических оснований укрепления национальной безопасности

в рамках формирования и трансляции стратегических направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации. Полагаем, одним из эффективных механизмов укрепления национальной безопасности в ценностно-смысловом контексте выступает активная трансляция в различных дискурсах социально-политических коммуникаций концепта «историческая память», который призван обеспечить консолидацию гражданского общества вокруг общего когнитивно-ценностного семиотического ядра, составные компоненты которого (свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм, культурно-историческое наследие и др.) фундируют возможности развития диалога общества и государства и способствуют формированию ландшафта их взаимодействия.

Сохранение исторической памяти в контексте обеспечения межпоколенческих связей выделяется в качестве одной из злободневных тем современной повестки дня. Проблематика сбережения исторической памяти имеет в нашем представлении очевидную элитологическую составляющую. Это обусловлено тем обстоятельством, что морально-нравственные ориентиры деятельности будущих представителей элиты во многом зависят от преемственности и последовательности государственной политики в вопросах сбережения исторической памяти.

Актуальность исследования платформы формирования гражданской идентичности молодёжи в контексте сохранения исторической памяти обусловлена рядом негативных процессов, обозначенных Стратегией государственной культурной политики РФ на период до 2030 года. К данным тенденциям относятся: разрушение традиционных социальных практик; размывание устоявшихся институциональных связей; разрыв преемственности между поколениями; снижение интеллектуального и культурного уровня общества; девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров; рост агрессии и нетерпимости, проявления асоциального поведения; деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости Российской Федерации; атомизация общества.

По нашему мнению, для того чтобы смягчить указанные социальные противоречия и реализовать задачу становления каждого молодого человека как патриота Отечества и активного гражданина, необходимо обеспечить ценностно-смысловую платформу формирования гражданской идентичности молодёжи. Указанная проблематика связана со стратегией укрепления России как ориентированной на защиту своих национальных интересов, при этом миролюбивой, уважающей суверенитет и интересы партнеров, политической и экономической державы, осно-

вополагающим фактором развития которой является уникальный человеческий капитал [3].

Концепт «историческая память» становится в значительной степени особым измерением формируемой нами «повестки дня» общественно-политического дискурса на уровне городского сообщества, который циркулирует в рамках развития среды взаимодействия с исполнительной и законодательной ветвями власти города. Рассматриваемый концепт в рамках кооперации обучающиеся/преподаватели активно позиционируется нами посредством расширения «идейного» влияния на молодежь, в т. ч. школьников с опорой на подсознание, на эмоциональную сферу, в контексте ряда признаков развития общественно-политического дискурса, выделенных профессором Е. И. Шейгал, например, его очевидная фидеистичность [11].

Считаем, проблематика сохранения исторической памяти имманентно связана с вопросами обеспечения культурного суверенитета, обуславливающего возможность минимизации рисков и угроз размывания культурно-цивилизационной ценностной платформы воспитания российской молодежи.

В российском исследовательском сообществе актуализируются дискуссии о направлениях национального развития и поисках «точек роста» формирования культурно-цивилизационной идентичности как условия обеспечения национальной безопасности, важнейшим измерением которой выступает культурный суверенитет. Профессор В. Э. Багдасарян выделяет ряд негативных тенденций, возникающих на фоне утраты культурного суверенитета – явления культурной травмы, контркультуры, гуманитарного кризиса. В. Э. Багдасарян противопоставляет концепт «культурный суверенитет» и процесс культурной десоверенизации, который проявляется, по мнению исследователя, в разрушении фундаментальных оснований национальной культуры и инокультурной экспансии. Полагаем, содержательный базис феномена «культурный суверенитет», который, по мнению В. Э. Багдасаряна, включает в себя такие фундаментальные (семантические) признаки, как «добро и зло», «человек и его сущность», «идеал», «прошлое», «будущее», «национальная идентичность» может и должен предусматривать активное его обогащение посредством актуализации «смыслового поля», продуцируемого концептосферой «исторической памяти» [1].

Согласимся с мнением российского исследователя С. Г. Кара-Мурзы о необходимости восстановления социокультурного континуума, возрождения связи времен и поколений в виде смысловой триады «прошлое – настоящее – будущее». В этой связи считаем целесообразным позиционировать «выдвижение» в «контур» технологий обеспечения культурного суверенитета современной России инструментария сохранения исторической памяти как компонента государственной культурной политики

и канала для «насыщения» ее культурно-ценностными содержательными основаниями [4].

Полагаем, что в контексте осмысления и позиционирования платформы гражданской идентичности релевантно обратиться к доктринальным документам, определяющим молодежную политику, таким как Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы», Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года.

В соответствии с обозначенной нормативно-правовой базой гражданско-патриотическое воспитание подрастающего поколения является приоритетным направлением, основной задачей которого выступает формирование гражданского самосознания и ответственности, чувства патриотизма, гордости за историю родной страны, воспитание культуры межнационального общения на всех этапах образовательного процесса [9; 8; 6; 10].

Отметим, что в Послании Федеральному собранию 2020 года президент В. В. Путин отметил также важность участия деятельной, активной молодежи в сохранении национальной идентичности и культуры, которые являются цивилизационным кодом российского народа. В рамках предстоящего празднования 75-летия Победы в Великой Отечественной войне Президент РФ особо отметил важность сохранения исторической памяти/правды («Мы обязаны защитить правду о Победе, иначе что скажем нашим детям, если ложь, как зараза, будет расползаться по всему миру? Наглому вранью, попыткам переиначить историю мы должны противопоставить факты») и предложил следующие направления деятельности: волонтерское движение школьников и студентов, проект «Волонтеры Победы», создание крупнейшего комплекса архивных документов, кино- и фотоматериалов по Второй мировой войне [7].

Концептосфера, манифестируемая Посланием Президента РФ в части семейной, культурной, образовательной политики, включает в себя следующие «семиотические следы»: «традиционные для российской цивилизации ценности», «укрепление гражданской идентичности», «сохранение исторического и культурного наследия», «сохранение и развитие единого культурного пространства», «утверждение традиционных семейных ценностей», «утверждение социальной ценности просвещения». Полагаем, что ценностно-содержательные установки, представленные в Послании Президента РФ, актуализируют новые точки роста интеграции политического и педагогического дискурсов, что позволит, по нашему мнению, объединить политическую целесообразность и аксиологические ориентиры в актуальных условиях развития политического ландшафта. В этой связи, счита-

ем, что именно ценностная платформа исторической памяти (прежде всего о Великой Отечественной войне) может и должна выступить в качестве одного из продуктивных, семиотических скрепов обозначенного сближения.

В качестве примера консолидации контента политического и педагогического дискурса выступает, как нам представляется, феномен политической социализации, который понимается как «освоение отдельным человеком как членом определенного общества и гражданином государства основных элементов соответствующей политической культуры» (об этом, в частности, пишут профессор В. И. Коваленко и профессор К. С. Гаджиев) [5; 2]. Политическая социализация происходит в рамках неформального и формального политического просвещения, воспитания и обучения и, если неформальная сторона политической социализации осуществляется преимущественно через бытовой дискурс (общение с родителями, сверстниками и др.), то формальное накопление контента тезауруса политической социализации проходит в рамках образовательного процесса в школе и в вузе через различные жанры педагогического дискурса и политическое просвещение.

Полагаем, что инструментарий политической социализации молодежи не через принуждение, а через «вовлечение»/привлечение, позволит нам развить поле естественной культурно-просветительской воспитательной кооперации с молодежью, расширяя возможности насыщения картины мира молодежи именно теми ценностями актуальной лингвокультурной «повестки дня», которые обуславливают их рост и развитие в духовном плане, в тесной связи и на основе культурно-цивилизационного/генетического кода нашего народа, для которого историческая память – основополагающая ценность.

Одним из приоритетных направлений политической социализации является укрепление исторической памяти о Великой Отечественной войне в рамках гражданско-патриотического воспитания молодежи.

В этом контексте мы исходим из того, что историческая память о Великой Отечественной войне остается общеразделяемой позитивной ценностью, духовным капиталом России. История практически каждой российской семьи тесно связана с историей Великой Отечественной войны, ставшей для народа не только символом и воплощением величия страны, мужества и стойкости людей, но и чудовищной трагедией, неизмеримыми людскими страданиями и потерями.

События войны для части молодого поколения россиян не являются настолько важными, уходит постепенно чувство сопричастности и гордости за Победу. На воспроизводство исторической памяти о Великой Отечественной войне в первую очередь влияют современные СМИ, технологии и гаджеты, зараженные метастазами глобализации. Истинные знания о событиях Великой Отечественной войны все больше исчезают, а их мес-

то занимают мифы и художественный вымысел. Зачастую целенаправленно и тонко зарубежными силами информационного/политического влияния создаются искаженные представления о героическом прошлом советского народа. Таким образом, в условиях распада «связи времен», постсоветского расщепления системы ценностей и социальных ориентиров, раскола поколений именно позитивный образ Великой Отечественной войны остается ценностно-смысловым ядром, вокруг которого в значительной степени выстраивается политика исторической памяти нашего государства.

Но память, безусловно, не должна быть формальной. Для сохранения и воспроизводства исторической памяти о Великой Отечественной войне целесообразно проводить целенаправленную информационно-просветительскую деятельность и активно вовлекать студенческую молодежь в проектную, научно-исследовательскую, культурно-просветительскую работу.

По нашему мнению, рассматривая содержательный аспект патриотизма, необходимо актуализировать не только чувственно-эмоциональную часть этой ценности, но и «включить» активно-деятельностную составляющую, которая проявляется в повседневной практической деятельности индивида, делах и поступках, приносящих пользу обществу.

Считаем, что в современных условиях, во-первых, необходима единая государственная политика в области формирования гражданской идентичности молодежи, реализация которой требует создания такой системы патриотического воспитания граждан, которая способна консолидировать и координировать условия различных институтов общества и государства в целом; во-вторых, в системе образования необходимо акцентировать внимание на разъяснении и привитии подрастающему поколению патриотических ценностей, т. к. патриотизм – это социальное качество, которое требует развития. В формировании гражданской идентичности молодежи, по нашему мнению, должен преобладать внутренний аксиологический контекст, ориентированный на культуросцентрическую парадигму, а основу ее платформы должна составлять социоцентрическая матрица, включающая гражданско-патриотические ценности, чувство национальной идентичности, идеологию социальной справедливости.

Список литературы

1. Багдасарян, В. Э. «Когнитивное оружие» как инструмент десуверенизации [Электронный ресурс] / В. Э. Багдасарян. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/docconf/kognitivnoe-ozu-zie-kak-instrument-desuverenizacii>. – Дата доступа: 26.02.2020.
2. Гаджиев, К. С. Политическая социология : учеб. пособие для академического бакалавриата / К. С. Гаджиев. – М. : Юрайт, 2017. – 207 с.
3. Голобородько, А. Ю. Актуальные направления государственной культурной политики в контексте укрепления культурного суверенитета современной России / А. Ю. Голобородько, А. В. Понеделков, В. В. Стеценко. – Ростов н/Д : Изд.-полиграф. комплекс РГЭУ (РИНХ), 2019. – 149 с.

4. Кара-Мурза, С. Г. Дезинтеграция и консолидация общества [Электронный ресурс] / С. Г. Кара-Мурза. – Режим доступа: <http://old.centero.ru/chair/dezintegratsiya-i-konsolidatsiya-obshchestva>. – Дата доступа: 05.03.2020.
5. Коваленко, В. И. Политическая социализация: понятие, сущность и основные направления. Особенности / В. И. Коваленко. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. – 384 с.
6. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : утв. распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70713498/>. – Дата доступа: 18.02.2020.
7. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>. – Дата доступа: 15.01.2020.
8. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» [Электронный ресурс] : Постановление Правительства РФ. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>. – Дата доступа: 12.02.2020.
9. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666. – Режим доступа: <http://www.lawinrussia.ru/node/298145>. – Дата доступа: 03.01.2019.
10. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/41d536d68ee9fec15756.pdf>. – Дата доступа: 03.02.2020.
11. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004.

А. Н. Городниченко

(Военная академия Республики Беларусь, г. Минск, port1114@mail.ru)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КОНФЛИКТНОСТИ И НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В современном мире глобализация не только не устранила неравномерность развития различных стран и регионов, но возвела ее в императив современной системы международных отношений. Усиление этих негативных тенденций, рост разрыва между богатством и бедностью народов ведет к накоплению причин для конфронтации. Попытка разрешения этих проблем с помощью войны и силового противостояния за счет подавляющего финансово-экономического и военно-технологического превосходства более сильных государств, лидеров глобализации, накрывает волной насилия не только развивающиеся страны, но и сами развитые государства.

На Петербургском международном экономическом форуме 2019 г. были обозначены характерные особенности современного этапа развития глобализационных процессов, которые заключаются в следующем. Модель глобализации, предложенная в начале XXI в., все меньше соответствует стремительно формирующейся новой реальности. Быстрое становление новых экономик со своими платформами развития, со своими взглядами

на глобализацию и региональные интеграционные процессы плохо стыкуется с представлениями, которые относительно недавно были незыблемыми. Заданные прежде шаблоны ставили страны Запада в исключительное положение, заранее предопределяли их лидерство. Остальным странам оставалось следовать в их фарватере. Когда комфортная, привычная система начала расшатываться, когда подросли конкуренты, выиграли и амбиции, и стремление сохранить свое привычное доминирование, причем любой ценой, то государства, которые прежде проповедовали принципы свободы, честной и открытой конкуренции, заговорили языком торговых войн и санкций, устранения конкурентов нерыночными способами. Стремление монополизировать новую технологическую волну цифровой эпохи, ограничить доступ к ее результатам приводит ко все более реальным вызовам суверенитета отдельных стран, выводит на совершенно иной уровень проблемы глобального неравенства как между странами, так и внутри самих государств. А это и есть основной источник современной конфликтности и нестабильности.

«Мы живем в удивительно меняющемся, опасно трансформирующемся мире, в котором мировая иммунная политическая система ослабла. И многие вызовы, с которыми прежде организм справлялся, теперь могут быть достаточно опасны, прежде всего потому, что «расползается» прежний иерархический порядок» [1, с. 18]. По сути, формируется или происходит попытка формировать два мира, и между ними пропасть постоянно растет. Когда у одних есть доступ к передовым системам образования, здравоохранения и технологиям, у других же нет перспектив и шансов вырваться из нищеты, кто-то балансирует на грани выживания.

Данная тенденция глобализации во многом определяется установками IV индустриальной революции и VI экономического уклада.

Индустрия 4.0 характеризуется переходом на полностью автоматизированное цифровое производство, управляемое интеллектуальными системами в режиме реального времени. Основными ее компонентами являются искусственный интеллект, машинное обучение и робототехника, облачные вычисления, различного рода моделирование и дополненная реальность [2]. Характерным примером может служить проект по созданию полноценного компьютера на основе квантовых технологий. Создание такого рода компьютеров окажет серьезное влияние на развитие вооружений, военной и специальной техники [3].

Технологический уклад во многом определяется поколением техники, эволюционно реализующей общие технологические принципы. Предполагается, что в настоящее время мы находимся на уровне VI технологического уклада (а именно с 2018 г. на стадии широкого распространения, которая продлится до 2040 г.), для которого характерны нано- и клеточные технологии. Преимущество данного технологического уклада, по сравне-

нию с предыдущим, по прогнозу будет состоять в резком снижении энергоёмкости и материалоёмкости производства, в конструировании материалов и организмов с заранее заданными свойствами.

В таких условиях современная робототехника и нанотехнологии будут требовать не уголь, газ и нефть, а в первую очередь редкоземельные элементы (литий, бериллий, скандий, иттрий, лантан и другие), ценность которых резко возрастет.

Сегодня основным поставщиком редкоземельных материалов считается Китай, тем самым определяя свое преимущество в высокотехнологичном развитии. «Китай контролирует 78 % мировой добычи, критически важных для производства высокотехнологичной электроники, и обеспечивает 80 % потребностей экономики США, где спрос исходит от производителей электромобилей, ветрогенераторов и военного и инновационного оборудования. Хотя Китай занимает почти 78 % мирового рынка, он контролирует лишь 40 % глобальных запасов» [4].

Значительный объем рынка в этом плане занимает и Россия, увеличив добычу на своей территории редкоземельных элементов в 10 раз [5].

Дальнейшая борьба основных мировых лидеров за данный вид сырья может привести к созданию новых очагов нестабильности и конфликтности в африканских странах. Такой прогноз обусловлен цепочкой военно-политических событий. Создание американской администрацией в 2007 г. специального Африканского командования США, которое призвано противостоять, прежде всего, растущему присутствию Китая в африканских странах. Открытие военной базы Китая на территории Африки в 2016 г. Списание в 2019 г. 20 млрд долл. внешних долгов африканским странам в обмен на доступ российских компаний к минеральным ресурсам и рынкам в этих государствах [6]. Активная дипломатическая деятельность с целью «реализации совместных проектов в таких сферах, как добыча полезных ископаемых, военно-техническое сотрудничество, туризм и рыболовство» [7].

В будущем конкуренция основных мировых лидеров может привести к развитию ситуации по двум сценариям.

Первый предполагает возможность превращения отдельных африканских стран с высоким объемом разведанных редкоземельных элементов в центры силы, за счет преференций и бонусов от заинтересованных игроков. Сценарий может развиваться по примеру Саудовской Аравии, Ирака и других нефтедобывающих стран, которые начали свое бурное развитие благодаря углеводородному сырью.

Однако данный сценарий маловероятен, так как в современных условиях глобализации данные страны относятся к странам, балансирующим на грани бедности и этнического противоборства, и не смогут вырваться в мировые лидеры.

Второй сценарий более реалистичен. Он предполагает превращение территорий новых поставщиков редкоземельных металлов в новые горя-

чие точки из-за столкновения интересов крупных государств и добывающих корпораций.

Таким образом, данные тенденции, связанные с технологическим прогрессом и борьбой за новые редкоземельные металлы, позволят в определенной степени прогнозировать будущие политические процессы, предсказывая новые центры нестабильности и конфликтности.

Список литературы

1. Мир теряет иммунитет // РФ сегодня. – 2018. – № 2. – С. 18–21.
2. Четвертая промышленная революция. Популярно о главном технологическом тренде XXI века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/index.php>. Четвертая промышленная революция (Industry_Индустрия_4.0). – Дата доступа: 14.03.2020.
3. Компания из США разрабатывает самый мощный квантовый компьютер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wek.ru/kompaniya-iz-ssha-razrabatyvaet-samyj-moshhnyj-kvantovyy-kompyuter>. – Дата доступа: 14.03.2020.
4. Китай пригрозил ограничить экспорт редкоземельных металлов в США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/kitay-prigrozil-ogranichit-eksport-redkozemelnykh-metallov-v-ssha-1028239551>. – Дата доступа: 14.03.2020.
5. Россия в 10 раз увеличит добычу редкоземельных металлов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.finanz.ru/novosti/birzhevyue-tovary/rossiya-v-10-raz-uvlichit-dobychu-redkozemelnykh-metallov-1028375611>. – Дата доступа: 14.03.2020.
6. Россия простила 20 млрд долларов долгов Африке. Кому еще? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-50172147>. – Дата доступа: 14.03.2020.
7. В. Матвиенко назвала приоритетные направления для совместных проектов России и Намибии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/matvienko-nazvala-prioritetnye-napravleniya-dlya-sovmestnykh-proektov-rossii-i-namibii.html>. – Дата доступа: 14.03.2020.

В. А. Гуторов

(Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, gut-50@mail.ru)

А. А. Шириняц

(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, jants@yandex.ru)

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ И ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ДИЛЕММЫ

Современная традиция либеральной идеологии в историческом плане имеет различные точки отсчета. Либертариистский либерализм отстаивает принцип «нулевого государства». Основные теоретические основы этого направления были разработаны в книге Р. Нозика «Анархия, государство и утопия» (1974) [Nozick, 1974]. Другим ведущим направлением является утилитаристский либерализм, на протяжении столетий развивающийся в области экономической и политической теории тезис, согласно которому

центральным пунктом морали и политики является (или должно быть) содействие счастью. «Возможно, наиболее важный вопрос, разделяющий утилитаристов, состоит в определении счастья как “благополучия” или “пользы” или же “всего, что делает жизнь стоящей того, чтобы жить”» [Mulgan, 2007, p. 3]. Оба направления содержат «критическое ядро», включающее в себя три основных критерия: свобода, «минимальное государство», счастье – благополучие – эффективность. Системы, основанные на трех данных критериях, распадаются на множество линий аргументации. Например, для доконтрактного либерализма характерно предельное сближение понятий «свобода» и «минимальное государство». Обычно не уточняется – до какого предела должно простираться ограничение общественного сектора. Неизбежным следствием понятийной и идеологической гибкости либеральной теории является усиливающаяся неопределенность ее категориального аппарата, что влечет за собой необходимость его постоянной корректировки, осуществляемой, как правило, в полемической форме. К XXI веку векторы совместимости современного либерализма (по крайней мере, на уровне теории) с противостоящими ему когда-то идеологическими течениями нередко начинают трактоваться настолько широко, что у некоторых западных ученых даже считается вполне допустимым, например, искать точки соприкосновения между идеями Д. С. Милля и Д. Ролза с современным шиитским исламом [Haidar, 2008, p. 2–3].

Следует отметить, что в конце XX – начале XXI вв. наиболее активную роль в общественном дискурсе Запада играли радикальные неоконсервативные версии идеологии, сочетавшей консервативную программу политических реформ с ярко выраженной либертарианской (неолиберальной) риторикой, которая активно использовалась правящими кругами США и Западной Европы для идеологического воздействия на политические элиты стран Центральной и Восточной Европы в период так называемых «бархатных революций». Но одновременно все более явственными становились противоречия современного либерализма как в политическом, так и в этическом и культурном плане. «...Глубокий парадокс современного либерального упорядочивания жизни, – отмечает Р. Бейнер, – состоит в том, что, усиливая в высшей степени ограниченное видение достоинства и уникальности индивида в рамках его или ее отдельной субгруппы, он одновременно предлагает коллективный образ жизни (“американизм”), который, быстро распространяясь, опутывает земной шар... Либерализм не в меньшей степени, чем социализм, феодализм или любой другой социальный порядок, – это глобальное устройство, т. е. образ жизни, который исключает другие образы жизни» [Beiner, 1995, p. 24].

Так постепенно, а в дальнейшем все более явно, в конце XX века вновь на передний план выступила тенденция антилиберальной мысли и критики, которая всегда развивалась параллельно вместе с самим либерализмом и прак-

тически никогда не прекращала своего существования. В 1920–1930-е гг. на большей части европейского континента – от России до Италии и стран Пиренейского полуострова – либеральные порядки были практически стерты с лица земли совместными усилиями левых и правых радикалов, установивших жесткие авторитарные и тоталитарные режимы в результате серии успешных политических революций. Сразу же после окончания Второй мировой войны основные причины краха либеральной идеологии и политики были выявлены в знаменитом «антилиберальном манифесте» «Человек науки против политики власти» (1946 г.), написанном Г. Моргентау, создателем современной версии теории политического реализма. Развивая свою критику либеральной концепции власти, Г. Моргентау вполне справедливо подчеркивал, что либерализм твердо стоит на ногах, когда он отвергает насилие во внутривнутриполитических делах. Ведь он в значительной степени заменил господство с помощью открытого насилия системой косвенного господства, ведущего свое происхождение из специфических потребностей среднего класса и дающего ему преимущество в борьбе за политическую власть. Однако международные отношения никогда не перерастали «долиберальной» стадии. Даже там, где юридические отношения скрывают отношения власти, власть должна пониматься в терминах насилия – актуального и потенциального. Потенциальное насилие всегда имеет тенденцию к превращению в реальную войну. Различие между войной и миром состоит не в сущности, а в степени. Либералы, обманутые внешним сходством между международным миром и миром во внутренних делах, переносят свой местный опыт в международную сферу, приравнивая различие между войной и миром к различию между автократическим насилием и либеральной рациональностью [Morgenthau, 1967, p. 49–50].

Как свидетельствует весь опыт эволюции идеологического дискурса на Западе в послевоенный период, инерция фундаментального скептицизма в отношении теоретических и практических возможностей либеральной идеологии оказалась настолько мощной, что и в начале XXI века альянс ученых и философов, выступающих против направления, именуемого ими «гегемонистским либерализмом» [см.: Wolf-Devine, 2003], продолжал только укрепляться. Одним из важных моментов этого процесса стала разработка своеобразной философии и «историософии» антилиберализма в многочисленных трудах экономистов, социологов, философов и политических теоретиков, критиковавших либерализм не только с учетом современных реалий, но стремившихся опираться на давнюю, восходящую к эпохе Просвещения традицию неприятия либеральной философии.

Антилиберальный взгляд на исторический процесс состоит в том, что процесс либерализации и сам либерализм как направление экономической и политической мысли и практики, с точки зрения его противников, всегда развивались по восходящей линии в духе книги Френсиса Фукуямы «Ко-

нец истории и последний человек». Со второй половины XVIII в. его развитие действительно было поступательным, но к концу XIX в. векторы исторического развития резко изменились в неблагоприятном для либерализма направлении. К началу 1980-х гг., когда наступило улучшение, «экономический либерализм находился в упадке в течение ста лет» [Henderson, 2000, p. 5]. Антилиберализм в начале XXI в. во многом отличается от аналогичных направлений, которые возникли четверть века назад. Д. Гендерсон выделяет три его современные, весьма существенные отличительные черты: 1. Рост сторонников экономической политики советского и (или) китайского типа. 2. Резкое усиление критики неолиберальных реформ. 3. Увеличение стран, групп и ассоциаций, причисляющих себя к жертвам политики неоконцов и выступающих за активное государственное вмешательство в регулирование экономики и других сфер общественной жизни [Ibid., p. 21]. Иными словами, антилиберализм как направление общественной мысли и социальной политики отнюдь не пошел на убыль.

Список литературы

1. Beiner R. What's the Matter with Liberalism? Berkeley ; Los Angeles ; Oxford : University of California Press, 1995. – 200 p.
2. Haidar H. H. Liberalism and Islam. Practical Reconciliation between the Liberal State and Shiite Muslims. – New York : Palgrave Macmillan, 2008. – 254 p.
3. Henderson D. Anti-liberalism 2000. The Rise of New Millenium Collectivism. – London : The Institute of Economic Affairs, 2001. – 57 p.
4. Morgenthau H. J. Scientific Man versus Power Politics. Chicago & London : The University of Chicago Press, 1967. – 245 p.
5. Mulgan T. Understanding Utilitarianism. Stocksfield : Acumen, 2007. – 194 p. Nozick R. Anarchy, State, and Utopia. Oxford UK & Cambridge USA : Blackwell, 1974. – 367 p.
6. Wolf-Devine C. The Hegemonic Liberalism of Susan Moller Okin // Liberalism at the Crossroads. An Introduction to Contemporary Liberal Political Theory and Its Critics. Second Edition. Edited by Christopher Wolfe. Lahnam ; Boulder ; New York ; Oxford : Rowman and Littlefield Publishers, Inc., 2003. – P. 41–60.

М. А. Гуцалюк

(г. Гродно, gma82@list.ru)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГЕМЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Минувший 2019 год был отмечен в современной белорусской истории небывалым падением уровня рождаемости. В стране зафиксировали исторический минимум деторождений с 1945 года [1]. Даже в экономически тяжелые и кризисные 90-е годы XX века уровень рождаемости был значительно выше. Одним из наиболее часто используемых путей выхода государства из демографического коллапса, как известно, является миграция – стремление решить проблему низкой фертильности путем привлечения

новых жителей извне. Однако такое развитие событий скрывает в себе серьезные риски. Неконтролируемые миграционные потоки могут стать фактором гораздо более серьезной демографической дестабилизации.

Наиболее часто встречающимся заблуждением в вопросах миграционной политики является игнорирование биологической константы потенциального мигранта. И хотя еще около десятилетия назад многие представители политического истеблишмента Западной Европы публично усомнились в мультикультурных ценностных установках (например, канцлер Германии Ангела Меркель в октябре 2010 года заявила, что политика мультикультурализма потерпела полный крах в ее стране и Германии больше не нужны мигранты, которые не говорят по-немецки [2]). Подобные заявления политических лидеров носят скорее поверхностный, иногда популистский характер и не могут выразить quintessence проблемы. Отчасти потому, что мультикультурализм не исчерпывается лишь лингвистическим или культурологическим содержанием. Недостаточно лишь знать язык и проживать на определенной территории, чтобы считаться частью конкретного этноса. Необходимо иметь также кровную связь с ним, т. е. иметь общие расовые и антропологические характеристики.

В том случае, если общественная структура в силу миграционных процессов или иных причин состоит из различных расовых и антропологических страт, это уже само по себе является имманентным фактором социального кризиса и конфликтности, угрозой демографической безопасности и целостности этноса. Именно так считает специалист по межличностным отношениям, американско-бельгийский ученый Пьер Л. ван ден Берге. «Степень сотрудничества между организмами может находиться в прямой зависимости от доли генов, которые для них общие, и наоборот, степень конфликта между ними является обратной функцией доли общих генов» [3], – пишет он. Этот принцип справедлив и в отношении животных и в отношении людей. Степень агрессии и конфликтов увеличивается прямо пропорционально увеличению генетического расстояния между различными особями у животных и индивидами у людей. Для людей (и животных) свойственно идти на жертвы ради собственного потомства. Можно даже сказать, что такое поведение воспринимается как должное и априорно заданное, «прописанное» в самой природе существа. Также это свидетельствует о бессознательном стремлении передать свои гены будущим поколениям. Подобное объяснение не следует рассматривать в качестве радикального примера биологического детерминизма, но как вполне научную попытку объяснить поведение человека с точки зрения его природной (биологической) сущности.

Для любых живых существ на планете свойственно защищать свою территорию от вторжения. И если в одном случае группы, имеющие близ-

кое родство, могут сосуществовать, не вступая в конфликт, то в других вариантах неспособность к защите своей земли от проникновения чужеродных элементов ставит под сомнение само коллективное выживание ввиду возросшей конкуренции за основные источники жизнедеятельности. «Наша поведенческая предрасположенность к этнической семейственности превратилась в борьбу за существование, потому что это было рациональным и полезным» [4, с. 16], – пишет финский профессор Тату Ванханен. И есть все основания считать, что базовые (биологические) поведенческие паттерны человека сохраняются неизменными в любое время – сегодня, как и тысячи лет назад.

Могут возразить, что невозможно найти на Земле абсолютно «целостные» с точки зрения биологии или культуры сообщества. Людям свойственно заключать браки не только в рамках своего этноса, нации, расы или веры. Миграции прошлого и настоящего приводили и приводят к смешению населения различных стран и регионов. Однако для численно малых сообществ и этносов это всегда означало риск ассимиляции в более крупном образовании. Любая общность людей, стремящаяся сохранить свою культурную и биологическую идентичность, должна стремиться избегать возможного смешения с другими, особенно численно превосходящими этносами. Это настолько очевидно, что должно составлять квинтэссенцию любой национальной программы демографической безопасности.

Характерен в этой связи феномен еврейского народа. Евреи, которые не имели своего государства около двух тысяч лет, проживали в различных регионах планеты, их малочисленные группы часто не знали родного языка. Но строгие религиозно-этические запреты, главным образом носящие антропологический характер как запрет на вступление в брачные отношения с неевреями, послужил главным фактором, препятствующим ассимиляции этноса на протяжении столетий. Даже несмотря на то, что данное стремление к целостности нередко нарушалось, учитывая все противоречивые, неоднозначные и нередко иррациональные мотивы человеческого бытия. Но тенденция к сегрегации от других и сохранению своей антропологической и культурной идентичности была сильнее, мультикультурализм большинством евреев был отвергнут как первичная опасность их демографической безопасности. Более того, сегодня еврейские ученые и специалисты по генетике утверждают, что евреи не только народ или нация, не только особый антропологический тип, но также и раса, так как проведенные исследования демонстрируют у них отличительный от других рас генетический признак [5].

В настоящее время, учитывая печальную демографическую статистику, у Республики Беларусь и белорусского народа нет иного выхода, как взять за образец еврейский пример демографического развития как в культурном, так и более всего в антропологическом смысле. Бороться с низкой

рождаемостью привлечением мигрантов из стран с иным расовым или антропологическим типом означает усугублять проблему и трансформировать ее из просто сложной, в нерешаемую. Непонимание этого, широкая пропаганда в иностранных СМИ и глобальной сети Интернет мультикультурных ценностей и общества «открытых границ», смешанных браков с представителями других рас, является серьезным вызовом современности и угрозой демографической безопасности стран и народов.

Список литературы

1. Рождаемость в Беларуси падает. В прошлом году зафиксирован исторический минимум с 1945 года [Электронный ресурс] / tut.by. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/670512.html>. – Дата доступа: 24.02.2020.
2. Меркель заявила о провале мультикультурализма [Электронный ресурс] / Русская служба BBC. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed. – Дата доступа: 24.02.2020.
3. Van den Berghe, P. L. The Ethnic Phenomenon [Электронный ресурс] / P. L. Van den Berghe. – Режим доступа: <http://bookre.org/reader?file=1394152>. – Дата доступа: 28.12.2017.
4. Vanhanen, T. Ethnic Conflicts Explained by Ethnic Nepotism / T. Vanhanen. – Stamford, CT : JAI Press, 1999. – 370 p.
5. Ostrer, H. Legacy: A Genetic History of the Jewish People [Электронный ресурс] / H. Ostrer. – Режим доступа: <https://www.haaretz.com/jewish/dna-links-prove-jews-are-a-race-says-genetics-expert-1.5220113>. – Дата доступа: 17.06.2019.

Е. В. Давлатова

(Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, г. Витебск, davlatova.elena@rambler.ru)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобальная неопределенность характерна для современного мира. Этой теме посвящено большое количество исследований, статей, книг и докладов. Западные и отечественные политологи, философы, социологи, историки, экономисты пытаются определить и спрогнозировать тенденции развития глобальных политических процессов в будущем. Это связано с тем, что трансформация политических систем разных стран приводит к появлению политических процессов нового содержания.

Известные политологи И. В. Ильин и О. Г. Леонова [1] проанализировали многочисленные публикации отечественных и зарубежных исследователей в области глобализации и определили основные, чаще других встречающиеся прогнозы тенденций развития глобализационных политических процессов. Наиболее очевидными были названы следующие тенденции: новая структура глобального мира; «глобальное состояние»; изменение геополитического ландшафта; тенденция десоверенизации Европы; поляризация модернизационных и геополитических стратегий; неустойчивость

и повышенная конфликтность политических систем; неэффективность международных структур; трудности формирования механизмов управления; создание новых союзов; геополитический плюрализм; тенденция к сокращению суверенности государств; конфликт между национальными интересами государства и процессами глобализации; конкурентоспособность авторитарных государств; увеличение роли развивающихся стран в глобализирующемся мире и усиление роли исламских государств в политических мировых процессах в будущем. Остановимся на проблеме национального суверенитета современных государств.

В научном мире принято считать, что до недавнего времени действовала система международных отношений, сложившаяся при заключении Вестфальского мирного договора 1648 г. Вестфальская система установила миропорядок, в основе которого лежал принцип существования независимых стран, не вмешивающихся во внутренние дела друг друга. Все акторы международных отношений были признаны равными.

После распада СССР и биполярной системы межгосударственных отношений перестала действовать прежняя система баланса сил. Сформировался однополярный мировой порядок, где главную скрипку стали играть США. Некоторые исследователи считают, «что такая система международных отношений становится основной угрозой для национальной безопасности всех государств данной эпохи, порождая систематические риски, исходящие непосредственно от качественных параметров данной системы» [2].

Действительно, появление межгосударственных структур, таких как ООН, ОБСЕ, Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк, ЕС и др. способствовали тому, что ряд функций государства постепенно делегировался этим организациям. Однако есть вопросы, решить которые может только национальное государство, например отстаивание национальных интересов своей страны на международной арене.

Л. Е. Гринин считает, что в настоящее время суверенитет свободных и самостоятельных стран стал намного меньше. «И, что очень важно, многие государства отдают часть суверенных функций нередко действительно добровольно. Подобный альтруизм можно всерьез объяснить только тем, что такое ограничение становится выгодным, поскольку взамен страны надеются получить вполне реальные преимущества» [3].

Такое добровольное делегирование части своего суверенитета в распоряжение общего руководства и общих структур наблюдается в Европейском Союзе, – это Европейский совет, Европейская комиссия, Совет Европейского Союза, Европейский парламент, Суд Европейского Союза.

Некоторые западные исследователи и политики считают, что суверенитет тормозит развитие научно-технического прогресса и препятствует

уничтожению оружия массового поражения (Г. Кельзен, Дж. Брайерли, Г. Лаутерпахт, К. Райт, У. Фридман, Д. Сорос). Есть мнения, что в связи с появлением новых форм политических организаций, международного права государство как носитель политической власти начинает терять свою роль в обществе, поэтому необходима переоценка самого понятия «суверенитет» в связи с возникновением мирового политического сообщества (Роберт Коохейн, Джозеф Най, Г. Киссинджер).

Возникновение новых международных неправительственных (МНПО), международных правительственных (МПО) организаций и транснациональных корпораций (ТНК) приводит к появлению новых сил влияния и усложнению политической системы в целом. Активная деятельность транснациональных корпораций, формирование мирового финансового рынка оказывают все большее влияние на экономическую политику национальных правительств, ограничивают деятельность органов власти при проведении ими самостоятельной социальной и экономической политики внутри своих стран. Международные финансовые организации имеют свои многочисленные филиалы по всем регионам мира, через которые они и осуществляют свою финансовую политику.

Профессор С. Краснер не согласен с положением о том, что глобализация несет угрозу государственному суверенитету. С. Краснер считает, что степень изменений, происходящих в последнее время, слишком преувеличена и еще рано говорить о качественном изменении характера внутреннего суверенитета [4]. В этом вопросе с ним солидарен С. Хантингтон.

Таким образом, существует множество различных, часто противоположных теорий и прогнозов о тенденциях развития национального суверенитета в эпоху глобализации. Это связано с тем, что в глобальном мире постоянно возникают новые векторы развития, новые измерения, узловые проблемы и точки бифуркации. Глобализация потенциально содержит в себе большую вариативность направлений развития. Скорее всего, сформировавшийся миропорядок не противоречит принципу политического суверенитета государств. Большинство стран не отказываются от него, напротив, активно отстаивают свои права, национальную особенность, традиции и перспективы развития.

Дискуссии по вопросу о роли государственного суверенитета в глобализирующемся обществе приобретут еще большую актуальность и будут продолжены.

Список литературы

1. Ильин, И. В. Тенденции развития глобализационных политических процессов / И. В. Ильин, О. Г. Леонова // Век глобализации. – 2015. – № 1. – С. 21–35.

2. Комлева, Н. А. Поствестфальский мировой порядок как системная угроза национальной безопасности современных государств / Н. А. Комлева // Электронное научное издание Альманах «Пространство и Время». – 2013. – Т. 3. – Вып. 2. – С. 2. – Режим доступа: <http://e-almanac.space-time.ru/assets/files/Tom%203%20Vip%202/rubr1-sistema-koordinat-st2-komlevaf-2013.pdf>.

3. Гринин, Л. Е. Глобализация и национальный суверенитет [Электронный ресурс] / Л. Е. Гринин // История и современность. – 2005. – Вып. 1. – Режим доступа: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/145683/>. – Дата доступа: 28.02.2020.

4. Krasner, S. Globalization and sovereignty / S. Krasner // Ibid. – P. 34–52.

5. Гринин, Л. Е. Глобализация тасует мировую колоду (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс) / Л. Е. Гринин // Век глобализации. – 2013. – № 2. – С. 73.

6. Розов, Н. С. Глобальный кризис в контексте мегатенденций мирового развития и перспектив российской политики / Н. С. Розов // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания. Вып. 4 / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина. – М. : МАКС Пресс, 2010. – С. 90.

А. В. Демидок

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
anyashka89@mail.ru)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЁЖИ

Формирование в Республике Беларусь институтов гражданского общества и правового государства требует активного и деятельного участия молодежи страны. Радикальная трансформация общества, утверждение демократических ценностей и принципов его организации и функционирования невозможны без участия молодого поколения. Социальная позиция молодежи оказывает существенное влияние не только на характер современных социально-экономических и политических процессов, но и на перспективы развития страны.

В политической науке принято выделять три базовые модели политической социализации молодежи: подчинения, стихийности, интереса.

Модель «подчинения» основывается на подчинении индивида государственной власти, которое включает в себя полное усвоение им ценностей и требований, транслируемых по средствам разветвленной системы пропаганды правящей политической элиты. Данная модель политической социализации присуща тоталитарным и авторитарным политическим режимам, свое распространение получила в истории XX века. Классическим примером воплощения модели «подчинения» является опыт политической социализации молодежи в Советском Союзе, где с начала 20-х гг. XX века активно организовывались под эгидой советской власти институты и агенты политической социализации, ведущие роли были отведены периодической печати и радио, системе всеобщего образования.

Модель «подчинения» лишает гражданина какой-либо политической субъектности, при этом государству вменяется всестороннее управление пассивными в политическом плане гражданами. Такая управленческая

концепция обеспечивается огромным бюрократическим аппаратом государственных служащих и минимизированным воздействием граждан на политическую систему страны. Подавление и контроль над личностью обеспечивается также за счет «административного мышления».

Следующая базовая модель носит название «стихийности», которая распространена в большинстве африканских государств, некоторых латиноамериканских и азиатских странах, где нет устойчивых политических режимов, государственная власть и внутренняя политика сопровождаются многочисленными кризисами. В такой модели существует плюрализм мнений, обеспеченный за счет конкурентной работы информационных технологий. Плюрализм мнений доходит до того, что на одном канале телевидения или сайте в сети Интернет могут быть представлены различные точки зрения, ангажированные с теми или иными группами интересов.

Третья модель политической социализации – модель «интереса». Она создавалась на базе демократических взаимоотношений государства, общества и личности, где гражданин рассматривается как главный субъект политики, а государство играет роль охранителя законов, порядка, интересов граждан. Так, например, в Конституции Республики Беларусь закреплена норма, что единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ. Такое взаимоотношение между личностью и государством полностью пересматривает характер политической социализации граждан, в особенности подрастающего поколения.

Важным фактором в модели «интереса» в обеспечении политического воспитания личности становится общество, посредством которого осуществляется достижение личных интересов. Это является главным принципом демократии, когда через решение большинства достигается реализация поддержанной задачи, решение которой благоприятно сказывается и на реализации собственного интереса.

В каждой модели существуют определенные механизмы взаимодействия между личностью и обществом, представителями власти, в каждой модели по-особенному выстроен процесс политической социализации. Данные теоретические модели, в особенности модель «интереса», являются во многом идеальными, и в каждой стране они получают свою национально-государственную особенность.

В научной литературе за каналами, обеспечивающими социализацию молодого человека, закрепился термин «агенты социализации». Их принято разделять на первичные, вторичные и третичные. Некоторые исследователи отдельно выделяют средства массовой информации в самостоятельную четвертую группу.

Главным и универсальным агентом политической социализации является, конечно же, семья. Именно она является той средой, в которой происходит усвоение первичных политических представлений. Значительным отличием семьи от других агентов политической социализации является то, что она способна передавать социальные, этнические и религиозные представления из поколения в поколение, образцы поведения, которые не могут не влиять на политические представления и политическое поведение молодых людей.

Группу вторичных агентов образуют учреждения образования, детские и молодежные общественные объединения.

В школе политическая социализация осуществляется по двум направлениям. Во-первых, прямая политическая социализация через преподавание гуманитарных дисциплин, где молодые люди знакомятся с принципами политического устройства страны, правами и обязанностями граждан. Во-вторых, латентная, опосредованная социализация. Место школы в процессе политической социализации личности в значительной степени определяется характером политической системы общества.

Деятельность большинства молодежных организаций направлена на решение конкретных проблем общества и молодежи. В молодежном общественном объединении молодому человеку предоставляется возможность стать субъектом права и социальной деятельности: оно включает человека в систему социальных отношений, помогает постигать новые социальные роли. Молодежные общественные организации, являясь важнейшими институтами гражданского общества, могут оказать существенную помощь в решении проблемы формирования ценностных ориентаций гражданско-патриотической направленности молодежи, способствовать развитию у молодежи чувства патриотизма, позитивной гражданской позиции, желания активно участвовать в общественно-политической жизни и вносить вклад в развитие своей страны.

К группе агентов политической социализации третьего порядка относятся политические партии и движения, общественные организации. Эффективность их воздействия на молодежь зависит во многом от того, на каком возрастном этапе молодой человек попадает под их влияние. Они могут восполнить пробел в политико-социализирующем процессе либо могут скорректировать его.

Особое место среди агентов сегодня занимают информационные технологии.

Интернет уже является основным источником информации для подавляющего большинства молодежи, становясь все более доступным. Более того, длительное «погружение» в интернет-пространство становится отличительной особенностью нового поколения: «постоянное пребывание в Интернете стало одним из маркеров молодежного образа жизни». В этой

связи рядом авторов применительно к современной реальности используется понятие «онлайн-молодежь». Предпочтение Интернета как источника информации и средства общения определяется возможностью реализации собственной активности, двусторонней коммуникацией, удобством и оперативностью, чрезвычайно широкими возможностями, превышающими потенциал печатных СМИ, радио и телевидения вместе взятых.

Можно утверждать, что политическая социализация молодежи представляет собой процесс формирования политического самосознания молодого поколения, усвоения им своих политических интересов, ценностных ориентаций, идентификацию с действующими политическими силами. Другими словами, политическая социализация есть не что иное как деятельное включение молодежи в политическую жизнь общества.

А. Х. Денильханов

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, aslanbekk@yandex.ru)

«ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС» В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

«Восточный вопрос», возникавший практически постоянно как важная геополитическая задача в мире, не утратил своей остроты и стал, пусть и в другом формате, актуальным для внешней политики России сегодня [см.: Гуторов 2018]. Конфликты между Российской и Османской империями длились более ста лет и особую остроту получили в середине XIX века, когда Османская империя начала распадаться. Претензии России в этих конфликтах были обусловлены острой необходимостью в свободном выходе к черноморским проливам, расположенным в регионе Мраморного моря в северо-западной Турции. Последнее было связано как с торговыми интересами, так и целями обеспечения безопасности границ России. Особенность столкновений двух империй состояла в том, что в узел противоречий практического свойства вплеталась существенная нить историко-мифологических и религиозно-конфессиональных мотиваций [см.: Мирикова 2010]. Во-первых, Константинополь, будучи центром мирового православия и истоком русской духовной традиции, принадлежал туркам, что в исторических концепциях славянофилов, да и в государственных идеологических построениях трактовалось как оскорбительное для православия положение и выкристаллизовывалось в задачу необходимого исправления. Во-вторых, на территории Османской империи оказались балканские народы, в большей части православные, и освобождение их от турецкого гнета понималось мировым сообществом как обязанность русского народа и правительства. Дело в том, что к середине XIX века не только на Балканах, но и в Европе сформировалось широкое движение в защиту прав

«нетитульных народов» в империях. Многонациональное немусульманское население Османской (следует добавить – и Австрийской) империи все активнее боролось за свою самобытность, и, как следствие, ставился вопрос суверенитета огромных территорий [см.: Ширинянц 2010].

Попытку решить «восточный вопрос» предпринял император Николай I в надежде осуществить замысел еще Екатерины II. Давно муссированный вопрос раздела Османской империи не мог состояться с учетом российских интересов в силу различных причин, но настоятельно требовали быстрого решения вопросы защиты угнетаемых православных на Балканах. По мнению Б. Н. Чичерина, в проблеме «восточного вопроса» столкнулись два принципа: принцип Священного союза (Россия, Пруссия, Австрия – 1815 г.) «как объединения старых европейских монархий для борьбы с порядком, вытекшим из французской революции» [Чичерин 2004: 288] и принцип религиозной солидарности. Оба этих принципа были одинаково важны для идеологической концепции Николая I. При этом Священный союз, по мысли Б. Н. Чичерина, имел практическую выгоду лишь для западных держав, в то время как для России он был бескорыстной поддержкой идеи монархического порядка на всей европейской территории. Однако России, признавшей себя защитницей всех православных на Балканах, необходимо было отстаивать свое право на покровительство этих народов, что приводило к столкновениям с Турцией.

Российский император был удовлетворен положением в стране и мире. Уверенность в непререкаемости авторитета среди европейских монархов, подтверждение которому он получал неизменно, привела к началу драматической для России Крымской войны. Алексис Трубецкой, относившийся к России с горячей симпатией, с горечью констатировал, что «немного найдется войн в человеческой истории, которые могли бы сравниться с Крымской по неясности цели и числу нежелательных последствий» [Трубецкой 2014: 49]. В своем исследовании Крымской войны он показал, как постепенно рушились иллюзии Николая I: «В ходе кровопролитных сражений в Крыму крупные страны одна за другой отказывались от политики нейтралитета и принимали сторону англо-французских союзников» [Трубецкой 2014: 54].

Во время войны Россия оказалась в изоляции, которая продолжалась и после подписания мирного договора. Вот как Б. Н. Чичерин описывает насущные проблемы в своей статье «Восточный вопрос с русской точки зрения»: «До 1853 г. Россия стояла наверху славы и могущества, все европейские вопросы разрешены ею; она спасла Австрию от гибели, она укротила властолюбивые замыслы Пруссии и восстановила прежнюю форму Немецкого Германского союза. Глава консервативной системы, она в

Европе считалась колоссом непобедимым...» [Чичерин 2004: 126]. Из этого следует, что при существующем политическом устройстве Россия достигала впечатляющих результатов, пока не столкнулась с сокрушительной неудачей. Что же явилось камнем преткновения? Как полагает Б. Н. Чичерин, сложилась новая общественно-политическая модель, по которой была организована система координат, определявшая поведение европейских стран как на внутренней, так и внешнеполитических площадках. Это либеральная свобода в достижении экономических целей, которая отныне и должна лежать в системе мотиваций государственных деяний. Поэтому он предлагает принципиально новый поворот в оценке политической ситуации. Если раньше важным был фактор нравственной мотивации государственных акций, что в свою очередь уходило корнями в конфессиональный базис общественного сознания, то в данной статье на первый план выдвигаются сугубо практические обоснования государственного поведения. Автор статьи не считает возможным предъявлять нравственные упреки как Турции, так и Австрии. Нравственные критерии вообще устраняются из политики. Мотивировать государственные действия нужно только прагматическими целями. «Цель войны есть просто политическое расширение русского владычества на Востоке – цель справедливая и законная. Каждое государство должно заботиться о своем значении и о своем влиянии на другие державы» [Чичерин 2004: 128]. Именно поэтому с полным основанием «...морские державы смотрят на Константинополь как на ключ к Черному морю и к Средиземному, все их политические и торговые выгоды требуют, чтобы он был в руках для них не опасных... В особенности же никто не потерпит расширения России. Россия и без того так могуча, что возбуждает всеобщее опасение своею обширностью и своим единством...» [Чичерин 2004: 132, 133].

В начале XX столетия «восточный вопрос» вновь вышел на международную арену. В феврале 1915 года против Турции, по инициативе Уинстона Черчилля, была развернута военная кампания странами Антанты (Россия, Великобритания, Франция), которая вошла в историю как Дарданелльская операция. По замыслу У. Черчилля, в случае победы над Турцией открывался морской путь в Россию, т. к. черноморские проливы и Константинополь должны были отойти к России. Однако военно-политическая карта сложилась по-другому. В октябре 1918 года Турция капитулировала в мировой войне. В результате национально-буржуазной революции власть в стране перешла к Мустафе Кемалю, будущему основателю Турецкой Республики, который сумел противостоять Антанте в союзе с Германией и Болгарией. Османская армия одержала победу в Галлиполийском сражении, чем радикально изменила расстановку сил в регионе. В России

в феврале и октябре 1917 г. также произошли революции, свергнувшие православную монархию.

В 1923 году на международной конференции в Лозанне с целью установления режима черноморских проливов были установлены новые (современные) границы Турции и стран Антанты. Результаты Лозаннской конференции были выгодны прежде всего Великобритании, так как была достигнута договоренность о полном открытии черноморских проливов для всех военных кораблей в обмен на возвращение Турции земель, которых она лишилась по Севрскому договору (Восточная Фракия, европейские Дарданеллы, Измир, Курдистан). «Восточный вопрос» в международном праве был решен.

Сегодня в центре внимания мирового сообщества и внешней политики России находится Сирийский конфликт, и Турция, используя антитеррористическую риторику, хочет утвердить свои позиции в северной Сирии, возможно, взять реванш в «восточном вопросе» по прошествии ста лет после его юридического решения (1923 г.). По мнению В. А. Аваткова – тюрколога, специалиста по международным и межнациональным отношениям, «Анкара хочет продемонстрировать себя в качестве самого значимого регионального, а может быть, и мирового игрока в рамках решения сирийской проблемы» [см.: Аватков 2016]. России в этой связи важно соблюсти баланс интересов (своих и турецких) в данном вопросе, и анализ исторического прошлого в фокусе мировых проблем позволит определить стратегию и тактику ее внешней политики.

Список литературы

1. Аватков, В. А. Истинные цели Эрдогана в Сирии: «Щит Евфрата» омыт нефтью [Электронный ресурс] / В. А. Аватков. – Режим доступа: <https://rueconomics.ru/198308-istinnye-celi-erdogana-v-sirii-shchit-evfrata-omyt-neftyu>. – Дата доступа: 02.03.2020.
2. Гуторов, В. А. О проблеме межкультурных отношений России и зарубежной Европы в начале XXI века / В. А. Гуторов, А. А. Ширинянц, А. Ю. Шутов // Балтийский регион. – 2018. – Т. 10, № 4. – С. 132–141.
3. Мирикова, А. Русофобский миф на «панславизма» / А. Мирикова, А. Ширинянц // Политически исследования. Българска асоциация за политически науки. София. Брой 1–2. – 2010. – С. 85–110.
4. Трубецкой, А. С. Крымская война. Неизвестная мировая война / А. С. Трубецкой ; пер. с англ. В. И. Генкина. – СПб. : Амфора, 2014. – 352 с.
5. Чичерин, Б. Н. Об общих началах европейской политики и в особенности о внешней политике России / Б. Н. Чичерин ; публ., [предисл.] и примеч. М. А. Чепелкина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. – М. : Студия ТРИТЭ ; Рос. Архив, 2004. – Т. XIII. – С. 285–330.
6. Ширинянц, А. А. Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века / А. А. Ширинянц, А. В. Мырикова. – М. : Изд-во «Социально-политическая мысль», 2010. – 72 с.

Р. Х. Денильханова

(Чеченский государственный университет, г. Грозный, Россия, radima1@yandex.ru)

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Анализируя различные процессы интеграции в современном мире, часто приходится сталкиваться с вопросом: возможно ли примирение различных интересов всех стран, у которых свои исторически сложившиеся культура, быт и традиции? Очевидно, что ускоренные темпы развития и модернизации государственной системы, а также отсутствие времени для разрешения ныне существующих проблемных вопросов, никоим образом не позволяют находиться в ожидании, пока такие страны, которые отстают в своем развитии, не найдут наилучший путь. Поиск искомым и лучших путей развития государства может продолжаться долгие годы и даже столетия [см.: Gutorov 2018].

Существующая проблема уже вышла из государственного уровня и теперь связана с преобразованием суверенитета, а также влиянием извне на государства, в которых отсутствуют силы для необходимой трансформации. И все же, каким бы «незаметным» ни было такое влияние со стороны, оно сказывается на суверенитете всей страны [см.: Адамович 1988; Ватыль 2015].

В существующих ограничениях полной независимости государства следует выделять несколько уровней. Во-первых, страны, которые активно развиваются, согласны объединяться в сообщества регионального типа, для того чтобы совместно отстаивать свои интересы, а также вместе решать проблемные вопросы. Во-вторых, многие государства связаны с глобальным противостоянием, которое существует между развитыми странами и развивающимися. Большинство государств старается решать свои проблемы собственными методами и средствами на своей территории, прибегая к помощи миротворческих структур, которые полностью независимы. В то же время они начинают искать средства, благодаря которым стало бы возможно сократить риск применения насилия с внешней стороны. Например, со стороны вторжения армии США, а также использования их принципа «разделяй и властвуй» [см.: Бейлс 2004].

На следующем уровне наиболее активен «диалог» между странами Европейского Союза, а также некоторыми африканскими странами. Не стоит забывать, что существуют другие важные причины, которые за короткие сроки могут принудить более развитые страны активно ускорять развитие отстающих стран. Прежде всего, речь идет о глобальных проблемах, которые затрагивают мировое сообщество в целом. Многие западные страны стали проявлять интерес к их решению в свою пользу. Соответственно, все это может привести к тому, что суверенитет стран может быть

отчасти ограничен, для того чтобы создать возможность «подстроиться» под общепринятые правила. В связи с тем, что, например, проблемы демографии и экологии тесно взаимосвязаны между собой, учет численности населения может стать не только делом национального характера, но и всеобщего. Для того чтобы решать всеобщие проблемные вопросы, нужно осознавать, что развитие не может все время идти в одном направлении. Необходимо учесть, что требуется рациональное ограничение потребления, а также специфические методы, применяя которые, увеличится возможность принятия ограничений многими государствами мира. По мнению Л. Е. Гринина, нельзя не согласиться с высказыванием Д. Белла, когда он утверждает, что «мы доросли до нового словаря, ключевым понятием в котором будет предел (limit) роста, расхищения окружающей среды, вмешательства в живую природу, вооружения и т. д. Нам представляется также вполне вероятным, что в будущем начнется и квотирование темпов роста экономики, поскольку без этого невозможно реально достигнуть иных ограничений» [Гринин Л. Е. 2005: 10].

Процесс глобализации, хоть и начался давно, в целом остается совершенно иным и неизведанным [см.: Ватыль 2017; Ватыль 2015]. Учитывая все вышесказанное, следует отметить, что особую роль при преобразовании политики государства играет его экономическая составляющая. Экономикой является «локомотивом» в этом отношении и определяющим фактором. Для заметного изменения суверенитета страны необходимо внести кардинальные изменения в остальных областях социума, так как для становления буржуазного общества подобные изменения в экономике мало-значительны, что приводит к необходимости проведения политических революций [см.: Гуторов 2018]. Следовательно, на продолжительный период одной из главных проблем будет возможность совмещения национальных и ненациональных, а также групповых и мировых интересов [см.: Гринин 2005]. Лишь институциональное решение этого вопроса может установить наиболее стабильный новый мировой порядок. Речь вовсе не о порядке, устанавливаемом США и НАТО. В этом вопросе стоит уделить внимание системе соизмеримого учета разных интересов всех регионов и государств. Путь к подобному стандарту «порядка» до конца не изучен и многим не понятен, так как включает в себя различные сложности и противоречия. Необходимо определенное время, чтобы произошли фундаментальные перемены в миропонимании «властных» органов и самого народа, в результате которого национальные проблемы начнут сначала рассматривать через призму общих и лишь потом в контексте региональных и мировых задач.

Глобализационные процессы, согласно многим исследованиям, по отношению к национализму производят бинарный эффект. Часто можно наблюдать, во-первых, тенденцию к сокращению национального сувере-

нитета, а, во-вторых, к активному увеличению националистического настроения. Многие народы стремятся обрести собственную независимость. Пояснение причин сепаратизма в нынешнее время, на первый взгляд, может показаться уникальным, так как национализм набирает силу из-за того, что слабеет сама государственная система [см.: Гребенщиков 2004].

Как уже ранее было отмечено, уникальности здесь вовсе нет из-за того, что безопасность многих стран обеспечивает все мировое сообщество в лице «сильных» стран. Нация есть ничто другое, как этнополитическая общность, которая образуется в рамках государств под влиянием «нанотехнологических» изменений в мире. При обозначенных властью и политикой условиях сплоченность наций и их однородность набирает силу, а в остальных случаях, наоборот, слабеет. По этой причине становление государственных систем в прошлом веке сопровождалось крахом колониальных империй, а также разрушением «старых» и «новых» многонациональных стран (например, СССР, Австро-Венгрия). Такое «расслоение» выполняло некую прогрессивную роль, упрощая региональную и мировую интеграцию. Однако это было разрушительное развитие, которое лишь доказывает высказывание, что прогресс и регресс есть взаимозависимые понятия. Главная проблема в сбалансированности. Все это свидетельствует о том, что мир ожидает еще десятилетия, когда проблемы национального характера будут находиться на первом месте в разных странах, так как причины националистических «стычек» весьма разнообразны. Но не стоит также забывать о том, что силу набирает также убеждение: «право наций на самоопределение превратилось в “опиум для народов”». Развивается также нарциссизм мелких различий между народами. Укрепляющая идеология народа создает один из главных ресурсов для восстановления насилия [см.: Гигаури 2019; Гуторов 2018]. Подтверждением тому являются финансовые кризисы в разных государствах. Согласно Джорджу Соросу, современные рынки стали непредсказуемыми и нестабильными. Основной причиной этому является «неустойка», которая коренится в том, что государственные институты отстают от мировой экономики, давно преодолевшей рамки национального типа, и требует не национального планирования, а определенных форм обоюдного контроля над источниками колебаний финансовых рынков, т. е. создания нового мирового порядка.

Список литературы

1. Адамович, А. Новое мышление и инерция прогресса / А. Адамович, Г. Шахназаров // Дружба народов. – 1988. – № 6. – С. 184–198.
2. Бейлс, А. Дж. К. Уроки Иракского кризиса / А. Дж. К. Бейлс // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 9. – С. 70–77.
3. Бжезинский, З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / З. Бжезинский. – М., 2005. – 288 с.
4. Ватиль, В. Н. Глобализация и региональная интеграция: современные теоретико-методологические интерпретации / В. Н. Ватиль // Вестн. Гродн. гос. ун-та им. Янки Купалы.

лы. Сер. 1, История и археология. Философия. Политология. – 2017. – Т. 9, № 2. – С. 139–147.

5. Ватиль, В. Н. Сильное и эффективное государство: от историко-персоналогического к понятийному дискурс-анализу / В. Н. Ватиль // SCHOLA-2015: Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений : материалы III междунар. науч. конф. – 2015. – С. 20–24.

6. Гигаури, Д. И. Идеология и политика в дискурсивном измерении: проблемы интерпретации / Д. И. Гигаури, В. А. Гуторов, А. А. Ширинянц // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2019. – Т. 11, № 2. – С. 134–141.

7. Гребенщиков, Э. С. Тихоокеанская Россия и Япония: регионализация отношений / Э. С. Гребенщиков // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 1. – С. 89–97.

8. Гринин, Л. Е. Глобализация и национальный суверенитет / Л. Е. Гринин // История и современность. – 2005. – № 1. – С. 6–31.

9. Гуторов, В. А. Терроризм и революция / В. А. Гуторов, А. А. Ширинянц // Przegląd Strategiczny. – Poznan, 2018. – № 11. – S. 243–255.

10. Гуторов, В. А. Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации / В. А. Гуторов, А. А. Ширинянц // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 3. – С. 30–54.

11. Gutorov, V. A., Shirinyants A. A., Shutov A. Yu. 2018, Two civilizations: the relations of Russia and Western Europe at the beginning of the 21st century, Baltic Region, Vol. 10, no. 4, p. 132–141.

С. П. Донцев

(Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия,
dontsev@gmail.com)

ГОСУДАРСТВО, АРМИЯ, ЦЕРКОВЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ И БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Взаимодействие религиозных организаций с вооруженными силами государства является одним из направлений государственно-конфессиональных взаимодействий. Механизмы этого взаимодействия опосредованы, с одной стороны, правовой системой государства, допускающей коммуникацию между армейскими и религиозными структурами. С другой стороны, сама возможность реализации предопределенных правовой системой взаимодействий напрямую зависит от наличия соответствующих государственных и религиозных институтов, которые смогут осуществлять непосредственную коммуникацию. В России и Беларуси к настоящему времени сложились как юридические основания для таких взаимодействий, так и произошла их институционализация, что позволяет говорить о формировании моделей сотрудничества между армией и религиозными организациями, которые прошли с момента обретения двумя государствами независимости схожую эволюцию.

Со стороны религиозных организаций при взаимодействии с вооруженными силами и в России, и в Беларуси особую роль играет Русская

православная церковь (далее РПЦ). Это ключевой актор, который задает алгоритм взаимодействий с армией и для всех остальных религиозных организаций.

Первые взаимодействия РПЦ с вооруженными силами в обоих государствах начались примерно в одно и то же время – в начале 1990-х гг. На первом этапе они носили межличностный характер, когда отдельные церковные иерархи и руководители армейских структур непосредственно договаривались о каких-либо совместных мероприятиях. Уже тогда рядом церковных иерархов и представителями государственной власти обосновывались возможности сотрудничества церкви и армии в деле патриотического воспитания и возрождения традиций. Постепенно такие эпизодические взаимодействия стали носить все более регулярный характер. Правовая база для сотрудничества складывалась постепенно и была во многом связана с принятием в двух государствах Конституций. Сторонники более интенсивных взаимодействий между церковью и армией получили возможность аргументировать их необходимостью реализации конституционных прав военнослужащих, связанных с реализацией права исповедовать любую религию.

В 1995 г. в структуре РПЦ создается Синодальный отдел по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями, задачей которого становится обеспечение взаимодействий с армейскими структурами. В Белорусском Экзархате РПЦ также создается Синодальный отдел по взаимодействию с Вооруженными Силами и другими воинскими формированиями Республики Беларусь. Эти отделы с момента своего создания стали вести пастырскую и духовно-просветительную деятельность среди военнослужащих и членов их семей.

В 1996 г. в России и чуть позже в Беларуси между Министерством обороны двух стран и Православными церквями были подписаны Соглашения о сотрудничестве. В Российском соглашении говорилось о взаимодействии в деле возрождения православных традиций Российской армии и флота, участии священников в воинских ритуалах и торжествах, посвященных памятным датам в истории страны и Вооруженных Сил [5]. В Беларуси во многом схожее Соглашение также предусматривает взаимодействие по нескольким направлениям совместной работы [6].

Сотрудничество между церковью и армией в двух странах после заключения соглашений развивалось по схожим направлениям и было достаточно интенсивно: активно велась пастырская работа, на территориях воинских частей возводились храмы, духовенство участвовало в церемониях присяги, освящении знамен, проводило занятия с военнослужащими, участвовало в торжествах, посвященных памятным Дням воинской славы и т. п. [7].

В принятой в 2000 г. Социальной концепции РПЦ вопросам взаимодействия церкви и армии уделялось особое внимание, было заявлено, что «Церковь имеет особое попечение о воинстве, воспитывая его в духе верности высоким нравственным идеалам» [4, с. 206–207], при этом подчеркивалось, что армейские коллективы не должны становиться полем для прозелитизма [3, с. 4]. В то же время проповедь, создание походных и стационарных храмов, распространение духовной литературы, осуществление священнослужителями своих пастырских обязанностей в войсках признавались необходимыми [1, с. 33].

Еще с середины 1990-х гг. на различных дискуссионных площадках, конференциях и в публичных выступлениях представителей церкви и государства начал подниматься вопрос о необходимости восстановления института военного духовенства в России и Беларуси. В России эта дискуссия привела к серьезной поляризации мнений. Сторонники создания военного духовенства апеллировали к тезису о необходимости во всей полноте реализовать право верующих военнослужащих исповедовать религию, а также о высоком воспитательном и социализирующем потенциале нового института. Противники же обращали внимание в первую очередь на возможные противоречия с конституционным принципом светскости. РПЦ стала ключевым актором, артикулирующим необходимость восстановления института военного духовенства в медийном пространстве. Наиболее крупные религиозные организации России в целом также поддержали эту инициативу.

В итоге, в 2009 г. по инициативе Межрелигиозного совета России был создан институт военного духовенства. В РПЦ было принято «Положение о военном духовенстве», в котором говорилось о предназначении военного священника стать духовным отцом военнослужащих, гражданского персонала воинских формирований и членов их семей, помогать им с христианской точки зрения осмысливать свой долг [2]. Затем начался процесс разработки соответствующей нормативно-правовой базы и подготовки кадров для назначения на штатные должности войсковых священников. В Беларуси институт военного духовенства пока отсутствует, однако периодически возникают предложения создать его и использовать при этом российский опыт.

В целом, и в России, и в Беларуси задачи реализации права верующих военнослужащих на свободу совести и вероисповедания, воспитательные задачи и задачи социализации оказываются взаимосвязанными, а религиозные организации (в России – преимущественно Русская православная церковь и другие традиционные религиозные организации, а в Беларуси – исключительно Белорусская православная церковь Московского патриархата) на основе соглашений о сотрудничестве участвуют в решении указанных задач. Основные цели сотрудничества Церкви и армии – помощь в

удовлетворении религиозных потребностей верующих военнослужащих и содействие в их нравственном и патриотическом воспитании. И в Беларуси, и в России эволюция взаимоотношений Церкви и армии претерпели схожую эволюцию, развиваясь от эпизодических и неформализованных контактов между представителями армии и церкви в начале 1990-х гг. к созданию основ нормативно-правовой базы для формализованных взаимодействий и их институционализации путем формирования соответствующих армейских и церковных административных структур к концу 1990-х гг. Углубление сотрудничества по сформулированным в соглашении между РПЦ и вооруженными силами направлениями совместной деятельности привело к созданию института Военного духовенства в России, развитие и совершенствование которого является основной задачей на ближайшие годы.

Список литературы

1. Алексий II. Доклад на юбилейном Архиерейском соборе Русской православной церкви 13–16 авг. 2000 г. // Сборник документов и материалов юбилейного архиерейского собора Русской православной церкви. – Н.-Новгород, 2001. – С. 3–48.
2. Журналы заседания Священного Синода от 25–26 дек. 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.patriarchia.ru/db/text/3478892.html.
3. Заявление Священного синода Русской православной церкви о восстановлении института военного духовенства в Российской армии // Журнал Московской патриархии. – 2006. – № 5. – С. 4.
4. Основы социальной концепции Русской православной церкви // Сборник документов и материалов юбилейного Архиерейского собора Русской православной церкви, 13–16 авг. 2000 г. – Н. Новгород, 2000. – С. 171–250.
5. Соглашение о сотрудничестве с Министерством обороны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://v-pobeda.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=58:2012-01-19-06-25-30&catid=39:2012-01-19-05-12-27&Itemid=65.
6. Соглашение о сотрудничестве Министерства обороны Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://exarchate.by/resource/Dir0009/Dir0015/Dir0526/Page0530.html>.
7. Церковь и армия / Официальный портал Белорусской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://exarchate.by/resource/Dir0056/Dir0083/Page0117.html>.

В. А. Евстафьев

(Полесский государственный университет, г. Пинск, evstval@tut.by)

СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В АСПЕКТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Одним из отличительных свойств современных социальных и политических процессов выступает рост количества их субъектов и усложнение взаимодействий между ними, возрастание социального неравенства, снижение объемов общедоступных ресурсов, техническое и технологическое

усложнение системы государственных и общественных коммуникаций, а также интенсификация информационных потоков. Каждый из отмеченных факторов формирует потенциалы напряжений в структуре внутривнутриполитических процессов, наличие которых приводит в возрастанию проблемных ситуаций и угроз для стабильного развития общества и государства.

Глубинные трансформации социально-экономического уклада и политической организации белорусского общества предопределили появление ряда новых для институтов управления и населения страны свойств общественных отношений. К перечню этих свойств необходимо отнести:

- изменения в структуре и объемах общественного производства;
- различия между социально-демографическими группами в имеющихся у них возможностях для самореализации;
- трансформация актуальных социальных потребностей населения;
- снижение уровня рациональности и процедур публичности при принятии институциональных решений;
- развитие информационно-коммуникационных технологий и повышение интенсивности формальных и неформальных коммуникаций;
- изменения в структуре медиа-пространства и появление фактора внешнего влияния на внутривнутриполитические процессы;
- нестандартный характер возникающих угроз.

В условиях внутривнутриполитических процессов, характеризующихся повышенной напряженностью взаимодействий, принципиальное значение для сохранения стабильности общества приобретает способность институализированных субъектов политики своевременно и адекватно распознавать не только новые проблемы, но и детерминирующие их области социальных взаимодействий.

В связи с распадом СССР и получившими широкое распространение в ряде государств процессами реализации технологий т. н. «цветных революций», представшими в массовом восприятии в качестве новых политических феноменов, актуализировались потребности в обеспечении безопасности наиболее уязвимых для деструктивного влияния сегментов социальных отношений и социально-демографических групп населения. Исходя из содержания широкомасштабного исторического и политологического анализа, развернувшегося в пространстве зарубежного и русскоязычного гуманитарного знания в последние три десятилетия, особо подверженной к экспансии внешнего информационного и организационного воздействия оказалась область сферы общественного сознания молодежи. Необходимо отметить, что основной движущей силой в ходе массовых уличных выступлений «цветных переворотов» в различных странах была именно молодежь [1].

В совокупности свойств, отражающих природу и сущность молодежи, современные ювенологи выделяют ряд объективных причин, обуслови-

вающих намного более высокие по сравнению с остальной частью общества стремление и готовность к переменам:

- в силу возраста молодежь, в основном, находится в состоянии социального перемещения, а также идейного, нравственного и профессионального становления и выбора;

- низкий уровень догматизации и загруженности сознания молодых стереотипами, предрассудками и ошибками и, в этой связи, большая открытость для внешней информации;

- стремление избавиться от экономической зависимости от родителей, обрести самостоятельность в принятии решений в отношении собственной судьбы [2, с. 209–210].

Отмеченные групповые особенности, формирующие у большей части молодежи свойства повышенной предрасположенности к изменениям в своем общественном положении, побуждают ее внимательно относиться к появлению вариантов собственной социально-статусной динамики. Вместе с тем в силу ограниченности имеющихся у молодежи социального опыта и навыков политического поведения, данная социальная группа располагает по сравнению со взрослыми членами общества намного меньшим инструментарием для понимания сущности общественных событий и процессов. Это обстоятельство предопределяет достаточно определенную ограниченность рациональности молодых людей при восприятии, анализе и оценивании политических информационных поводов.

Базовым инструментом рационализации и фиксации в нормативно-правовом поле сферы государственного управления официальных взглядов на деятельность по защите нашей страны от внутренних и внешних угроз выступают «Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» [3].

Анализ содержания данного документа указывает на то, что, несмотря на наличие в его тексте ряда констатаций значимых угроз в духовной сфере общества и сформулированных подходов к их преодолению, в Концепции не используется в качестве инструментальной научная категория «общественного (массового) сознания», как обозначающая совокупность наиболее типичных и значимых для населения ценностных представлений и ориентаций, в пределах которой могут возникать угрозы для национальной безопасности страны. В тексте данного документа не упоминается также молодежь как приоритетная для определения исторических перспектив страны социально-демографическая группа, массовое сознание которой наиболее уязвимо перед внешним деструктивным информационным и организационным воздействием.

В связи с начавшейся разработкой в нашей стране Стратегии развития государственной молодежной политики до 2030 года данный программный документ необходимо рассматривать в аспекте купирования ряда про-

блемных ситуаций в молодежной среде, которые могут рассматриваться как потенциальная угроза общественной стабильности. Для реализации этой задачи представляется целесообразным изыскать возможности для отражения в содержании Стратегии действий по преодолению наиболее значимых проблемных аспектов в процессах политического становления белорусской молодежи [4], [5].

По нашему мнению, к перечню необходимых к принятию в обозначенном выше направлении мер должны быть отнесены:

– анализ и систематизация на научной основе параметров социально-политического положения молодежи, предусматривающих конкретизацию и структурирование представлений об основных проблемных сторонах современной молодежной среды;

– разработка и реализация мероприятий, направленных на повышение политической грамотности и информированности молодежи, а также на формирование у нее выраженных гражданско-политических идентификаций;

– разработка комплекса нормативно-правовых и организационных процедур, ориентированных на преодоление отчужденности молодежи от процессов принятия политических и экономических решений, на расширение для молодых людей возможностей реальной политической и гражданской самореализации, а также на приобретение молодежью опыта социального и политического управления и взаимодействия в рамках политической системы;

– внедрение в практики молодежной политики организационных подходов, включающих элементы политических технологий с целью обеспечения результативности управления государственной молодежной политикой, а также ее соответствия потребностям и запросам современной белорусской молодежи [6].

Список источников

1. На пороге «оранжевой» революции / С. Г. Кара-Мурза [и др.] ; под общ. ред. С. Г. Кара-Мурзы. – М. : Алгоритм, Эксмо, 2005. – 306 с.
2. Ильинский, И. М. Образование, молодежь, человек (статьи, интервью, выступления). Кн. 2 / И. М. Ильинский. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. – 532 с.
3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Официальный сайт Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://house.gov.by/ru/official-documents-ru>. – Дата доступа: 02.03.2020.
4. Стратегию развития государственной молодежной политики до 2030 года разработают в Беларуси [Электронный ресурс] // БЕЛТА. Новости Беларуси. Белорусское телеграфное агентство. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/strategiju-razvitiya-gosudarstvennoj-molodezhnoj-politiki-do-2030-goda-razrabotajut-v-belarusi-313387-2018>. – Дата доступа: 22.01.2019.
5. Стратегия развития государственной молодежной политики в Республике Беларусь до 2030 года (проект) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства образования Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://edu.gov.by/proekty/proekt-strategii-razvitiya-gosudarstvennoj-molodezhnoj-politiki>. – Дата доступа: 25.02.2020.

6. Евстафьев, В. А. О совершенствовании технологий государственной молодежной политики / В. А. Евстафьев // Вестн. Гродн. гос. ун-та. – Гродно, 2010. – № 1. – С. 116–121.

А. Б. Жайворонок

(Институт парламентаризма и предпринимательства, г. Минск, 7675999@mail.by)

К ВОПРОСУ ПРЕПОДАВАНИЯ ПОЛИТОЛОГИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Каждая из фундаментальных социогуманитарных наук, генерируя важнейшие смыслообразующие духовные установки, выработанные человеческой цивилизацией, активно участвует в духовном становлении личности специалиста.

Нельзя недооценивать вклад политологии в формирование мировоззрения личности. Она способствует становлению его активной гражданско-патриотической позиции, позволяет адекватно оценивать особенности развития отдельных стран и современного мира в целом. Изучение политологии ориентировано на освоение будущими специалистами наследия мировой и отечественной политологической мысли, формирование у них творческого отношения к этому наследию, развитие навыков самостоятельного политического мышления. В этой связи особой задачей является изучение динамики политического знания в широком историко-политическом контексте, взаимосвязи его эволюции с логикой развития духовной культуры человечества, философским осмыслением современных социальных реалий. Политология помогает человеку осознать смысл существования окружающего мира и человека в нем в рамках сложившихся политических отношений и их постоянных изменений.

До введения модульной системы преподавания гуманитарных дисциплин преподавание политологии по объему и структуре осуществлялось в соответствии с типовой учебной программой по политологии для вузов, утвержденной министром образования Республики Беларусь. Объем и структура дисциплины представлялись оптимальными, позволяющими достичь формирования у студентов целостного научного мировоззрения, отвечающего требованиям современной общественной жизни и включающего в себя ценности политического развития современного белорусского государства.

Учебная дисциплина предполагала использование дискуссионности общения, управляемой самостоятельной работы, внедрение инновационных форм преподавания в высшей школе.

Применявшееся ранее достаточное количество аудиторных часов доказало свою эффективность широкими возможностями активизации студентов, возможностью использования инструментария средств и методов

вовлечения студентов в обсуждение политологических проблем, определенных программой.

Переход на модульную систему преподавания политологии привел к уменьшению практически вдвое аудиторных часов. Сегодня уже очевидно, что имеющихся аудиторных часов для контроля качества усвоения студентами изученного материала недостаточно. Предварительные наблюдения (опросы, личные беседы и пр.) позволяют утверждать, что часы, отведенные для самостоятельной работы студентов вне рамок аудиторных часов, студенты намерены использовать по своему усмотрению, чаще всего на цели, не связанные с углубленным изучением предмета. Такова одна из традиций национальной системы образования: подавляющее большинство студентов активно обучается преимущественно в тесном контакте с преподавателем во время аудиторных занятий. Поэтому очевидно, что при нынешнем уменьшении аудиторных часов, отведенных на изучение политологии, возникает опасность фрагментарности знаний, теряется их фундаментальность.

Общеизвестно, что политологические знания являются одной из основ формирования мировоззрения специалиста с высшим образованием. Особая ценность политологии заключается в том, что она учит людей мыслить не штампами и не по алгоритму, как компьютер, а через понимание процессов и явлений, выстраивание собственного отношения к ним как гражданина своей страны, наследника и носителя политических традиций и национальной политической культуры.

Творческое «горение» и живой интерес к знаниям и открытиям, в том числе и к открытию (познанию) самого себя, духовное совершенствование студентов – одни из основных задач вузовской науки. Древнегреческий философ Гераклит говорил: «Многознание уму не научает». Действительно, иметь знания – значит иметь хорошую память, понимать, соединять знания и их оценку, умело и мудро их применять, способствовать дальнейшему развитию познавательного процесса и самого себя. Английский философ Ф. Бекон говорил, что «знание – сила», но сила может быть и разрушительной. Поэтому задача преподавателя высшей школы – формировать ответственное отношение к знанию и образованию, пробуждать творческое отношение к науке, жизни и себе. А древнекитайский философ Конфуций отмечал: «Для того, чтобы понять новое, необходимо изучать старое». Уважение к своим «корням», материнскому началу в науке, природе, семье, любовь к Родине способствует воспитанию духовно высокого и нравственно прекрасного человека. На этой основе формируется настоящий патриотизм, основой которого служит гордость за свою страну.

В постсоветском образовательном пространстве произошло изменение статуса и значения политологии и социогуманитарных дисциплин. Государство, являясь основным заказчиком образования, перестало рас-

считать политологию и социогуманитарные науки в качестве наиболее значимых как для формирования мировоззренчески целостной личности, так и для закрепления идеологических функций образования. Падает престиж политологии и социально-гуманитарных наук, снижается престиж профессии преподавателя высшей школы. Согласно новым образовательным стандартам сокращается количество отведенных на изучение данных дисциплин часов.

Это практико-ориентированная направленность современного высшего образования, которая за последние десятилетия фактически превратилась в самоцель. Уже осуществленные реформы привели к значительному сокращению доли фундаментальных учебных дисциплин в учебных планах, а также фактической дефундаментализации и дегуманизации высшего образования. Приоритетным для современного студента становится изучение прикладных наук, практико-ориентированных дисциплин, методик и технологий. В связи с этим не только положение политологии и социогуманитарных наук в современной образовательной системе становится шатким, также принципиальные трудности испытывают и другие фундаментальные науки. Как отмечает заведующий кафедрой политологии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова В. Самохина, в ходе данной реформы взаимосвязь науки и образования меняется: глобальным вопросам и теориям отводятся роли второго плана, даже относительно собственных научных теорий возникает дискуссия об их месте в профильном образовании. В современном образовании фундаментальность противопоставляется или профессиональной направленности обучения, или его доступности.

Образовательные реформы в постсоветском пространстве руководствуются идеями полезности и эффективности. Одна из сложных ситуаций возникла сегодня в преподавании политологии, практическое применение которой весьма трудно продемонстрировать в краткосрочных временных рамках.

Одновременно в эпоху глобального развития информационного общества, новой технологической революции, популяризации идеи трансгуманизма, заново с предельной остротой встает ряд важнейших для человечества вопросов: «Что есть человек?», «Что отличает человека от других существ и искусственного интеллекта?», «Является ли разум основной чертой человека?», «Чем человеческое общество отличается от стада животных и группы машин?». В контексте этих вопросов такими же актуальными сегодня являются вопросы о роли и значении политологии в жизни современного человека и необходимости преподавания политологии и социогуманитарных дисциплин в системе современного практико-ориентированного обучения.

В современном образовательном пространстве можно встретить два обоснования необходимости преподавания политологии. Первая позиция

рассматривает общий курс политологии в качестве обычной вузовской дисциплины, целью которой является передача политических знаний и формирование мировоззренческой и общей социальной культуры.

Другая позиция – позиция выборочного прагматизма, формирующая человека с прикладным мышлением, который не интересуется экзистенциальным содержанием, а нацелен на решение насущных прикладных задач. Все больше студентов не хотят изучать политологию в целом, во всех ее тематических проблемах, а хотят получить представление о тех направлениях и школах, которые их интересуют. Такое знание вне фундаментальной подготовки фрагментарно и ограничено. Государство также встало на путь подобного прагматизма, заменив глубокий по тематике и большой по объему аудиторных часов курс политологии на краткий и больше обзорный и фрагментарный набор отдельных занятий по данной дисциплине. Исходя из этого перед нами встает проблема: рассматривает ли современный человек сегодня науку, говоря словами Э. Гуссерля, в качестве «квинт-эссенции человеческого разума»? Спорный вопрос.

Исходя из предложенного анализа обратимся к возможным проблемам преподавания. Современное понимание образования и обучения отошло от традиционной субъект-объектной системы и вертикальной системы власти, где преподаватель воспринимается как носитель знания, а студент – как пассивный слушатель. Современные методики образования предполагают равные отношения студента и преподавателя. Преподавателя нацеливают на то, что студента необходимо обучать сократовским методом, однако мы сталкиваемся с определенным препятствием – типовыми учебными программами образовательных модулей, в том числе и политологии, которые противоречат самой идее авторского учебного курса. Существенные сокращения аудиторных часов на политологию и социогуманитарные дисциплины приводят к дефициту времени на аудиторное общение между преподавателем и студентом. Даже если у студентов появляются какие-либо вопросы по политологическим проблемам, рассмотреть их на лекции или практическом занятии, не выбываясь из учебной программы, не представляется возможным. Не получая ответы на интересующие их вопросы, студенты быстро теряют к ним интерес, переставая их задавать. Кроме того, студенты часто хотят получить готовые и конкретные ответы. Преподаватель же нацеливает на самостоятельный поиск истины. Сталкиваясь с трудностями и в чтении предложенных источников, и в самом мышлении, которое требует времени и дисциплины, многие студенты разочаровываются и в преподавателе, и в предмете.

Еще одной коммуникативной проблемой преподавания курса политологии является то обстоятельство, что студенты младших курсов, на кото-

рых преподается политология, зачастую ни интеллектуально, ни морально не готовы к восприятию этого материала. Важные элементы, позволяющие сформировать необходимую эрудицию, широкий культурный кругозор будущего абитуриента на сегодняшний день в школьном образовании практически отсутствуют. Исключение составляют некоторые специализированные школы, гимназии и лицеи, которые имеют право вводить дополнительные предметы, способствующие развитию полноценной культурной личности, связанные с основами теории государства и права, мировой истории и политики.

Существенной проблемой является вопрос о том, что преподавать: историю политологии или политологические проблемы? Сегодня и сама учебная программа по политологии и подавляющее число преподавателей отказались от акцентирования внимания в преподавании политологии на ее историю. Принято считать, что преподавание истории политологии не отвечает ни запросам студентов, ни требованиям современных образовательных стандартов. Хотя преподавательская практика показывает, что студенты проявляют большой интерес к общим политологическим проблемам, но они усваивают эти проблемы через изучение конкретных политологов и их школ, т. е. через историю политологии. Историко-политологический блок в общем курсе политологии настолько сокращен, что раскрыть базовые фундаментальные положения многих политологических школ и мыслителей вообще не предоставляется возможным.

Согласно второму подходу политология не может быть сведена к простому заучиванию определенной системы знаний, а должна выливаться в свободное размышление и философствование. В качестве положительных сторон данного метода называют формирование творческого мышления, открытие новых интерпретаций и оригинальных воззрений, преодоление отрицательных границ мышления. Однако возможности данного подхода к преподаванию политологии для студентов младших курсов с учетом необходимости следования учебным программам, ограниченности временного ресурса и отсутствия элементарных политических знаний крайне ограничены.

Отдельной проблемой считаем отсутствие современных учебников по политологии, где можно встретить интересное изложение научных и практических проблем, где присутствует полемика и проблемные вопросы.

Убежден, что научное и практическое решение поставленных нами вопросов поможет не на словах, а на деле решить их и в значительной мере повысить качество преподавания политологии в вузах, а значит – и улучшить подготовку их выпускников.

Т. В. Жмакина

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск,
tzhmakina@inbox.ru)

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ АРГУМЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Политическая коммуникация невозможна без аргументации, которой отводится ключевая роль в политическом контексте демократии. Политическая аргументация с учетом принципов и положений теории аргументации направлена на достижение нужного аргументатору перлокутивного эффекта, исходя из заданных институциональных условий и дискурсивных механизмов, взаимодействие которых способствует поиску разрешения конфликта мнений по существу вопроса.

Сложный характер политической аргументации находит отражение во множестве подходов к анализу, оценке и реконструкции политического дискурса, которые учитывают риторические, диалектические, прагматические, когнитивные, лингвистические, контекстуальные, институциональные, идеологические аспекты аргументативного политического дискурса. Аналитический обзор подходов к исследованию политической аргументации будет способствовать определению концепции политической аргументации и дифференциации присущих ей характеристик, отличающих ее от других концепций.

Начнем обзор с риторического подхода к исследованию политического дискурса. Переосмысление роли риторики в теории аргументации началось в разных странах приблизительно в одно и то же время. Выход авторитетной работы Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Титеки (Perelman, Olbrechts-Tyteca) [1] ознаменовал появление ряда исследований, в которых отмечались рациональные свойства риторики. Так, например, Д. Венцель (Wenzel) [2] подчеркивает важность риторики в союзе с логикой и диалектикой. Французский ученый О. Ребуль (Reboul) [3] полагает, что риторика уступает по значимости лишь диалектике. По его мнению, как самостоятельные дисциплины риторика и диалектика имеют точки пересечения. Немецкий исследователь Дж. Коппершмидт (Kopperschmidt) [4] рассматривает проблему с исторической точки зрения и определяет риторику как один из основных элементов теории аргументации.

Голландские ученые исследовательской группы кафедры речевой коммуникации, теории аргументации и риторики Амстердамского университета Ф. Х. ван Еемеерен и П. Хоултлоссер (van Eemeren, Houtlosser) [5] вводят аспект риторики в прагма-диалектический метод анализа аргументативного дискурса, подчеркивая тем самым, что каждый этап диалектического процесса разрешения конфликта мнений всегда несет определенную риторическую цель. Модель «стратегического маневрирования» [6], кото-

рая применяется на каждой диалектической стадии, представляет собой выбор из ряда допустимых дискуссионных действий (что составляет потенциал топик говорящего), учет предпочтений аудитории и использование наиболее эффективных риторических средств аргументации.

Разработка прагматодиаlecticической теории аргументации получила свое развитие в изучении аргументативного специального дискурса. Так, Дима Мохаммед (Mohammed) [7], Корина Андон (Andone) [8], Ивон Тоннард (Tonnard) [9], Мартин Левински (Lewinski) [10], Ахмед Омар (Omar) [11] исследуют аргументативный политический дискурс с позиций прагма-диалектики.

Значимое место в риторической методологии отводится исследованию ведущего североамериканского специалиста по речевому воздействию в области политической коммуникации Д. Зарефски (Zarefsky) [12], которое сосредоточено на рассмотрении стратегий, тактик и риторических приемов, а также анализе стилистических средств в политической аргументации. Зарефски считает, что политическая аргументация характеризуется наличием стратегического маневрирования, к основным категориям которого относятся: 1) потенциал темы; 2) особенности аудитории; 3) стиль, структура, ясность и фигуральность речи. Видами стратегического маневрирования, по мнению автора, являются смена темы, переключение целевой аудитории, синхронная апелляция к либеральным и консервативным ценностям, рефрейминг, использование «конденсирующих» символов, тропов и фигур речи.

Особая роль в современном изучении аргументативной политической коммуникации принадлежит критическому анализу политического дискурса. Критический подход направлен на анализ социального неравенства, выраженного в дискурсе. Сторонники критического анализа политического дискурса изучают способы речевого воздействия, позволяющие власти осуществлять свое господство в обществе. Исследования направлены на выяснение, как посредством коммуникативной деятельности декларируется и воспроизводится социальное, гендерное, расовое или этническое неравенство, а также очерчиваются методы языкового сопротивления.

Современный критический дискурс-анализ представлен тремя основными подходами: диалектико-реляционный подход, разработанный на основе марксистской теории Норманом Фэйрклафом (Fairclough) [13]; социокогнитивный подход, разработанный Т. ван Дейком (van Dijk) [14] и оперирующий такими понятиями, как фреймы, стереотипы, воспроизводство этнических предрассудков, злоупотребления властью, угнетаемые группы, контекстуальные модели и структуры знания (K-device); дискурсивно-исторический подход (DHA), предложенный Р. Водак (Wodak) [15] и направленный на изучение того, как язык и другие семиотические системы используются властными элитами для поддержания своего доминирования.

Когнитивный подход к исследованию аргументативного политического дискурса представлен теорией концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона (Lakoff, Johnson) [16] и методикой анализа концептуальной интеграции, которая опирается на теорию блендинга, разрабатываемую с середины 90-х гг. XX в. Ж. Фоконье и М. Тернером (Fauconnier, Turner) [17; 18]. Отличие методики анализа концептуальной интеграции от методики анализа концептуальных метафор основывается на различиях в подходах к тому, как протекает процесс метафоризации, в частности, в политической коммуникации. Так, теория концептуальной метафоры утверждает, что метафоризация представлена проекцией из сферы-источника в сферу-мишень. В свою очередь, согласно теории блендинга, метафоризация включает в себя формирование смешанных ментальных пространств, порождающих смыслы в самом процессе концептуальной интеграции. Примером такой метафоризации является метафора «Если бы Клинтон был “Титаником”, утонул бы айсберг».

Ведущее место в современных количественных исследованиях политического дискурса занимает метод контент-анализа, противопоставляемого дискурс-анализу по целому ряду признаков. Так, дискурс-анализ является качественным методом, который основывается на постулате социального конструктивизма (дискурс конструирует политическую реальность), в котором семантика текстов считается вариативной и эксплицируется посредством интерпретации, в фокусе изучения которого находятся условия порождения и функционирования текстов (экстралингвистический контекст). Контент-анализ, в свою очередь, является количественным методом, который ориентирован на реализм и изучает текст как проявление политической реальности, который представляет семантику текстов статически посредством математической верификации, который ориентирован на статистические закономерности и не предусматривает изучение контекста. В настоящее время контент-анализ активно используется для изучения влияния определенных новостей и аргументов на общественные настроения, в частности, в социальных медиа.

Разработка концепции политической аргументации, представленной пятью основными компонентами – философским, теоретическим, аналитическим, практическим, эмпирическим, имеющей как теоретическую, так и практическую ценность, направлена на дальнейшее развитие теории аргументации и ее успешное применение в политической коммуникации.

Список литературы

1. Perelman, Ch. The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation / Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. – University of Notre Dame Press, 1969. – 566 p.
2. Wenzel, J. W. Perspectives on argument / J. W. Wenzel // Dimensions of Argument: Proceedings of the Summer Conference on Argumentation / eds. J. Rhodes, S. Newell. – Washington, DC : Speech Communication Association, 1980. – P. 112–133.

3. Reboul, O. *Introduction à la rhétorique* / O. Reboul. – Paris : PUF, 1998. – 242 p.
4. Kopperschmidt, J. *Methodik der Argumentationsanalyse* / J. Kopperschmidt. – Frommann-Holzboog, 1989. – 242 p.
5. Eemeren van, F. H. *Rhetorical Analysis Within a Pragma-Dialectical. The Case of R. J. Reynolds* / F. H. van Eemeren, P. Houtlosser // *Argumentation*. – 2000. – Vol. 14 (3). – P. 293–305.
6. Eemeren van, F. H. *Strategic Manoeuvring in Argumentative Discourse* / F. H. van Eemeren, P. Houtlosser // *Discourse Studies*. – 1999. – Vol. 1 (4). – P. 479–497.
7. Mohammed, D. A. *The honourable gentleman should make up his mind': strategic manoeuvring with accusations of inconsistency in Prime Minister's Question Time* / D. A. Mohammed. – Dissertation, University of Amsterdam, the Netherlands, 2009. – 165 p.
8. Andone, C. *Maneuvering strategically in a political interview: analyzing and evaluating responses to an accusation of inconsistency* / C. Andone. – Dissertation, University of Amsterdam, the Netherlands, 2010. – 147 p.
9. Tonnard, Y. M. *Getting an issue on the table: A pragma-dialectical study of presentational choices in confrontational strategic maneuvering in Dutch parliamentary debate* / Y. M. Tonnard. – Dissertation, University of Amsterdam, the Netherlands, 2011. – 185 p.
10. Lewiski, M. *Internet political discussion forums as an argumentative activity type: A pragma-dialectical analysis of online forms of strategic manoeuvring in reacting critically* / M. Lewiski. – Dissertation, Amsterdam : Rozenberg Publishers, 2010. – 240 p.
11. Omar, Ahmed A. A. M. H. *Strategic manoeuvring in supporting the feasibility of political change: A pragma dialectical analysis of Egyptian anti-regime columns* / Ahmed A. A. M. H. Omar. – Dissertation, University of Amsterdam, the Netherlands, 2016. – 197 p.
12. Zarefsky, D. *Rhetorical Perspectives on Argumentation* / D. Zarefsky. – New York : Springer, 2014. – 265 p.
13. Fairclough, N. A. *Dialectical-Relational Approach to Critical Discourse Analysis* / N. A. Fairclough // *Methods of Critical Discourse Analysis* / ed. R. Wodak, M. Meyer. – London : Sage, 2009. – P. 162–186.
14. Dijk van, T. *Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach* / T. van Dijk // *Methods of Critical Discourse Analysis* / ed. R. Wodak, M. Meyer. – London : Sage, 2009. – P. 62–86.
15. Wodak, R. *The Discourse-Historical Approach* / R. Wodak // *Methods of Critical Discourse Analysis* / ed. R. Wodak, M. Meyer. – London : Sage, 2009. – P. 63–94.
16. Lakoff, G. *Metaphors We Live by* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980. – 242 p.
17. Fauconnier, G. *Conceptual Integration Networks* / G. Fauconnier, M. Turner // *Cognitive Science*. – 1998. – Vol. 22 (2). – P. 133–187.
18. Fauconnier, G. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities* / G. Fauconnier, M. Turner. – New York : Basic Books, 2002. – 440 p.

А. В. Занкевич

(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,
azankevich1997@yandex.ru)

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО
УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ**

В научной литературе часто идею самого политического участия определяют как «включение или вовлечение управляемых в управление общественными делами, а также, насколько это возможно, государственными делами» [1].

Именно с помощью политического участия граждан в государственном управлении осуществляются артикуляция и агрегация интересов социальных групп. Политическая система, реагируя на потребности общества, способствует осуществлению политического участия граждан в обсуждении и принятии политических решений, а также в контроле за их реализацией.

Организованный, открытый и всесторонний общественный контроль необходим в деятельности гражданского общества, в котором согласование общественных и государственных интересов является одной из приоритетных задач.

На сегодня институт общественного контроля все больше внедряется в практику принятия государственных решений. Для примера рассмотрим опыт Российской Федерации.

В России институт общественного контроля начал развиваться с 2005 г., когда был принят Федеральный закон № 32-ФЗ от 4 апреля 2005 г. «Об Общественной палате Российской Федерации». Данный закон позволяет гражданам и общественным организациям России участвовать в экспертизе законопроектов в рамках деятельности Общественной палаты.

Необходимость общественной дискуссии по вопросам социально-экономического развития государства закреплена и в Указе Президента Российской Федерации № 167 от 9 февраля 2011 г. «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов».

В развитии диалога общественных объединений и государства важная роль отведена проведению Гражданского форума «ЕС – Россия». Благодаря подобным форумам взаимодействие между государством и обществом стало носить еще более системный характер.

Полноценное развитие института общественного контроля стало возможным благодаря принятию Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». В Законе раскрыты формы и порядок осуществления данного контроля, его субъекты, их права и обязанности и др. [2].

Кратко обозначив опыт России в области законодательного закрепления и реализации института общественного контроля, можно сделать вывод, что в государстве идет процесс закрепления, углубления и совершенствования партнерства между государством и обществом. Общественный сектор в состоянии участвовать в выработке решений, принимаемых органами государственной власти, и их реализации, а государство готово к новой модели поведения конструктивно настроенного активного общества.

В Беларуси правовой основой сотрудничества общественных организаций с государством является Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2010 № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь», Постановле-

ние Совета Министров Республики Беларусь от 20.03.2012 № 247 «О некоторых вопросах организации общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов по развитию предпринимательства».

Согласно данным нормативным документам при республиканских органах государственного управления и иных государственных организациях создаются общественно-консультативные советы для рассмотрения вопросов, регулирующих предпринимательскую деятельность. Общественные структуры разной направленности имеют право участвовать в данных советах. И в Республике Беларусь большинство общественных объединений пользуются этим правом, отстаивая позиции и принципы, на которых они базируются.

Также в республике функционирует Национальный совет по трудовым и социальным вопросам. Он создан в целях осуществления взаимодействия Правительства Республики Беларусь, республиканских объединений нанимателей и профсоюзов по реализации социально-экономической политики, защите трудовых прав, экономических и социальных интересов граждан.

Согласно белорусскому законодательству общественный контроль в форме проведения проверок имеют право осуществлять только профсоюзы и их оргструктуры (Указ Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь», Указ от 6 мая 2010 г. № 240 «Об осуществлении общественного контроля профессиональными союзами»).

Указ Президента № 240 расширил формы осуществления общественного контроля (ранее они были утверждены в Законе Республики Беларусь от 22 апреля 1992 года № 1605-ХП «О профессиональных союзах» (в редакции от 14 января 2000 года № 371-3)) такими мероприятиями, как общественный мониторинг, участие в работе коллегиальных органов и комиссий и другими совместными площадками, которые обеспечивают анализ и оценку соблюдения законодательства (в рамках трудовых и социально-экономических прав граждан) [2].

Профсоюзы в Беларуси осуществляют общественный контроль в формате проведения проверок для оценки условий работы труда, наличия соответствия требованиям законодательства, коллективного договора (соглашения) [3]. В 2018 году профсоюзные организации Беларуси путем проведения мониторингов, постоянных проверок, оказания непосредственной помощи посетили более 417 организаций. Нарушений в законодательстве об охране труда было выявлено 7083.

О готовности власти вступать в диалог с обществом заявил Президент Беларуси на VIII съезде Федерации профсоюзов: «Мы имеем все основания утверждать, что в нашей новейшей истории профсоюзное движение является полноправным участником строительства страны. Мы создали государство, главными ценностями которого являются люди и справедли-

вое к ним отношение. Этот выбор predetermined дальнейшее развитие партнерского взаимодействия между властью и общественными организациями» [4].

Из общественных организаций, стремящихся к сотрудничеству с государством, следует еще отметить инфраструктурное Республиканское общественное объединение «Белая Русь». Данная организация проводит мониторинг общественного мнения по различным вопросам жизнедеятельности страны, опираясь на информацию своих представителей во всех сферах общества, также имеет опыт в проведении общественных обсуждений законопроектов, затрагивающих интересы широких слоев населения.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что общественный сектор Беларуси опережает развитие законодательства в области общественного контроля. В целом, в Республике Беларусь предпринимаются действия по привлечению общественности к обсуждению и реализации государственной политики, и общественный контроль уже занял свою нишу в политико-властной системе государства. Однако недостаток законодательных документов и узкая специфика уже принятых не дают интенсивно и эффективно развиваться институту общественного контроля. Деятельность профсоюзов как единственного субъекта осуществления общественного контроля недостаточна. Необходимо развитие нормативно-правовой базы с расширением правовых субъектов и методов общественного контроля.

Государство может использовать потенциал общественных объединений в государственном строительстве и общественном развитии по таким направлениям, как:

- 1) привлечение актива общественных организаций к мониторингу выполнения решений, принятых органами государственной власти;
- 2) аккумуляция общественных структур для участия в принятии совместных решений.

Список литературы

1. Апресян, Р. Г. Гражданское общество: участие и ответственность / Р. Г. Апресян // Гражданское участие: ответственность, сообщество, власть. Неконцептуальный сборник. – М. : Изд-во «Аслан», 1997. – С. 31–44.
2. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/. – Дата доступа: 01.03.2020.
3. Как осуществляется профсоюзами общественный контроль за соблюдением законодательства о труде и об охране труда? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ohranatruda.of.by/kak-osushhestvlyatsya-profsoyuzami-obshhestvennyj-kontrol-za-soblyudeniem-zakonodatelstva-o-trude-i-ob-oxrane-truda.html>. – Дата доступа: 06.03.2020.
4. Информационно-аналитический портал Союзного государства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://soyuz.by/obshchestvo/lukashenko-v-belarusi-ne-raz-ubezhdalis-razumnosti-i-perspektivnosti-puti-socialnogo-dialoga>. – Дата доступа: 06.03.2020.

А. М. Захаров

(Минский государственный лингвистический университет, г. Минск,
zacharov.zaharov@yandex.by)

НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ДИАСПОРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ПУТИ ЕЁ ОПТИМИЗАЦИИ

По официальным данным, в настоящее время численность белорусов за рубежом составляет от 2,5 до 3,5 млн человек, т. е. практически 1/3 от общей численности населения современной Беларуси [1].

Действующая концепция национальной безопасности Республики Беларусь относит взаимодействие с белорусами за рубежом к числу приоритетных национально-государственных интересов, поскольку оно может быть представлено в качестве действенного вектора использования Беларусью «разумной силы» для закрепления положительного имиджа нашей страны в системе международных коммуникаций. Следовательно, проведение эффективной диаспоральной политики предстает в качестве необходимого фактора развития Беларуси как самостоятельного субъекта мировой политики, ищущего пути выстраивания баланса между осуществлением вариантов своих интеграционных усилий на международной арене и сохранением полноты суверенных полномочий как независимого государства.

Актуальность осмысления государственной политики в отношении белорусов за рубежом определяется различными факторами: их значительной численностью, сравнительно небольшим опытом и недостаточно четкой государственной стратегией взаимодействия с соотечественниками, что открывает возможности для совершенствования этого направления политики; этнополитическими особенностями самой диаспоры, которая склонна к ассимиляции и разобщена по идеологическим основаниям (часть соотечественников лояльна к политическому курсу Беларуси, часть – настроена оппозиционно), и необходимостью разработки способов её консолидации; наличием собственного потенциала диаспоры и возможностью воздействия на политику стран проживания для укрепления позиции Республики Беларусь на международной арене.

Анализ государственных республиканских и региональных программ по взаимодействию с соотечественниками позволяет выделить следующие направления современной диаспоральной политики:

- организационно-правовые мероприятия по обеспечению сотрудничества с белорусами за рубежом. Основной целью этого направления является разработка и заключение международных соглашений в сфере защиты прав соотечественников в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права. Это направление предусматривает также содействие в создании организаций соотечественников;

- деятельность органов государственной власти по оказанию содействия возвращению соотечественников в Республику Беларусь. Предус-

матрируется подготовка и распространение в странах проживания белорусов зарубежья информации о процедурах репатриации в Республику Беларусь, о рынке рабочих вакансий и иных возможностях трудоустройства, сбор и анализ информации о соотечественниках, желающих переселиться в Беларусь. Для выражения эффективности мер репатриационного характера можно использовать модель Казахстана, где государство проводит активную политику стимулирования добровольного возвращения в страну этнических казахов;

- взаимодействие в культурно-просветительской сфере, которое включает: сохранение и развитие национального самосознания и белорусского языка, обеспечение национально-культурных потребностей белорусов зарубежья, содействие популяризации белорусской культуры. Это направление включает также целенаправленную деятельность по поиску и возвращению ценностей белорусского наследия. В образовательной сфере предусматривается содействие открытию за рубежом школ, классов с обучением на белорусском языке, поддержка шефских связей между учреждениями образования, оказание им методической помощи;

- привлечение соотечественников к развитию международного туризма: разработка и организация туристических и экскурсионных маршрутов из Беларуси для соотечественников, содействие созданию белорусских туристических представительств на основе организаций зарубежных белорусов;

- информационный обмен и сотрудничество в области информации. Государство заинтересовано в поддержке и развитии информационных связей с белорусами, проживающими в других странах, так как информационный ресурс диаспоры может способствовать укреплению позитивного имиджа Беларуси на международной арене. Важной задачей является обеспечение белорусов зарубежья достоверной информацией о Беларуси, используя при этом как государственные информационные ресурсы, так и СМИ соотечественников;

- взаимодействие в научной сфере: проведение и поддержка научных исследований по изучению истории, культуры и иных аспектов жизни белорусской диаспоры. Это направление включает также сотрудничество с представителями научного сегмента диаспоры;

- взаимодействие в экономической сфере: организация мероприятий предпринимателей-соотечественников и индивидуальных предпринимателей Республики Беларусь по разработке совместных инвестиционных проектов; привлечение структур предпринимателей-соотечественников к коммерческой деятельности за рубежом; организация встреч представителей власти Беларуси с представителями бизнес-кругов диаспоры по вопросам участия в торгово-экономических проектах, организации совместных бизнес-форумов;

- организация встреч представителей диаспоры с представителями органов государственной власти различного уровня. В частности, министр иностранных дел Республики Беларусь В. В. Макей регулярно проводит встречи с руководителями общественных объединений соотечественников, в ходе которых обсуждаются инициативы представителей диаспоры по укреплению научных, экономических и культурных связей с Беларусью, вопросы деятельности организаций, совместные проекты. Такие встречи способствуют продуктивному развитию сотрудничества и дружбы с белорусами зарубежья. Специфика мероприятий заключается в том, что соотечественники в ходе личных встреч ощущают поддержку и признание со стороны материнского государства.

Однако в настоящее время имеется и ряд проблем, тормозящих процесс повышения эффективности государственной политики по отношению к белорусам зарубежья. Прежде всего это отсутствие единого центра анализа и разработки стратегии по вопросам взаимодействия с соотечественниками, несовершенство белорусского национального законодательства, проблемы финансирования и недостаточный уровень консолидации диаспоры из-за политических разногласий. Их решение предполагает проведение комплексного подхода по оптимизации диаспоральной политики. Основными направлениями по осуществлению данной оптимизации являются:

- координация деятельности институтов государственной власти, концентрация полномочий по формированию и реализации диаспоральной политики в компетенции одного органа;

- совершенствование нормативной правовой базы на основе Закона «О белорусах зарубежья», в частности, доработка «свидетельства соотечественника» или расширение льгот для представителей диаспоры (бесплатные визы, льготные условия при поступлении в учебные заведения Беларуси и трудоустройстве);

- включение в законодательство положения для интенсификации экономического и научного сотрудничества (речь идет о разработке системы льгот для представителей бизнес-структур соотечественников, создании условий для включения в сотрудничество представителей западной диаспоры, о принятии стратегии дистанционной мобилизации научной диаспоры);

- усиление информационной поддержки диаспоры (особенно дальнего зарубежья), в том числе посредством использования СМИ соотечественников, создания англоязычных сайтов;

- разработка путей и способов привлечения частного финансирования культурных, образовательных и научных проектов (привлечение частных инвесторов, фондов, общественных организаций);

- привлечение органов государственной власти к работе с молодым поколением белорусской диаспоры, в частности, к поддержке инициативы создания молодежных объединений по связям с белорусами зарубежья.

Интегрирующим началом в процессе оптимизации диаспоральной политики белорусского государства может и должна стать консолидация диаспоры на основе общей цели – независимая и процветающая Беларусь.

Список литературы

1. Белорусы зарубежья [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mfa.gov.by/multilateral/diaspora>. – Дата доступа: 28.11.2019.

Н. Е. Захарова

(Институт философии НАН Беларуси, г. Минск, nz-a@tut.by)

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ПОНЯТИЯ «ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО»**

Публичный дискурс политической сферы общества можно определить как меру взаимодействия государственной власти и гражданского общества. В эпоху Просвещения Гоббс, Гегель, Маркс уже всерьез рассматривали возможности появления таких социальных форм, которые стали бы причиной и условием существования всех подсистем или сфер общества: экономической, производственной, правовой, культурной и т. д. Для Гегеля это было самостановление абсолютной идеи в форме права. Для Маркса – ликвидация частной собственности, отсутствие которой сделало бы производство и распределение справедливым и упразднило эксплуатацию и государство. Существует и другая точка зрения на гражданское общество: оно возникает на определенной стадии развития производственных отношений, производно от экономики, выражает отношения между людьми. В системе отношений общества и государства происходит решение проблемы их тождества.

В определении публичного пространства можно исходить из теории П. Бурдьё, которая представляет собой попытку преодоления противоречий между макро- и микроанализом, между функциональным подходом и теорией социального действия.

Попытки подвергнуть критике положения функционального анализа не прекращаются со времени опубликования работ Т. Парсонса и Р. Мертона. При функциональном (структурно-функциональном) подходе общественная жизнь понимается как бесконечное множество и переплетение взаимодействий людей. Относительно стабильные и абсолютные в подвижном, устойчиво связанные элементы и образуют структуру. Но само разделение на структуры и их операции, или функции, становится относительным, что, с одной точки зрения, выступает как структура, с другой – это есть функция, и наоборот. Для социологии политики функциональный

подход является наиболее продуктивным, поскольку позволяет прогнозировать развертывание социально-политических функций (действий) в зависимости от структурных изменений.

Выдвигая аргументы против функционального структурализма Т. Парсонса, французский социолог А. Турен в своей книге «Возвращение человека действующего. Очерк социологии» доказывает, что политическая жизнь все более и более отождествляется с управлением экономикой, а общественная жизнь – с областью культуры и проблемами личности, которые не зависят от институтов власти. Поэтому уже нельзя считать, что политические институты являются адекватным отражением общественных сил и интересов. Поскольку общественная жизнь представляется сетью общественных отношений действующих лиц, которые руководствуются, по крайней мере, столько же собственными мотивами и стратегиями, сколько мотивами, продиктованными их ролями и статусами, то она и не может анализироваться как система, управляемая структурой и только внутренними законами организации.

Смысл аргументов А. Турена сводится к противопоставлению функционального подхода теории социального действия М. Вебера в изучении публичного пространства и публичной политики, поскольку меняются онтологические основания социальной сферы – общество становится коммуникативным. Особенность коммуникативного общества заключается в том, что его можно и должно исследовать исключительно в терминах социальных отношений. В этом типе общества все объективное, установившееся, институциональное является все более помехой социальным отношениям, коммуникации. Сама социология не может больше заниматься вопросами о природе общества. Она должна раскрывать, описывать социальные ситуации и социальные отношения как сферу конфликтов, которые могут вести либо к политическим переворотам, либо, наоборот, к относительно устойчивым компромиссам.

По сути, подход А. Турена основывается на идиографическом методе, который заключается в описании объекта в его неповторимой уникальности, интерпретирующем исторические факты на основе их отнесения к той или иной ценности. Близким оказывается и предложенный Т. Гайгером метод социологического описания и объяснения поведения социальных групп на основе индивидуального поведения.

В целом нельзя отрицать продуктивности теории социального действия: действительно, коммуникативное общество в гораздо большей степени является продуктом самовоспроизводства, чем политически детерминированное общество. Но для анализа и тем более прогнозирования общественных процессов эта теория не является методологически достаточной. В этом смысле гораздо более перспективной представляется попытка П. Бурдьё снять противоречие между структурой и агентом социального

действия, которые вообще находятся в диалектическом взаимодействии, являются бинарной оппозицией [1].

Вводя понятие социального пространства, П. Бурдьё определяет его как логически мыслимый конструкт, своего рода среду, в которой осуществляются социальные отношения. Это совокупность полей, специфических однородных «подпространств» (например, поле литературы, экономическое поле и т. п.), власть над которыми дает обладание дефицитными благами – капиталом. Именно распределение различных видов капитала (экономический, культурный, социальный, экологический, символический) в социальном пространстве и структурирует его. Посредством расчленения социального пространства на структурные элементы (позиции) в конкретной точке пространства, можно находить и оценивать различные социальные субъекты, их статусные позиции. Согласно П. А. Сорокину, «определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие “точки отсчета”» [2, с. 302, 373]. Динамические социальные формы в социальном пространстве реализуются в конкретных процессах, потоках человеческой активности. П. Штомпка, акцентируясь на деятельностной сущности социальных агентов, описывает модель «поля взаимоотношений», объединяющего четыре уровня: идей, верований, дефиниций; норм, предписаний; интеракций; возможностей, или ресурсов.

Опираясь на взгляды П. Бурдьё и П. Штомпки, можно попытаться определить публичное пространство как среду проявления сопричастности и оптимального соединения частных интересов с публичными, с интересами общества как целого. Ю. А. Красин пишет, что публичная сфера «выполняет важнейшие функции, обеспечивающие взаимодействие власти и общества. Это артикуляция интересов, публичный контроль деятельности власти, влияние на формирование государственной политики, политическое просвещение граждан» [3, с. 39]. По мнению автора, в отличие от сфер частных интересов именно в публичном пространстве формируются и реализуются интересы общества в целом (при том, что государство, несомненно, выражает общенациональные интересы в первую очередь) [3, с. 97]. Публичное пространство включает в себя экономические, социальные, гражданско-политические и социокультурные компоненты. Но в то же время оно не совпадает с пространством организации публичной власти, которое подчиняется государству.

В то же время невозможно раз и навсегда жестко определить содержание публичного пространства и тем более вывести политику его онтологическим основанием. Речь должна идти главным образом о некоем логическом конструкте, учитывающем общественную автономию легитимных социальных практик, но который выводит далеко за пределы конвенцио-

нальной «сферы политики» [4, с. 19]. Поэтому наряду с политическим дискурсом публичности может и должен существовать широкий спектр иных социальных публичных практик, которые обеспечивают устойчивость и саморазвитие системы, отвечающей принципу многообразия как условия устойчивости.

Список литературы

1. Бурдьё, Пьер. Социология политики / Пьер Бурдьё ; пер. с фр. – М. : Socio-Logos, 1993. – 336 с.
2. Сорокин, Питирим. Социальная стратификация и мобильность / Питирим Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. – М. : Политиздат, 1992. – 542 с. – (Серия «Мыслители XX века»).
3. Красин, Ю. А. Публичная политика в России: По итогам проекта «Университет Калгари – Горбачев фонд» / Ю. А. Красин. – М. : Альпина Бизнес Бук, 2005. – 358 с.
4. Фурс, В. Введение: Трансформация публичности и постсоветская ситуация / В. Фурс // Постсоветская публичность: Беларусь, Украина : сб. науч. тр. / под ред. В. Фурса. – Вильнюс : ЕГУ, 2008. – 224 с.

М. С. Зверева

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, manutaz@mail.ru)

**ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНОГО РАВНОПРАВИА В РАБОТАХ
ФРАНЦУЗСКИХ УТОПИЧЕСКИХ СОЦИАЛИСТОВ
(А. СЕН-СИМОН, Ш. ФУРЬЕ, Э. КАБЕ)**

Проблема гендерного равноправия и взаимодействия мужчин и женщин в обществе поднималась ещё философами Древней Греции. Так, Платон писал, что женщины и мужчины должны быть равны, и женщина является таким же важным элементом системы общества, как и мужчина. С развитием философии представления о роли женщины в обществе и соотношении женских прав с правами мужчин менялось. К примеру, христианская идеология, оказавшая сильное влияние не только на средневековую философию, но и политику и общественную жизнь, указывала на подчиненное положение женщин. О похожем отношении к женщинам писали и позитивисты: Огюст Конт указывал, что между женщинами и мужчинами существует кардинальное психическое и моральное различие.

Важным поворотным пунктом в истории вопроса гендерного равноправия стала Великая Французская революция, провозгласившая свободу, равенство и братство. Событие оказало огромное влияние не только на мировую историю, но и на историю общественной мысли Запада. Возложенные на нее мировой интеллигенцией ожидания не были оправданы, и результаты еще долго анализировались историками, философами, мыслителями, экономистами и общественными деятелями. Также борцы за права женщин стали самостоятельно разрабатывать декларации прав женщин,

как это сделала Олимпия де Гуж, так как в результате революции положение женщин не изменилось.

В это время активно начинается течение утопического социализма. Проблема равноправия мужчин и женщин представлена в работах французских философов Анри Сен-Симона, Шарля Фурье и Этьена Кабе.

Анри Сен-Симон (1760–1825) не оставил после себя структурированного социально-политического учения. Так же он не писал подробно о роли женщин в обществе. Основная его мысль, касающаяся гендерного вопроса, – «мужчина и женщина – вот социальный индивид» [1, с. 159]. Важной деталью учения сенсимонизма, подтверждающей эту идею французского утописта, была предложенная для членов нового общества одежда – сюртук с рядом пуговиц на спине, чтобы застегнуть и расстегнуть их можно было лишь при помощи другого человека. Исходя из учения А. Сен-Симона о создании лучшего общества, не знающего эксплуатации, общества, в котором все обязаны трудиться и равны, вне зависимости от пола и происхождения, женщины наравне с мужчинами должны были участвовать в жизни и процессе развития общества. В дальнейшем эти идеи были развиты его учениками, провозгласившими равенство супругов в браке. В частности, Проспер Анфантен писал о неизбежности свободы развода и физического общения, вытекающего из всего строя нового общества. Также он доказывал, что для реализации этого социального проекта необходима новая церковь с «Жрецом» и «Жрицей» во главе.

Более подробно о женщинах писал Шарль Фурье (1772–1837). По версии некоторых исследователей (О. Воронина, М. Соколова, В. Успенская), именно Ш. Фурье был автором термина «феминизм», образовав его от латинского слова «femina» – женщина [3, с. 112].

Проблема, которой было уделено особое внимание, – положение женщины в капиталистическом обществе. Ш. Фурье выступал за равное участие в процессе производства и общественной жизни. В 1808 году в работе «Теория четырех движений и всеобщих судеб» он писал: «В целом прогресс и смена исторических периодов происходят в результате движения женщины по пути свободы, а регресс социального порядка означает уменьшение свободы женщины. Расширение прав женщины есть главный принцип социального прогресса» [4, с. 174]. В своем социальном проекте Ш. Фурье предлагал установить в обществе отношения взаимного уважения всех: мужчин, женщин и детей. Советский историограф А. Дворцов отмечает, что, по мнению Фурье, правовые ограничения буржуазного строя еще больше поработают женщину [4, с. 25]. Во времена утописта у женщин не было ни политических, ни юридических, ни экономических прав. Так, Ш. Фурье указывает на необходимость развития нормативно-правовой системы в данной области.

В своей концепции отношений полов, отличной от существующей в современном ему обществе, Ш. Фурье разрабатывает свою систему. Женщина, по мнению утописта, стала в обществе товаром, она покупается и продается в браке. В частности, он пишет о необходимости установления возраста совершеннолетия для заключения брака. При достижении восемнадцатилетнего возраста девушка получает полную свободу в отношениях и вправе без разрешения родителей выбирать, с кем заключать брак [4, с. 147]. Такая поправка позволит освободить женщин от статуса подопечных сначала родителей, затем – мужей.

Ш. Фурье писал, что статус женщины в обществе можно определить, анализируя язык и слова, которые обозначают женщин и мужчин и женские и мужские занятия. Ситуация, когда профессии или принадлежность к социальной группе называются только «мужскими» словами, означает неравенство полов. Утопист предлагал создать новый нейтральный язык с равным количеством мужских и женских наименований.

Этьен Кабе (1788–1856) в изданном в 1840 году романе-утопии «Путешествие в Икарию» подробно описывает отношение в обществе к женщинам. В самом начале повествования автор делает особый акцент, что в обществе его социального проекта к девушкам и женщинам относятся с неурушимым уважением [2, с. 23]. Также автор пишет, что мужчины и женщины вместе работают в садах, что свидетельствует о равном доступе всех людей к труду, вне зависимости от пола. При этом заботы об устройстве быта лежат, в основном, на женщине, хотя специально придуманная система для поддержания чистоты и облегчает этот труд. Подобно Платону, Э. Кабе пишет о необходимости одинакового воспитания для женщин и мужчин, – как физического, так и интеллектуального. Так, французский мыслитель затрагивает важнейшую проблему, периодически поднимаемую в общественной мысли, – проблему женского образования. О необходимости предоставления женщинам права на образование писали еще Мари де Гурне и Франсуа Пуоллейн де ля Барр в XVII веке, при этом их аргументы носили религиозный характер. М. де Гурне указывала, что в истории можно найти много примеров выдающихся женщин, что доказывает их способности к обучению как и у мужчин, только женщинам не позволяли раскрыть свой потенциал.

Таким образом, в учениях А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Э. Кабе в разной степени отражена проблема гендерных отношений, и, если у А. Сен-Симона роль женщины в обществе описана пунктирно в рамках общей идеи равенства, то в трудах Ш. Фурье и Э. Кабе женский вопрос представлен довольно подробно. Общей идеей является равноправие мужчин и женщин, увеличение роли женщины в жизни общества. Важный аспект, также рассмотренный в работах утопистов, – женское образование и необходимость предоставления равного доступа женщин к качественному об-

разованию наравне с мужчинами. Подобные идеи стали ответом мыслителей на проблемы общества, обостренные после неудачи Великой Французской революции.

Представители французского утопического социализма на несколько столетий опередили тенденции феминизма, аргументировав в своих работах необходимость предоставления женщинам равных с мужчинами прав и даже затронув такие немаловажные аспекты, как язык и отражение гендерных отношений в нем.

Список литературы

1. Айвазова, С. Г. К истории феминизма / С. Г. Айвазова // *Общественные науки и современность*. – 1996. – № 6. – С. 153–168.
2. Кабе, Э. Путешествие в Икарию. Философский и социальный роман : в 2 т. Т. 1 / Э. Кабе ; ст. Н. Л. Мещерякова, коммент. Г. О. Гордона. – Л. : Академия, 1935.
3. Суралева, О. Ю. Феминизм как фундамент развития гендерных исследований / О. Ю. Суралева // *Грани познания*. – 2011. – № 2. – С. 112–116.
4. Фурье, Ш. Теория четырех движений и всех общих судеб. Избранные сочинения / Ш. Фурье ; под ред. и с вступ. ст. А. Дворцова. – М. : Соцэкгиз, 1938. – 311 с.

С. В. Зенченко

(Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, г. Минск, sergzenbox.by@tut.by)

МИГРАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В современных условиях интенсификации процессов глобализации и геополитической трансформации миграционные процессы формируют карту вызовов национальной безопасности, становятся важным фактором устойчивого развития регионов и отдельных государств. Нынешний этап характеризуется усилением борьбы государств мира за высококвалифицированных мигрантов, а также объединением усилий по противодействию нелегальной миграции, решению проблем беженцев и вынужденных переселенцев. По данным Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) «только в 2015 г. 63,5 млн человек покинули свое местожительство в связи с преследованием или вооруженным конфликтом» [1]. По данным Международной организации по миграции (МОМ), «в 2015 г. в мире в общем насчитывалось 232 млн мигрантов» [2]. В контексте военных конфликтов на Ближнем Востоке, Африке, значительного разрыва в социально-экономическом развитии наметился устойчивый тренд перемещения мигрантов с юга (страны Африки и Азии) на север (страны ЕС). Государства Европы столкнулись, в отсутствие эффективных механизмов интеграции мигрантов в принимающее сообщество, с миграционным кризисом. Проблема миграции стала ключевой в политической пове-

стке дня не только государств-реципиентов (США, государства Европейского Союза, Российская Федерация), но и государств-доноров мигрантов (постсоветские государства, страны Азии, Африки, Латинской и Центральной Америки). Для многих стран доноров переводы трудящихся-мигрантов служат важнейшим источником роста ВВП, снимают напряженность на рынке труда, поддерживают определенный уровень благосостояния.

Республика Беларусь находится на стыке двух крупнейших миграционных систем – европейской и евразийской и, как правило, выступает страной-донором для них. Интенсивное формирование и укрепление миграционных сетей в вышеназванных системах – устойчивый тренд оттока белорусских высококвалифицированных специалистов за рубеж. По мнению члена Глобальной ассоциации экспертов по миграционной политике доктора экономических наук И. Ивахнюк, «в России на 2017 год трудились 1 млн белорусов, а в Польше, Германии, Литве, Казахстане, США – около 500 тысяч» [3]. Также хотелось бы отметить активный процесс выезда на постоянное место жительства белорусских мигрантов в ЕС и последующую их легализацию. Так, за 2018 год, по данным Евростата, «более 137 тысяч белорусов получили первый вид на жительство в странах Евросоюза» [4].

Политическая составляющая регулирования миграционных процессов состоит в том, что в национальных интересах современных государств мира необходимым и актуальным видится выработка и постоянная корректировка долгосрочной и среднесрочной стратегии по привлечению высококвалифицированных специалистов, их эффективной интеграции, обеспечению возвратной миграции, а также по противодействию, минимизации последствий от нелегальной миграции в контексте обеспечения национальной безопасности.

Высокая актуальность проблемы эффективного мониторинга миграционной подвижности населения, а также миграционных намерений белорусского населения в контексте обеспечения национальной безопасности нашли отражение в рамках переписи населения 2019 года. Так, в переписном листе появились вопросы о длительности проживания граждан республики в чужой стране, о миграционных намерениях и их причинах, а также о причинах иммиграции в Беларусь.

В этих условиях эффективная государственная миграционная политика становится важным аспектом реализации Концепции национальной безопасности, посредством выработки оптимальной стратегии государства по обеспечению личности, общества и государства от внутренних и внешних миграционных угроз с учетом имеющихся ресурсов и возможностей. В Концепции выделяется восемь сфер национальной безопасности (политическая, экономическая, научно-технологическая, социальная, демографическая, информационная, военная, экологическая безопасность). Под демографической безопасностью понимается «состояние защищен-

ности общества и государства от демографических тенденций и явлений, социально-экономические последствия которых оказывают на устойчивое развитие Республики Беларусь» [5]. В современных условиях устойчивым демографическим трендом становится интенсификация иммиграционных процессов белорусских квалифицированных специалистов, который вместе с сокращением и старением населения может стать существенной угрозой национальной безопасности белорусского государства. Вышесказанное, с нашей точки зрения, обуславливает необходимость обоснования такой категории, как миграционная безопасность, которую можно определить как защищенность государства и общества от тенденций и явлений в миграционной сфере, социально-экономические последствия которых оказывают негативное воздействие на устойчивое развитие Республики Беларусь.

Важнейшими составляющими миграционной безопасности выступают регулирование внешних миграционных процессов в национальных интересах, интеграция иммигрантов в принимающее сообщество, выполнение международных обязательств по защите прав беженцев, трудовых мигрантов, контроль и мониторинг миграции, восполнение населения, развитие международного сотрудничества. Интересам устойчивого развития белорусского государства отвечает формирование селективной модели государственной миграционной политики, которая основана на привлечении определенных категорий мигрантов (с близкими этническими характеристиками, высококвалифицированных специалистов, иностранцев, учреждающих коммерческие организации) путем разработки и имплементации политико-правовых и организационных инструментов селекции в интересах национальной безопасности. Инструментами селекции выступают разработка и внедрение квалификационных, возрастных, языковых цензов. Формирование и проведение селективной миграционной политики заключается в установлении квот на въезд иностранцев, строгой лимитации индивидуально выдаваемых разрешений на него и занятие трудовой деятельностью.

Одной из важнейших составляющих миграционной безопасности государств является интеграция мигрантов в принимающее сообщество.

Анализ законодательной базы республики в сфере интеграции позволяет говорить о формировании в Беларуси национального режима пребывания мигрантов с элементами специального, характеризующегося приравниванием иностранных граждан и лиц без гражданства в правах и обязанностях к собственным гражданам в определенных сферах общественной и гражданской жизни, в первую очередь, в социально-экономической, культурной, хотя и не в полной мере. В то же время, сохранялись особые правила для поведения иммигрантов в политической сфере.

Таким образом, в целях реализации миграционной безопасности важным видится проведение государственной политики, направленной на обеспечение возвратной миграции высококвалифицированных специалистов в условиях необходимости политико-правового обеспечения вхождения рес-

публики в международный рынок труда, предотвращение нелегальной миграции в кооперации со странами ЕС и постсоветскими государствами, обеспечение прав беженцев и вынужденных переселенцев в контексте сотрудничества с международными организациями.

Список литературы

1. Global forced displacement hits record high [Electronic resource] // Site unhcr. – Mode of access: <http://www.unhcr.org/news/latest/2016/6/5763b65a4/global-forced-displacement-hits-record-high.html>. – Date of access: 20.01.2019.
2. Глобальный доклад о миграции, 2015. Миграция и города мира: новые партнерства для управления мобильными процессами [Электронный ресурс] // Демоскоп. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0697/biblio01.php>. – Дата доступа: 18.02.2019.
3. Сколько белорусов работает в России [Электронный ресурс] / Интернет-портал Office life. – Режим доступа: <https://officelife.media/news/how-many-belarusians-working-in-russia-experts>. – Дата доступа: 26.10.2019.
4. В прошлом году 137 тысяч белорусов получили первый вид на жительство в Европе [Электронный ресурс] / Белорусский портал tut.by. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/658843.html>. – Дата доступа: 26.10.2019.
5. Концепция Национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575>. – Дата доступа: 02.03.2020.

А. Н. Зинченко

(Белорусский государственный университет, г. Минск,
artsiom.zinchanka@gmail.com)

**ИЗМЕНЕНИЯ В МИРОТВОРЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СТРАНАХ АФРИКИ
К ЮГУ ОТ САХАРЫ (2003–2019 гг.)**

Европейский союз является одним из наиболее важных акторов, которые проводят миротворческие операции в Странах Африки к Югу от Сахары, в мире. Традиционно миротворческая деятельность ЕС разделяется на военные операции и гражданские миссии.

Всего с 2003 года ЕС провел 23 гражданские миссии, из них 11 миссий, чуть меньше половины, были проведены в странах Африки. По состоянию на 2019 год Европейский союз проводит 11 гражданских миссий, 5 из которых – на территории Африки к Югу от Сахары.

Также ЕС провёл 11 военных операций, 8 из которых прошли на территории стран Африки к Югу от Сахары. При этом в 2019 году проводится 6 военных операций, 4 из которых проходят на территории этих стран [1].

Применение смешанных контингентов или операций, которые бы имели два компонента – гражданский и военный, на данный момент отсутствует. Это приводит к ситуации, в которой цели миссий и операций различаются

и не согласовываются. Таким образом возможны ситуации, в которых военные операции направляются для устранения угроз, исходящих из одного источника. Гражданские миссии при этом выполняют задачи по подготовке персонала стран Африки, который будет решать другие задачи, или по решению других проблем, лишь косвенно связанных с причинами возникновения вооруженного противостояния или нестабильности в сфере безопасности в регионе.

Сравнивая географию операций, проводимых силами ЕС и силами стран Африки, можно отметить, что пересечения происходят в наиболее проблематичных регионах: регионе Сахель, а также Сомали. Это связано с тем, что наличие открытых вооруженных конфликтов и тяжелой политической нестабильности требует большого количества ресурсов, а также политической воли стран-соседей, в первую очередь, участников Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС) и Экономического сообщества стран Центральной Африки (ЭКОЦАС).

Стоит также отметить участие стран Африки в разрешении конфликтов. Страны Африки предоставляют наибольшее число персонала для миротворческих операций – до 60 %. Из лидеров в данной области можно назвать Эфиопию, Уганду, Руанду и Чад. Список из 20 стран, которые предоставляют наибольшее количество персонала для миротворческих операций ООН в 2016 году, возглавляла Эфиопия, которая предоставила 8000 человек [2].

Несмотря на большое количество африканского персонала, участвующего в операциях, бюджетные средства закладывались в первую очередь Европейским союзом через Африканский фонд мира или фонд Афины, а также бюджетом ООН для миротворческих операций. Сами страны Африки вкладывали менее 1 %. После 2019 года в силу вступает Европейский фонд мира, который заменит Африканский фонд мира и фонд Афины и продолжит финансироваться из внебюджетных средств, которые будут поступать в фонд согласно коэффициенту, рассчитанному на основании ВВП стран-членов ЕС. Связано такое внебюджетное ассигнование с тем, что статья 41.2 Договора о Европейском союзе не позволяет выделять средства из бюджета на развертывание военных или оборонных сил. Новая сумма будущего фонда составит до 10 млрд евро.

В 2008 году Хавьер Солана, Верховный представитель ЕС по общей внешней политике и политике безопасности, представил Европейской комиссии доклад по выполнению Европейской стратегии безопасности 2003 года. Этот доклад лег в основу новой Европейской стратегии безопасности «Безопасная Европа в лучшем мире» 2009 года. Уже в этом докладе был представлен подход к миротворчеству за пределами ЕС, который не только бы реагировал на кризисы, но старался предотвратить их, решая проблемы, лежащие в сфере государственного строительства, обеспечения стабильности, предоставляя гуманитарную помощь, устанавливая связи с

сообществами в регионах и реагируя на их нужды, а также комбинируя дипломатические, торговые отношения и предоставляя помощь в развитии постконфликтным странам. Подобный подход получил название «нексус» и затем был использован в планировании действий в Уганде [3].

Все миротворческие операции и миссии вне территории ЕС, согласно Лиссабонскому договору, осуществляются для целей миротворчества, предотвращения конфликтов, а также для укрепления международной безопасности в соответствии с принципами Устава ООН, что указано в статье 21.2 параграфа (с). Европейский союз последовательно осуществляет свои миротворческие операции в рамках политики ООН в этой сфере.

С 2016 года можно заметить изменения в подходе ООН и ЕС к миростроительству и предоставлению гуманитарной помощи. В мае 2016 года на Всемирном гуманитарном саммите была подписана так называемая «Большая сделка» [4], которая подразумевала значительные изменения в предоставлении гуманитарной помощи и помощи в развитии. Антонио Гутерриш в своей речи в декабре 2016 также отметил, что к ним также необходимо добавить и усилия, направленные на становление мира. Данный подход затем был использован в Сомали [5] и Буркина-Фасо, Чаде, Судане и Южном Судане [6].

Стоит также вспомнить о том, что в 2015 году были сформированы Цели в области устойчивого развития, многие из которых напрямую касаются коренных причин конфликтов: доступ к ресурсам, устойчивые города, мир, правосудие и эффективные институты и т. д. Учитывая небольшую временную разницу во введении Целей устойчивого развития в повестку международных организаций и объявлением об изменении подходов к миротворчеству ЕС, можно отметить, что повестка ЕС продолжала меняться вместе с повесткой ООН.

С учетом вышесказанного можно отметить, что Европейский союз продолжит брать на себя основные обязательства по финансированию тех миротворческих операций, которые будут осуществляться странами Африки. Стоит отметить, что основной целью данного финансирования как и прежде будет укрепление миротворческого потенциала вооруженных сил стран Африки, а также реформирование текущего подхода, которому будет присущ более комплексный подход с использованием смешанных контингентов. Можно предположить, что основной стратегией в области безопасности стран Африки станет делегирование миротворческих операций странам Африки при максимальной поддержке финансированием и при большем акценте на предотвращение конфликтов и решение их коренных причин, которые так или иначе связаны с повесткой Целей устойчивого развития. При этом, учитывая внебюджетное ассигнование средств, можно ожидать, что число военных операций ЕС увеличится со временем, так как подобное финансирование позволяет финансировать военные операции с непосредственным применением силы.

Список литературы

1. EU CSDP Missions and Operations [Electronic resource] // Public Relation and Information Office, EU Military Staff. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/csdp-missions-operations/eucap-sahel-mali/64992/eu-csdp-missions-and-operations-may-2019_en. – Date of access: 10.02.2020.
2. Tor, A. Peacekeeping in Africa: The EU at a Crossroads / A. Tor // College of Europe Policy Brief #11.17. – November 2017. – 2017.
3. Action Plan. EU Response to Forced Displacement in The Framework Of The Comprehensive Refugee Response Framework in Uganda 2018–2020 and Post 2020 [Electronic resource] // European External Action Service. – 2019. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/delegations/venezuela/58485/eu-humanitarian-and-development-nexus-action-plan_is. – Date of access: 07.02.2020.
4. Инициированные донорами оценки организаций системы Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – 2017. – Режим доступа: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/72/298>. – Дата доступа: 13.02.2020.
5. Somalia: field perspectives on the Great Bargain [Electronic resource] // OECD. – 2019. – Mode of access: https://groundtruthsolutions.org/wp-content/uploads/2019/03/Grand-Bargain_Somalia_032019.pdf. – Date of access: 13.02.2020.
6. Metcalfe-Hough, V. Grand Bargain annual independent report 2019 / V. Metcalfe-Hough, W. Fenton, L. Poole / Overseas Development Group. – London, 2019. – 89 p.

А. А. Зоткин

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, al-zo@yandex.ru)

**ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ И МИРА В «АНТИ-МАКИАВЕЛЛИ»
ФРИДРИХА ВЕЛИКОГО**

«Анти-Макиавелли» – одно из ранних сочинений Фридриха II (1712–1786), пожалуй, самого почитаемого в Германии монарха – Великого, написанное им накануне вступления на престол и частично отредактированное его многолетним респондентом Вольтером (1694–1778).

Начальная точка полемики Фридриха Великого с Макиавелли по поводу проблем войны и мира – развенчание исходного для всей политической концепции итальянца тезиса о том, что «государь не должен иметь других мыслей и забот, не должен упражняться в ином искусстве, кроме военного дела» [5, с. 43]. По мнению прусского короля, это заблуждение идет от чрезмерного увлечения государя военной службой, и при чрезмерном увлечении ею превращает «того в Дон Кихота, воображение которого наполнено одними только ратными подвигами, крепостями, укреплениями, атаками, линиями и нападениями» [9, с. 73]. На самом деле, продолжает Фридрих: «государь исполняет свой долг лишь наполовину, если он помышляет только об одной войне» [9, с. 73], – подчеркивая красной нитью пронизывающую все его произведение мысль о том, «что государи являются судьями, что генералами они становятся под действием обстоятельств» [9, с. 73–74].

Основа правильного ведения дел, полагает Фридрих, следование монарха добродетели, справедливости и благу человечества: «истинная на-

ука правления должна состоять в том, чтобы превзойти своих подданных в добродетели, дабы они не были вынуждены проклинать у других то, к чему они своими примерами подают повод. Я показал, что недостаточно только утверждения своей славы и действий для достижения той славы, которая видна всякому, но я сказал, что нужны такие поступки, которые относятся к благоденствию рода человеческого» [9, с. 138]. В отличие от флорентийца, так глубоко и горько на себе самом испытавшего все прелести «обратной стороны титанизма» эпохи Возрождения и утверждавшего, что «человек, желающий творить одно только добро, неминуемо погибнет среди стольких чуждых добру. Поэтому государю, желающему сохранить свою власть, нужно научиться быть недобрым и пользоваться этим умением в случае необходимости» [5, с. 46], Фридрих, человек эпохи Просвещения, исповедующий протестантизм и принадлежащий к масонскому братству, верит во всемогущество человеческого разума, способного все обустроить на началах добра и справедливости.

Для автора «Анти-Макиавелли» понятия разумности, добра и справедливости неразделимы, причем, разумность для него всего превыше, поскольку именно она позволяет монарху различить, что есть добро, что зло и что такое справедливость [9, с. 6], восходя в своих истоках к божественному разуму, на который и должен ориентироваться в своей деятельности мудрый государь: «чтобы великий государь во всех случаях мог добиваться своего, – пишет Фридрих, – ему следует учиться у разумного кормчего» [9, с. 135]. В понятии «разумного кормчего» слышатся отсылки не только к христианству, но и к масонским увлечениям Фридриха II, и обнаруживается противопоставление всемогущества человеческого разума – роли судьбы, которую, как считал Макиавелли, она играет в жизни человека: «судьба наполовину распоряжается нашими поступками, но другую половину, или почти столько, оставляет нам» [5, с. 74]. Согласно Фридриху, в политике зависит все от разума, ну а судьба, как дело случая, себя являет на войне, поэтому война для человека – зло.

Согласно Фридриху, война всегда должна быть справедливой, и в качестве таковой последним орудием, к которому может прибегнуть государь для восстановления кем-то попорченной справедливости: «Война является крайним средством, к которому прибегает государь, не имея другого выхода. Война ведется часто ради защиты, и такая, безусловно, является справедливой из всех войн. Нередко война ведется для сохранения того права государя, на которое покушаются другие. Таким образом, защищает он свое право мечом. И война должна доказать справедливость его доводов. Война бывает также с далеко идущими планами, и государь поступает в этом случае разумно, ежели ее начинает. Правда, хотя это и является войной жестокой, однако, он бывает справедлив в этом случае» [9, с. 143].

Прежде, чем начать войну, замечает Фридрих, монарх обязан «хорошо подумать», стоит ли к ней прибегать, поскольку беды, ею приносимые, неисчислимы: «всякая война приносит столько несчастий и пагубных последствий для государства, что правители должны очень хорошо подумать, прежде чем вступать в нее. Я уверен в том, что если бы государи могли представить те беды, которые уготованы народам объявлением войны, то они были бы более ответственны в принятии решения о том, следует ли начинать ее или нет» [9, с. 146].

Конечным результатом государственного правления, а также справедливых войн, которые приходится вести, является, согласно Фридриху, блаженство мира: «Спокойствие и благоденствие государства являются целью, – пишет Фридрих, – в которой все способы управления сходятся воедино» [9, с. 141]. При этом, говоря о мире, Фридрих предвосхищает идею И. Канта (1724–1804) о необходимости установления всеевропейского мира путем заключения договоров. Он пишет: «Наука управления требует от европейских государей того, чтобы они не забывали заключать договоры и соглашения» [9, с. 142]. И далее: «Ничто не может сделать их государства изобильными, и ничто не в состоянии, сохранить в Европе мир и спокойствие, кроме согласия государей. Сколь счастлив был бы мир, если бы, в деле сохранения правосудия и восстановления между народами мира и согласия, не было бы иного средства, кроме переговоров. Тогда вместо оружия и стремления уничтожить друг друга, государи прибегали бы только к разумным доводам» [9, с. 142].

Особое возмущение вызывают у него международные конфликты, источником которых становятся опять-таки государи, использующие для их начала религию как повод: «Религиозные войны, ведущиеся за пределами государства, вздорны и несправедливы в высочайшей степени. Поистине, разве можно считать справедливой войну, которую мог бы вести Карл Великий, заставляя все народы от Греции до Саксонии принимать христианство. Сумасшествия Крестовых походов больше не существует, и пусть хранит нас Небо от повторения этого» [9, с. 146]. Фридрих уверен, что эпоха этих войн прошла и не вернется, поскольку торжествует разум: «Я ставил своей задачей говорить истину с тем, чтобы пробудить добродетель, никому не делая снисхождения. О царствующих ныне государях я столь высокого мнения, что полагаю их достойными правды» [9, с. 146].

Взгляды Фридриха II Великого на проблему войны и мира в том виде, в каком они нашли свое отражение в прославившем его в качестве одного из значимых европейских мыслителей XVIII века сочинении «Анти-Макиавелли», построены на ценностях, характерных для эпохи Просвещения, а именно: добра, закона, справедливости и разума, как их основы. Для Фридриха II мир благо абсолютное, война, конечно, но зло необходимое, в свои права вступающее тогда, когда страдает справедливость, краеугольная основа мира, и нет иных помимо справедливых войн подручных средств

ее восстановить. Правление монарха, согласно Фридриху II, имеет два основных взаимосвязанных аспекта: он должен быть судьей для поданных и их защитником, храня мир как внутри страны, так и с другими государствами. Цель своего труда он видит в отыскании и распространении непреходящих истин, которые в правителях пробудят добродетель, послужат благу мира и прекращению несправедливых войн.

Список литературы

1. Гинцберг, Л. И. Фридрих II / Л. И. Гинцберг // Вопросы истории. – 1988. – № 11. – С. 98–118.
2. Бельский, М. Неизвестный Великий король / М. Бельский. – Монреаль : Accent Graphics Communication, 2013. – 192 р.
3. Зоткин, А. А. Проблема войны и мира в политической мысли Германии конца XVIII – начала XIX века / А. А. Зоткин // Региональные интеграционные процессы и Беларусь: философско-мировоззренческие основания, тенденции развития, опыт социально-политического моделирования. Белорусская политология: многообразие в единстве : материалы VIII междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 1. – Гродно : ГрГУ, 2018. – С. 171–174.
4. Кони, Ф. История Фридриха Великого / Ф. Кони. – М., 1844. – 752 с.
5. Макиавелли, Николо. Государь / Николо Макиавелли. – М., 1990. – 80 с.
6. Ненахов, Ю. Ю. Войны и кампании Фридриха Великого / Ю. Ю. Ненахов. – Минск, 2002. – 816 с.
7. Никколо Макиавелли: pro et contra. Антология исследований о нём. – СПб., 2002. – 696 с.
8. Разуваев, В. В. Комментарии к Государю Макиавелли / В. В. Разуваев. – М., 2017. – 528 с.
9. Фридрих, П. Анти-Макиавелли / П. Фридрих. – М., 2017. – 154 с.
10. Фрэйзер, Д. Фридрих Великий / Д. Фрэйзер. – М., 2003. – 606 с.

Е. М. Ильина

(Белорусский государственный университет, г. Минск, IlyinaEM@bsu.by)

SWOT-АНАЛИЗ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН

Блокчейн – краудсорсинговая технология цифровой трансформации политической системы в контексте цифрового блокчейн-правительства/государства и цифровой блокчейн-демократии на принципах самоорганизации, децентрализации и саморегулирования, которые вступают в определенный диссонанс с традиционными принципами централизации и иерархии в реализации политико-управленческих алгоритмов суверенных государств – вызывает множество споров в мировом сообществе. Представленный спектр взглядов варьируется от крайне оптимистических до негативно-критических [1], что актуализирует проведение базового SWOT-анализа блокчейн-технологии в контексте ее политико-управленческого потенциала на примере реализации такого блокчейн-проекта, как электронное блокчейн-голосование [2], с учетом зарубежного опыта и белорусских правовых реалий (таблица 1).

Упрощенно *технология электронного блокчейн-голосования* можно представить следующим образом: составляется электронный список избирателей, имеющих право участвовать в выборах; для каждого кандидата создается цифровой кошелек/счет; каждый избиратель получает виртуальную монету/токен, приравненную к его голосу; избиратели проходят идентификацию с помощью специального интернет-сайта/приложения и голосуют анонимно, отправляя в кошелек избранного ими кандидата свою монету; блокчейн фиксирует и подтверждает транзакцию; победитель определяется по количеству монет в кошельке.

Таблица 1 – SWOT-анализ блокчейн-технологии на примере электронного блокчейн-голосования (авторская разработка)

Сильные стороны/преимущества	Слабые стороны/недостатки
1	2
1. Честность избирательного процесса: автоматическое подтверждение права избирателя на голос (обладание монетой). невозможность/сложность внесения изменений в блокчейн-транзакцию (акт подачи голоса за одного кандидата). 2. Безопасность электоральной кампании посредством криптографических методов защиты информации и децентрализации. 3. Анонимность личности избирателя и соблюдение принципа тайности голосования. 4. Мобильность избирателя и право голосовать вне зависимости от своего местоположения. 5. Транспарентность: наблюдение за ходом выборов в режиме реального времени, абсолютная проверяемость результатов волеизъявления избирателей и сокращение времени подсчета голосов посредством открытости и доступности для участников блокчейн-голосования всех совершаемых в сети транзакций (когда, кто, кому и сколько монет перевел) и размеров цифровых кошельков кандидатов. 6. Снижение материальных и трудовых затрат на подготовку и проведение выборов и экономия бюджетных средств за счет применения уже апробированных блокчейн-платформ для голосования. 7. Платформа для проведения «рандомных выборов»	1. Дороговизна создания, массового внедрения и содержания технологической инфраструктуры новых блокчейн-сервисов и решений. 2. Высокая энергозатратность процесса майнинга и низкая эффективность хранения данных в блокчейне, требующем большого объема памяти. 3. Многообразие и дифференциация блокчейн-технологии, заключающие в себе значительный потенциал для фальсификации выборов. 4. Деанонимизация или проблема обеспечения подлинной анонимности в «старых» блокчейнах (Bitcoin, Ethereum) в контексте возможности установления связи между реальным именем избирателя и его транзакцией (актом волеизъявления). 5. Слабая масштабируемость блокчейна, ведущая к снижению скорости и проверяемости транзакций (голосования и подсчета голосов) и перегрузке всей блокчейн-сети (системы голосования). 6. Человеческий фактор: технология блокчейн создается людьми и не может быть абсолютно свободна от программных ошибок, потенциальных уязвимостей, технологических сбоев, злоупотреблений разработчиков и майнеров, принудительных «хардфорков» / внесенных изменений в код блокчейна (систему голосования) для отката транзакций (голосов)

Продолжение таблицы 1

1	2
Возможности внешней среды	Угрозы/риски со стороны внешней среды
1. Вовлечение граждан в решение политических проблем и повышение их политической ответственности и активности. 2. Снижение уровня коррупции и мошенничества и повышение уровня доверия населения к процедуре выборов. 3. Краудсорсинг демократии и решение для реализации концепций «делегативной демократии» и «футархии». 4. Достижение нового стандарта демократизации выборов и признание их итогов международным сообществом. 5. Легитимация власти и формирование позитивного имиджа государства на международной арене. 6. Развитие IT-инфраструктуры с применением механизма государственно-частного партнерства. 7. Популяризация технологии блокчейн среди широких слоев населения и ее дальнейшая интеграция в другие сферы политики и государственного управления	1. Цифровое неравенство, низкий уровень развития цифровой и политической культуры, трансформация рынка труда. 2. Риски злоупотребления избирательными правами и проблема идентификации пользователей: голосование посредством ботов, надеваемых фиктивной цифровой личностью, как электронный аналог вбросов бюллетеней. незаконное присвоение или передача права электронного голосования другому лицу обманным/принудительным путем. 3. Насущная потребность в законодательной модернизации избирательной системы в контексте реализации новых правовых избирательных стандартов электронного голосования. 4. Угрозы и риски информационной безопасности («Атака 51%», DoS и DDoS-атаки/отказ в обслуживании, «Атака Сибилль» и другие). 5. Проблема доверия к блокчейну и отсутствие политической воли руководства страны

В целом потенциал блокчейн-технологии в сфере государственного управления находится пока на стадии выявления, острого дискутирования и осторожного экспериментирования, а применение распределенного реестра блоков транзакций ограничивается преимущественно сферой блокчейна 1.0. Как показал проведенный автором SWOT-анализ (таблица 1), успех политической кампании с применением блокчейна, с одной стороны, предопределен множеством существенных преимуществ и широких возможностей при полной государственной поддержке перспективных цифровых технологий в условиях конструктивного сотрудничества по линии «государство – частный сектор», а с другой – сопряжен с целым рядом слабых сторон, серьезных внешних рисков и угроз, которые следует учитывать при принятии взвешенных стратегических решений о внедрении блокчейн-технологии в политическую систему в условиях цифровой трансформации. С учетом выявленных недостатков и угроз блокчейна особая роль отводится специальному правовому регулированию, основанному на принципе диспозитивности, в рамках дифференцированного подхода, учитывающего вид блокчейна, область его применения, механизмы консенсуса, статус участников и т. д., а также закрепляющему институт страхования возможных рисков.

Дополнительным стимулом для дальнейших исследований и определения возможных приоритетных областей применения блокчейн-технологии может стать включение результатов имеющихся отечественных и зарубежных пилотных проектов и блокчейн-решений/сервисов в новую формируемую государственную программу цифровой трансформации Республики Беларусь на 2021–2025 гг., а также расширение функционала, создаваемого на базе Министерства связи и информатизации нового Министерства цифровой экономики, в контексте дополнительных полномочий по поддержке и координации развития национальной блокчейн-инфраструктуры в тесном сотрудничестве с представителями IT-сектора. Необходимо широкомасштабная информационно-пропагандистская кампания по популяризации блокчейна и повышению уровня доверия к данной технологии в государственном и частном секторах. Учебные программы подготовки современных специалистов должны предполагать формирование блокчейн-компетенций с соблюдением правил цифровой гигиены.

Список литературы

1. Ватыль, В. Н. Белорусский политолог: легализация криптовалют в Беларуси воспринимается неоднозначно [Электронный ресурс] / В. Н. Ватыль // Евразия. Эксперт. – 2018. – 9 янв. – Режим доступа: <http://eurasia.expert/authors/viktor-vatyl>. – Дата доступа: 12.03.2020.
2. Ильина, Е. М. Электоральный потенциал блокчейн-технологии в условиях цифровой трансформации / Е. М. Ильина // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования = State Regulation of the Economy and Enhancing the Performance Efficiency of Business Entities : материалы XV междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 апр. 2019 г. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; редкол.: Г. В. Пальчик (пред.) [и др.]. – Минск, 2019. – С. 64–65.

А. П. Илькевич

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
ilkevichaleksandr@gmail.com)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ ОАО «БелТАПАЗ»

Формы идеологической работы в трудовом коллективе принято делить на контактные, дистанционные и формы, основанные на интерактивных методах воздействия. Контактные формы идеологической работы обеспечиваются непосредственным общением с трудовым коллективом. Хорошим примером может послужить такая форма, как Единый день информирования, в ходе которого общение неизбежно приобретает идеологический характер. В соответствии с действующим законодательством каждый третий четверг месяца на предприятии ОАО «БелТАПАЗ» проводятся единые дни информирования. На основании приказа № 270 01.09.2014 на предприятии создана информационно-пропагандистская группа в количестве

шести человек. Возглавляет информационно-пропагандистскую группу директор предприятия. Кроме директора в состав информационно-пропагандистской группы входят заместитель директора по идеологической и кадровой работе, главные специалисты по направлениям работы, юристы, представители профкома и других общественных организаций. На каждый месяц составляется график посещения членами ИПГ структурных подразделений. Вопросы, заданные на встрече, протоколируются, и, если на какие-то вопросы в силу ряда причин не был дан ответ, то через начальника цеха информация доводится до рабочих в течение недели. Все вопросы, заданные на встречах, обобщаются заместителем директора по идеологической работе и доводятся до сведения руководителя предприятия для принятия мер. Опыт показывает, что такое непосредственное общение, обмен мнениями, как по актуальным общественным проблемам, так и по вопросам, непосредственно затрагивающим интересы членов конкретного трудового коллектива, повышает уровень доверия в трудовом коллективе и позитивно сказывается на корпоративной солидарности.

Важной контактной формой идеологической работы является прием работников по личным вопросам руководителями предприятия. От активности и целеустремленности руководителя, его внимания к людям и умения работать с ними, учитывать их интересы, запросы, потребности во многом зависит эффективность идеологической работы в трудовом коллективе. Работа с обращениями граждан на предприятии ОАО «БелТАПАЗ» осуществляется в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 14.01.2005 № 2 «О совершенствовании работы с населением». Директор предприятия ОАО «БелТАПАЗ» еженедельно ведет прием по личным вопросам согласно утвержденному графику приема (каждый вторник с 15.00 часов). Работа с обращениями граждан носит системный характер. Прием граждан наряду с руководителем предприятия осуществляют и его заместители. Обращения за 2019 год были рассмотрены в установленные сроки и удовлетворены на 100 %. Ответы получены лично заявителями.

Среди форм интерактивного воздействия можно назвать мероприятия, приуроченные к государственным праздникам, с привлечением руководства предприятия и членов трудовых коллективов, проведение различного рода акций и организацию трудовых отрядов, краеведческую деятельность. К ним относятся и различные массово-политические мероприятия. Формой интерактивного воздействия является работа клубов и объединений по интересам, которая вносит определенный вклад в формирование и развитие гражданского общества.

Идеологическая работа на предприятии ОАО «БелТАПАЗ» направлена на реализацию принципа идеологического сопровождения всех общественно-политических мероприятий, проводимых в коллективе, районе и

городе. На предприятии имеются стенды, а также официальный сайт, информация на которых своевременно обновляется. На проходной и в цехах предприятия находятся стенды, оформленные в соответствии с рекомендациями Министерства промышленности, на которых имеется информация по организации личного приема руководителем предприятия, а также руководителями Министерства промышленности и администраций Ленинского района. С 2008 г. на предприятии стали выпускать общезаводскую газету трудового коллектива «Машиностроитель», которая на районном смотре-конкурсе в 2018 году заняла 2 место.

На предприятии организовано поквартальное соревнование среди коллективов цехов и участков, направленное на неуклонное повышение эффективности производства и улучшение качества работы, темпов роста производительности труда, усиление режима экономии сырья, топлива энергии и других видов ресурсов, повышение культуры производства и социального развития коллектива. Самые целеустремленные работники получают общественное признание, а их фотографии размещаются на Доске почета предприятия.

На ОАО «БелТАПАЗ» по согласованию с профкомом утвержден ряд общественных формирований и комиссий: комиссия по профилактике правонарушений и борьбе с пьянством, которая на своих заседаниях рассматривает случаи нарушения трудовой дисциплины; профсоюзная организация, число членов которой составляет 98 % от количества работающих в коллективе; ветеранская организация, в рядах которой насчитывается 146 ветеранов труда завода, 114 – ветеранов труда, 13 – ВОВ, 7 – ветеранов вооруженных сил. Работой женской организации руководит женсовет в составе 5 человек. ГООО «Белая Русь» в своих рядах насчитывает 25 человек. На предприятии создано и активно работает общественное объединение БРСМ, численность которого составляет 29 % от общего количества молодежи, работающей на предприятии, в возрасте до 31 года. Представители ОО «БРСМ» активно принимают участие в различных акциях: оказание помощи одиноким людям, «Соберем детей в школу», шествие Деда Мороза, «Бессмертный полк», уборка территории предприятия, субботники, посадка деревьев и др. С 2004 года на предприятии создана добровольная дружина, которая действует по двум направлениям: дружина по охране общественного порядка – 14 человек и дружина ГАИ – 8 человек.

В современном трудовом коллективе на первый план выступает социальная справедливость. Поэтому идеологическая работа в трудовом коллективе направлена на формирование у работников понимания того, что социальная справедливость есть вознаграждение за хорошее качество и организацию труда, создание нужной обществу продукции, а не поддержка плохих работников и организаций за счет работающих хорошо. Так, например, в соответствии с коллективным договором ОАО «БелТАПАЗ»

стимулирует материальную заинтересованность рационализаторов, выплачивая им после внедрения предложений денежное вознаграждение, работникам, успешно и добросовестно выполняющим свои обязанности, предоставляет преимущества в продвижении в работе (присвоение очередного разряда, повышение квалификации, направление в заграничные командировки) и т. д. Заработная плата на предприятии регулируется в зависимости от производительности труда отдельных подразделений и производительности труда каждого работника. Также существует целый перечень доплат и надбавок, выплачиваемых работникам завода из фонда оплаты труда: за сложность и напряженность труда, за профессиональное мастерство, бригадирские, за стаж и т. д., которые способствуют реализации принципа социальной справедливости.

Таким образом, практика организации и проведения идеологической работы в трудовом коллективе свидетельствует, что правильно и умело организованная идеологическая работа в коллективе является важным условием высоких социально-экономических и социально-политических показателей предприятия, достойного вклада в развитие страны.

А. Н. Иохим

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, andrey.iokhim@gmail.com)

ПОБЕДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

Распад Советского Союза и создание Российской Федерации стали отправной точкой формирования новой российской идентичности. В то время как большинство государств бывшего Советского Союза не только отказались от преемственности советской идентичности, но и пошли по пути восстановления своей докоммунистической темпоральности, Россия оказалась в более сложной с точки зрения самоопределения ситуации: с одной стороны, в начале 1990-х гг. была преодолена та точка невозврата, после которой реставрация советской идентичности стала бы нелегитимным предприятием, но, с другой – генетическая связь с Союзом не только не была окончательно отчуждена, но и нашла свое воплощение в правовой преемственности, а впоследствии и в определении российской идентичности как государства – «продолжателя». В критических условиях 1990-х гг., когда, по сути, приходилось изобретать новый «язык» коммуникации власти и общества, так и не были сформулированы консенсусное понимание природы «молодого» государства, путей его развития и отношение к внешнему миру.

Проблема формирования коллективной идентичности, и национальной идентичности как одной из ее форм, является предметом не только научного, но и идеологического спора между сторонниками примордиализма и конструктивизма. Если первые наделяют идентичность эссенциалистским статусом, то конструктивисты вслед за Б. Андерсеном трактуют ее в качестве «воображаемого сообщества» [1]. Идентичность, с точки зрения конструктивистов, является продуктом социального взаимодействия членов политического сообщества, она формируется и трансформируется посредством публичных символических / дискурсивных практик, в борьбе которых устанавливается то, что М. Фуко обозначает как «режим истины» [10].

Постсоветский опыт российского нациестроительства, пожалуй, наилучшим образом подтверждает правоту конструктивистского подхода, поскольку представляет собой наглядный кейс дискурсивной конкуренции за определение и утверждение концепции коллективной идентичности. Этот процесс идет уже не первое десятилетие и идет сложно: он сопровождается периодической актуализацией дискуссий о необходимости национальной идеологии и поиска национальной идеи, пересмотром оценок исторического прошлого и проектов будущего. В результате, как пишет И. Торбаков, «символическая сфера Российской Федерации представляет собой постмодернистский коллаж образов и символов, взятых из различных эпох истории России, которые сосуществуют в некоем курьезном эклектичном симбиозе» [9, с. 118].

В основе формирования коллективной политической идентичности России в постсоветский период лежат два ключевых вектора амбивалентных взаимодействий: отношения с советской темпоральной идентичностью и отношения с коллективным Западом как «конституирующим Другим». Посредством интерпретации собственного прошлого, противопоставления себя коллективному западному «Другому» или сближения с ним происходит формирование российского политического сообщества и определение его символических границ. В этих практиках особую роль играет дискурс о Великой Отечественной войне и Победе 1945 года. Он, выражаясь постструктуралистским языком, формирует «узловые точки» и «цепочки эквивалентности» [12] символической сферы российской политики: через концепты «Великая Отечественная война» и «Великая Победа» в публичном дискурсе определяются такие ключевые для концепции идентичности понятия, как «патриотизм», «свобода», «национальные интересы», «национальная гордость» и многие другие.

Память о войне и культ военных побед занимают особое место в практиках конструирования коллективных идентичностей. У. Хедетовт подчеркивает, что ментальность войны может лежать в основе нациестроительства, поскольку в коллективной памяти война не только является моментом единения государства и общества, но и тесно связана с понятием су-

веренитета, который отстаивается, завоевывается или утрачивается в ходе войны [11]. В этом отношении трудно переоценить значение героического нарратива Великой Отечественной войны для формирования национально-государственной идентичности современной России [4]. Победа 1945 года является сегодня фактически единственной позитивной опорной точкой национального самосознания в постсоветском обществе. Дискурс о Победе не только «примиряет» россиян с советским прошлым и потерянной советской идентичностью, но также конструирует державное сознание и систему ценностных установок. Социолог Л. Гудков в этой связи отмечает, что память о войне связана с «двумя планами национальных состояний»: с одной стороны, это государственно-патриотический энтузиазм и мобилизация, а с другой – ценностная установка на стабильность и порядок [5].

Героический нарратив Великой Отечественной войны становится доминирующим в дискурсе о войне и Победе в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Он тесно сопряжен с процессом конструирования великодержавной идентичности постсоветской России как «государства-продолжателя»; более того – он является, если использовать термин П. Бурдые [3, с. 87–97], важным символическим капиталом данной концепции идентичности. Об этом свидетельствуют масштабное празднование 60-летнего юбилея Победы в 2005 году, последующее использование военной техники во время парадов, возвращение советской военной символики и советской риторики в публичный дискурс. Одновременно с этим процессом в 2000-е годы происходит реабилитация роли И. Сталина в войне и, как следствие, – вытеснение за пределы дискурса о Великой Отечественной войне иных нарративов. Героический нарратив окончательно закрепляется в российском политическом дискурсе после присоединения Крыма в 2014 году. Характеризуя современное историческое сознание россиян, известный историк и культуролог А. Ассман отмечает, что «огромное историческое значение исполненной в 1945 году освободительной миссии составляет основу позитивного, проникнутого величавой героикой самовосприятия нации, которое препятствует тому, чтобы к этому образу примешивались иные, противоречащие ему черты – например, память о жертвах сталинских репрессий» [2, с. 288].

Ни одна идентичность не может быть понята без «Другого», от которого отличается «Я» [7, с. 199]. Для российской идентичности таким конституирующим «Другим» всегда выступал коллективный Запад. В постсоветский период героический нарратив Великой Отечественной войны становится одним из ключевых связующих элементов нашей коллективной идентичности с Западом («...демократический и европейский выбор народа России вполне закономерен. Это суверенный выбор европейской нации, победившей нацизм и знающей цену свободе» [8]). В этом отношении доминирующий сегодня в российском публичном дискурсе нарратив войны позволяет трактовать роль СССР как борца «за подлинно европейские

ценности против варварства, вышедшего из самого сердца европейского континента» [6, с. 436].

Таким образом, героический нарратив Великой Отечественной войны занимает особое место в формировании и структурировании современной российской идентичности, примиряя ее с советской темпоральностью, связывая ее с коллективным Западом и вытесняя за ее пределы альтернативные нарративы. Все это позволяет обеспечивать целостность и устойчивость концепции российской идентичности, которую можно охарактеризовать как «великодержавную» и «мобилизационно-охранительную».

Список литературы

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества / Б. Андерсон. – М. : Канон-Пресс-Ц, 2001.
2. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. – М. : Новое литературное обозрение, 2014.
3. Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые. – М. : Алетейя, 2014.
4. Гудков, Л. Д. Память о войне и массовая идентичность россиян / Л. Д. Гудков // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. – С. 46–57.
5. Гудков, Л. Д. Структура и характер национальной идентичности России [Электронный ресурс] / Л. Д. Гудков // Полит.ру. – 2004. – 5 апр. – Режим доступа: https://polit.ru/article/2004/04/05/national_identity/#_ftnref.
6. Морозов, В. Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества / В. Е. Морозов. – М. : Новое литературное обозрение, 2009.
7. Нойманн, И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн. – М. : Новое издательство, 2004.
8. Путин, В. В. Уроки победы над нацизмом [Электронный ресурс] / В. В. Путин // Kremlin.ru. – 2005. – 7 мая. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22949>.
9. Торбаков, И. Б. «Непредсказуемое» или «неопределенное» прошлое? Международные отношения и российская историческая политика / И. Б. Торбаков // Символическая политика. Вып. 1 : Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М. : РАН. ИНИОН, 2012.
10. Foucault, M. The Archeology of Knowledge / M. Foucault. – L. : Routledge, 1972.
11. Hedetoft, U. National Identity and Mentality of War in Three EC Countries / U. Hedetoft // Journal of Peace Research. – 1993. – Vol. 30, No 3. – P. 281–300.
12. Laclau, E. Hegemony and Socialistic Strategy. Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclau, C. Mouffe. – L. : Verso, 1985.

С. Т. Кавецкий

(Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Брест, kstbrest@mail.ru)

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ АНОМИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СОЦИУМА В БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Исследовательские материалы, в разной степени отражающие аномические процессы, на постсоветском пространстве встречаются сравнительно часто. Теоретико-методологический анализ трансформационных про-

цессов на постсоветском пространстве (Беларусь, Россия) показывает, что, «как правило, авторы, редко используя понятие аномии, с разных позиций и в различной интерпретации, по сути, дают характеристику общественных состояний, имеющих ее явные признаки» [1, с. 95].

Белорусские ученые (Е. М. Бабосов, А. Н. Данилов, Д. Г. Ротман, Н. А. Барановский, Ю. М. Бубнов, Г. М. Евелькин, О. В. Кобяк, Е. Е. Кучко, С. В. Лапина, С. А. Шавель, Н. Е. Лихачев, А. В. Рубанов, Г. Н. Соколова, Л. Г. Титаренко, И. В. Левицкая, Ю. Г. Черняк и др.) анализируют аномальные состояния в основном через отклоняющееся поведение и широкий спектр девиации, что присуще для аномальных процессов.

Российские исследователи изучали аномальные парадигмы, но не всегда анализировали комплексный характер этого противоречивого социального явления (В. С. Афанасьев, В. М. Быченков, А. Б. Гофман, Я. И. Гишинский, Т. И. Заславская, А. Г. Здравомыслов, В. Н. Кудрявцев, Н. И. Лапин, Ю. А. Левада, В. Г. Семенов и др.).

Новые подходы к изучению социальной аномии и ее производных в 1990-е годы и в начале XXI века раскрывают в своих исследованиях Д. Г. Геращенко, С. Г. Кара-Мурза, С. А. Кравченко, В. В. Кривошеев, И. А. Крупский, Н. Н. Мещерякова, Н. П. Нарбут, А. В. Никонова, А. В. Плетнев, Н. Е. Покровский, Ж. Т. Тощенко, О. Н. Яницкий и др.

Тематика социальной аномии нашла свое отражение в диссертационных исследованиях Д. Г. Геращенко, И. А. Крупского, А. В. Плетнева, Н. Н. Мещеряковой и др. Авторы обращают внимание на то, что произошедшие изменения в развитии общества требуют всеобъемлющего анализа в подходе к изучению феномена аномии. При этом глубокое теоретико-методологическое осмысление проблемы обусловлено тем, что традиционная интерпретация отражает преимущественно линейные связи, что во многом снижает практическую ценность социологической диагностики.

«Анализируя духовное начало позднего советского общества, можно отметить, что социальная жизнь расслоилась на две внутренние, не связанные части: официальную, неподлинную, псевдореальную, провозглашаемую на словах, и неофициальную, подлинную, ни для кого не обязательную. Итогом становится крупномасштабная социальная аномия» [2, с. 20].

После распада СССР общество было травмировано как «социализмом», так и псевдорыночными механизмами.

В конце 90-х гг. XX и начале XXI века появилась концепция «травмы в интерпретации П. Штомпки, которая часто привлекалась в России для анализа негативной реакции значительной части населения на радикальные социально-экономические перемены» [3, с. 183]. По мнению Ж. Т. Тощенко, многие российские учёные использовали идеи парадигмы травмы, даже не употребляя самого термина. Это экономисты О. Т. Богомолов, С. Ю. Глазьев, Р. С. Гринберг, политолог Ю. А. Красин, социологи

М. К. Горшков, Ю. А. Левада, А. А. Ослон, Н. Е. Покровский, В. А. Ядов, культурологи В. А. Межуев, О. Н. Смолин и др. [3, с. 183].

Раскрывая новые явления в общественной жизни и социальной практике, Ж. Т. Тощенко на основе парадигмы травмы выстроил концепции парадоксального человека, кентавризма, фантомов и имитации.

С. А. Кравченко предложил концепцию «нормальной аномии», которая комплексно анализирует аномальные явления сложного социума, и, очевидно, грядущие поколения будут всё чаще сталкиваться с этими неоднозначными процессами. «Учитывая влияние социальной среды и природы, а также самого субъекта деятельности на процесс возникновения незапланированных событий, можно выделить две группы факторов риска – объективные и субъективные» [4, с. 7].

Аномические риски возникают как на объективной, так и на субъективной основе. Рискогенность ситуации постсоветского пространства сложилась после распада СССР и продолжает провоцировать бывшие советские республики на большие и малые аномалии. Аномическое состояние порождает риски в развитии современного социума. Первым учёным, создавшим социологию риска на постсоветском пространстве, был российский социолог О. Н. Яницкий. Основой российской концепции риска стали подходы, разработанные Беком, Гиденсом, Луманом.

«Аномические проявления обосновываются результатами исследований. Состояние морального сознания белорусов, судя по опросам, остаётся весьма неопределённым. Традиционные моральные представления сдали свои позиции, а стабильные новые моральные нормы и отношения, адекватные современному либерально-демократическому типу общества, не сформировались. Между тем для устойчивого нравственного развития общества требуется достаточная ясность в этих вопросах. Мы полагаем, что господствующие ныне противоречивые ценности не только во многом определяют социокультурные типы отношений белорусских граждан к происходящим политическим и экономическим процессам, но и позволяют прогнозировать противоречивые перспективы будущего развития республики» [3, с. 104].

Опыт показывает, что главным методологическим принципом анализа информации в современном социологическом исследовании является сравнительный анализ. Социологический мониторинг дал возможность предложить авторский подход к изучению феномена аномии, получивший название «социологический барометр аномии» (СБА).

В ходе исследования СБА проводился национальный опрос экспертов, а на втором этапе были опрошены респонденты на региональном уровне. Анализировались аномичные состояния социума как со структурной стороны, так и на личностном уровне. Базовой основой индекса СБА стал индекс доверия, разработанный ЦСПИ БГУ, и методика измерения интег-

рального индекса социального самочувствия (ИИСС), разработанная и внедрённая Е. И. Головахой и Н. В. Паниной.

Таким образом, классическая аномия Э. Дюркгейма и её структурирование в XX и начале XXI века являются базовыми конструктами, и в то же время на постсоветском пространстве появились новые явления сложного социума, которые требуют тщательного изучения и измерения с точки зрения аномических процессов. Производными этих явлений являются следующие состояния, провоцирующие риски во всех областях общественной жизни: социокультурная травма, парадоксальность, кентавризм, фантомов, имитации, феномен молчаливого большинства, «нормальная аномия», рискофобия и рискофилия, кризис легитимности и др.

Социологический анализ белорусского и российского социумов показывает, что во всех сферах жизни современного общества, в том числе в политике, есть в большей или меньшей степени рискогенные проявления. Упреждение рисков аномичности и их минимизацию необходимо рассматривать как программу комплексных мер по стабилизации во всех областях общественной жизни, направленных на переход общества к стратегии устойчивого развития.

Список литературы

1. Кавецкий, С. Т. Аномальные состояния общественного развития: генезис и современность / С. Т. Кавецкий // Социология. – 2015. – № 1. – С. 94–104.
2. Бабосов, Е. М. Катастрофа как объект социологического анализа / Е. М. Бабосов // Социс. – 1998. – № 9. – С. 19–25.
3. Титаренко, Л. Г. Современная западная социология: реконструкция парадигм : пособие / Л. Г. Титаренко. – Минск : БГУ, 2015. – 215 с.
4. Кравченко, С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции / С. А. Кравченко // Социс. – 2014. – № 8. – С. 3–10.

В. О. Калишук

(Белорусский государственный университет, г. Минск, rristar@mail.ru)

ВИДЫ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА, ЗАДЕЙСТВОВАННЫЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В последнее время влияние социальных медиа на все сферы жизни общества значительно возросло. Они включились в повседневную деятельность личности и даже государственных органов, используются в качестве площадки проведения предвыборных кампаний и информационного противостояния.

Современный человек проводит в социальных медиа огромное количество времени и черпает из них значительную часть знаний об окружающей его действительности (например, по данным Globa digital report за

2019 г., количество пользователей социальных сетей в Беларуси составляет 3,14 миллиона человек, житель республики в среднем проводит 10 минут 28 секунд в день на сервисе V Kontakte, 8 минут 18 секунд в день – на YouTube, 7 минут 15 секунд – на Tut.by, 9 минут 52 секунды – на Onliner.by, 4 минуты 16 секунд – на Wikipedia.org) [2]. Все вышеперечисленное актуализирует важность социальных медиа для политического процесса и его субъектов, так как информационные потоки являются определяющими для характера и формы его течения. Ряд западных политологов и специалистов в области коммуникации утверждает, что деятельность в рамках социальных медиа является ключевой в политике в целом. Данный тезис хорошо иллюстрирует активное использование в предвыборной кампании Президента США Дональда Трампа социальных медиа, которые сыграли ключевую роль в его победе [3, с. 7]. Более того, в социальных медиа представлено большое число как зарубежных, так и отечественных государственных органов разного уровня.

В рамках изучения социальных медиа отдельно стоит вопрос систематизации, так как на сегодняшний день существует огромное количество их видов. Помимо этого, число платформ продолжает расти. Уровень охвата аудитории, степень влияния и потенциал использования социальных медиа рознятся от площадки к площадке. Для представителей политической науки и субъектов политики данная проблема особенно актуальна, т. к. не все виды социальных медиа могут быть задействованы в политическом процессе.

В научной литературе проблема выделения видов социальных медиа исследована незначительно: ученые акцентируют внимание на подробном изучении нескольких наиболее популярных ресурсов (Twitter, Facebook, YouTube, Instagram и т. д.), не производя регулярных попыток создать классификацию или выделить четкие критерии видового разграничения социальных медиа в целом.

В связи с этим в рамках данной работы имеет смысл выделить наиболее общие виды социальных медиа в целом, а затем адаптировать в контексте политики, отсеяв те группы платформ, которые не задействованы или потенциально не могут быть задействованы в политическом процессе.

В современной научной литературе единственным комплексным и детальным исследованием, которое в значительной степени посвящено классификации видов социальных медиа, является совместная работа философа Т. Айхера и маркетолога Ф. Джейкоба «Измерение степени использования корпоративных социальных медиа» [1]. По мнению ученых, можно выделить следующие виды социальных медиа: блоги, микроблоги, сайты обмена фотографиями, бизнес-сети, кооперативные проекты, социальные сети, корпоративные социальные сети, форумы, веб-сайты обмена фотографиями, веб-сайты с обзорами продуктов и услуг, социальные закладки, социальные игры, платформы обмена видео, виртуальные миры.

Основным критерием выделения видов социальных медиа, указанных выше, является интернет-платформа. На наш взгляд, в данной классификации присутствуют некоторые неточности. Во-первых, выделение микроблогов в отдельный вид социальных медиа некорректно, т. к. существенные различия между блогами и микроблогами в инструментально-функциональных аспектах отсутствуют, за исключением ограничения длины сообщения. Логично рассматривать микроблоги как вид блогов. Во-вторых, разделение социальных игр и виртуальных миров. Так или иначе, любой виртуальный мир – это компьютерная массовая многопользовательская онлайн-игра, т. к. в ее основе лежит компьютерная программа, служащая для организации игрового процесса. Виртуальные миры могут рассматриваться как виды многопользовательских онлайн-игр наряду с массовыми многопользовательскими онлайн-боевыми аренами, массовыми многопользовательскими онлайн-шутерами и массовыми многопользовательскими ролевыми онлайн-играми. Следовательно, нелогичным видится и противопоставление виртуальных миров, компьютерным играм в целом. Стоит также отметить, что выделение в качестве ключевых отличительных признаков виртуальных миров, наличие конвертируемой в реальную игровой валюты, а также продолжение «жизни мира» после выхода игрока из виртуального мира – некорректно, т. к. аналогичные признаки имеются у многих представителей многопользовательских ролевых онлайн-игр, например, World of Warcraft, EVE Online, Lineage II, Tera, Black Desert, ArcheAge, Guild Wars II и т. д., и т. п. Говоря же о социальных функциях, сегодня сложно привести пример массовой многопользовательской онлайн-игры, которая бы не имела в себе инструментария для их реализации.

Несмотря на некоторые неточности, по нашему мнению, данная классификация наиболее полно отражает все видовое разнообразие существующих на данный момент социальных медиа. Поэтому она будет использована в качестве «каркаса» для определения круга социальных медиа, которые задействуются или потенциально могут быть задействованы в политическом процессе, – с оговоркой на рациональность их использования.

Таким образом, логично будет адаптировать классификацию видов социальных медиа Т. Айхера и Ф. Джейкоба в разрезе потенциала использования в политическом процессе и исключить следующие виды социальных медиа: бизнес-сети; веб-сайты с обзорами продуктов и услуг; социальные закладки; социальные игры, кооперативные проекты.

Имеет смысл пояснить свою позицию. Бизнес-сети, веб-сайты с обзорами продуктов и услуг, социальные игры – узконаправленные платформы со специфичной аудиторией, которая использует данные ресурсы с определенной целью (поиск работы, поиск товаров и услуг) и с высокой долей вероятности агрессивно воспринимает любые отклонения от функций, не связанных с прямым назначением платформы. В связи с этим, «участие»

данных видов социальных медиа в политическом процессе сводится к минимуму и возможно только в определенных случаях с известной долей осторожности, например, при попытке воздействия на конкретные социальные группы, например, политическая реклама, ориентированная на безработных, вполне может быть размещена на соответствующих площадках. Однако это частные и довольно редкие случаи, которые требуют особого подхода. Социальные закладки и кооперативные проекты имеют еще меньший потенциал в рамках политического процесса в связи с ограниченностью своего инструментария. Единственным исключением могут выступать кооперативные онлайн-энциклопедии со свободным доступом к редактированию, например, Wikipedia, т. к. она выступает в качестве серьезного источника знаний для большого количества индивидов по всему миру, и редактирование информации, которая в ней размещена, например о каком-либо политическом деятеле или организации, может в значительной степени повлиять на ход электоральной или даже государственной кампании. Однако это все также частный случай.

Таким образом, в качестве видов социальных медиа, задействованных в политическом процессе, можно указать: социальные сети, видеохостинги с элементами социальной сети, фотохостинги с элементами социальной сети, блоги и форумы.

Список литературы

1. Aichner, T. Measuring the Degree of Corporate Social Media Use [Electronic resource] / T. Aichner, F. H. Jacob // Researchgate.net. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/283073224_Measuring_the_Degree_of_Corporate_Social_Media_Use. – Date of access: 14.03.2020.
2. Digital 2019: тренды использования интернета, соцсетей, мобильных платформ, электронной торговли по Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dev.by/news/digital-2019-belarus>. – Дата доступа: 14.03.2020.
3. Zhou, X. Fake news: a survey of research, detection methods and opportunities [Electronic resource] / X. Zhou, R. Zafarani // Researchgate.net. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/329388190_Fake_News_A_Survey_of_Research_Detection_Methods_and_Opportunities. – Date of access: 14.03.2020.

В. В. Карпинский

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно)

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОКРАТИЧЕСКИХ УТОПИЙ

По историческим меркам еще совсем недавно – на фоне крушения социализма и заката СССР – казалось, что время утопических проектов закончилось. Марксистскому утопизму противопоставлялось трезвое и прагматическое мышление как выражение духа современного общества,

занятого решением конкретных частных и процедурных задач, а не поиском путей осуществления «высоких целей и идеалов». В действительности же утопизм – это неотъемлемый и важный компонент каждой динамически развивающейся культуры. Более того, многие важные культурные завоевания – это побочный продукт попыток реализации утопических проектов. Правда, сегодня не видно новых социальных утопий, зато появились и стали весьма популярными новые технологические утопии (антропотехнические форсайт-проекты), в рамках которых разрабатываются задачи трансформации человеческой телесности с помощью современных технологий и конструирования новых физических и интеллектуальных характеристик человека. При этом признается, что в случае реализации антропотехнических форсайт-проектов человек в привычном смысле слова исчезнет, а его место займет некое новое суперчеловеческое или постчеловеческое существо (постчеловек, неочеловек, техночеловек).

Назвать совершенно новыми эти проекты нельзя. В известной степени они представляют собой аналог секулярных технологических утопий конца XIX – начала XX в. С ними их роднит уверенность в общем превосходстве искусственного начала цивилизации над естественным (природным) человеком, релятивизация этических начал, искренняя убежденность в том, что основные проблемы социального развития и человеческого существования можно и нужно решать технологическим способом и, конечно, сакрализация, «культ» эволюции и прогресса – представление о том, что все изменения в человеческом обществе ведут в нужном направлении, то есть к чему-то более совершенному, невиданному, космическому, обещающему чудесный поворот в жизни человека.

Мировоззренческой основой антропотехнических форсайт-проектов является трансгуманизм. На формирование трансгуманизма непосредственное влияние оказали постгуманистические тенденции киберкультуры, сформировавшейся в США к 90-м годам XX века. Ее приверженцы исходят из того, что своими успехами современная культура почти целиком обязана компьютеру – информационному двигателю, который вырвал человечество из эры фабричного капитализма в постиндустриальную эпоху. Компьютер революционизировал человеческую жизнь, благодаря возникновению технологии виртуальной реальности, искусственного интеллекта и т. д. Это дало повод теоретикам киберкультуры сделать вывод о том, что человечество находится на пороге «постбиологического мира» и что из механических и кибернетических форм жизни, наделенных разумом и способностью саморазмножаться, «вырастут» организмы, не только не уступающие, но и превосходящие человека. Неизбежным результатом этого будет появление сверхразвитого, технологически улучшенного постчеловеческого мира, в котором человеческая фаза эволюции трансформируется в постчеловеческую, о которой Ч. Дарвин и не мог предполагать. Приверженцы искуст-

венно направляемой эволюции считают, что тот системный кризис, который мы наблюдаем во всех сферах современной жизни, отражает лежащий в его основе биологический кризис – конец человеческой эволюции. Они убеждены: если мы намерены выжить, то нам нужно собрать все свое мужество и осуществить эволюционный скачок.

Данные идеи приобрели особую популярность в первую очередь среди экстропианцев (по названию американского журнала *Extropy*, вокруг которого объединились сторонники постчеловеческой эволюции). Как наиболее откровенные поборники отправления человеческого тела на «свалку истории», экстропианцы объединились под знаменем трансгуманизма. В 1998 г. директор Оксфордского Института будущего человечества Ник Бостром совместно с Дэвидом Пирсом учредили Всемирный культурный центр трансгуманизма, который и стал ядром Всемирной ассоциации трансгуманистов со множеством региональных отделений.

Таким образом, возникшее в 1990-е годы XX века движение трансгуманизма пытается соединить прорывы в области высоких технологий с философией преодоления биосферных ограничений, присущих человеку как смертному существу. Они считают, что завершается медленный этап эволюции разума в форме человека как биологического вида и начинается новый этап ускоренной эволюции разума в форме информационно-кибернетических систем, быстро сменяющих друг друга. Трансгуманизм нацелен на возникновение так называемой сингулярности, взрывной точки развития, которая прогнозируется на середину XXI века. В этот период созданные человеческим интеллектом компьютерные системы выйдут на передний край эволюции разума и поведут за собой все более отстающих (а иногда и упирающихся) «человеков».

Сторонники трансгуманизма увидели в конвергирующих технологиях практический инструмент создания следующего поколения постчеловеческих существ Трансгуманисты, в число которых входят и специалисты в разных областях знания, исходят из того, что с помощью нанотехнологий, геной инженерии, компьютерных и информационных технологий, воздействуя на генную и нервную систему человека и заменяя ряд органов на искусственные, можно сначала удлинить человеческую жизнь, а затем вообще сделать человека бессмертным. В этом случае проблема смерти, столь важная для всей исторически существующей культуры, потеряет смысл. Правда, будет ли это бессмертное существо человеком, их мало волнует.

Активными сторонниками NBIC-конвергенции выступили российские трансгуманисты. В результате при участии Российского трансгуманистического движения было создано в 2011 году стратегическое общественное движение (проект) «Россия 2045». Данный проект является наиболее репрезентативным проявлением антропофорсайт-методологии. Он направлен на увеличение продолжительности жизни человека путем создания искус-

ственного тела и возможности переноса в него сознания. Данный технопроект включает представителей (экспертов) из различных областей знания, которые в рамках сформированных рабочих групп будут реализовывать конкретные задачи проекта.

Цель движения «Россия 2045» – формирование социального заказа на инновационные разработки в сфере высоких технологий и создание наполненного новыми ценностями образа жизни в свете увеличения ее продолжительности. Авторы проекта настаивают на смене сценариев современного общественного развития. Так, транснациональный постиндустриальный капитализм и связанная с ним ценностная парадигма общества потребления (поскольку техногенная цивилизация загнала себя в потребительский тупик) должны смениться новой общественной формацией с условным названием «неочеловечество», которое будет жить в новую эпоху перехода к сверхцивилизации «неолюдей» на базе интенсивного развития современных высоких технологий. «Неочеловек» – это существо, обладающее искусственным телом (или несколькими телами) и сознанием, которое имело опыт проживания в биологическом теле, исчерпавшим все свои ресурсы. Разработчики проекта убеждены, что не позднее 2045 года искусственное тело не только значительно превзойдет по своим функциональным возможностям существующее, но и достигнет совершенства формы и сможет выглядеть не хуже человеческого. Они считают, что люди на этом этапе развития самостоятельно будут принимать решения о продолжении жизни и развития в новом теле. В результате всех этих трансформаций стихийные общественное развитие и биологическая эволюция должны смениться эволюционным трансгуманизмом, т. е. сознательно управляемой кибернетической эволюцией.

Как же оценивать то, что предлагают разработчики современных трансгуманистических антропофорсайт – проектов, у которых возможности прорывных технологий порождают искушение преодолеть и «взломать» онтологические константы и границы человека?

Трансгуманизм пытается преодолеть гуманизм, так как ставит перед современной наукой и обществом антигуманную задачу – создания постчеловека (неочеловека, техночеловека). Тем самым это движение продолжает развитие постмодернистской рефлексии, заявляющей о «смерти человека». Декларируя себя как высшую форму гуманизма, трансгуманизм приемлет как высшую ценность не жизнь вообще и не жизнь человека, а сверхжизнь и сверхчеловека в грядущем трансформированном бытии. Особенности мышления приверженцев подобных проектов и идей является то, что они возводят технологические инновации в высший ценностный ранг и в этом своем увлечении снимают последние этические ограничения на пути человеческого выбора. Эта оголтелая одержимость то-

тального преобразования человека, радикального переосмысления наличного бытия не обременена ответственностью пред обществом, не признает контроля со стороны более высоких целей и смыслов.

В настоящее время технократическое мышление, пан-технологизм и проективный конструктивизм настолько усилились, что это не может не обострять дискуссии о будущем человека. По-видимому, человека ждут радикальные изменения. Однако, если он сумеет осмыслить заново свою «человечность», точно определив, чему в ней надлежит быть строго хранимым, а чему меняться и обновляться, эти изменения еще смогут стать не крахом человека, а его обновлением, а парк современных высоких технологий – стать частью ресурсов его обновления в онтологических константах и границах человека.

Г. И. Касперович

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск,
kasp.1947@mail.ru)

КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ БЕЛАРУСИ О СИСТЕМЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Информационное воздействие и информационное противостояние существовали всегда, во все периоды человеческой истории. Поэтому и проблема информационной безопасности всегда была актуально реальной. Развитие и постоянное совершенствование технологий информационного противоборства и нападения несут с собой угрозу информационной безопасности любой современной страны. В том числе существуют потенциальные риски и для Республики Беларусь. Понимая актуальность подобных рисков, наша страна стремится выявить наиболее узкие места в своей информационной политике и предпринимает необходимые шаги по минимизации последствий информационного нападения иностранных государств. Свидетельство тому – Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, в которой обозначены наиболее актуальные аспекты противодействия информационной агрессии и защиты национального суверенитета.

Согласно Концепции основными национальными интересами в информационной сфере Республики Беларусь являются:

- реализация конституционных прав граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации;
- формирование и поступательное развитие информационного общества;
- равноправное участие Республики Беларусь в мировых информационных отношениях;

- преобразование информационной индустрии в экспортно-ориентированный сектор экономики;
- эффективное информационное обеспечение государственной политики;
- обеспечение надежности и устойчивости функционирования критически важных объектов информатизации.

Говоря о состоянии национальной безопасности на современном этапе, разработчики Концепции обращают внимание, что на фоне активного внедрения современных информационно-коммуникационных технологий, сохраняется отставание Республики Беларусь от ведущих стран мира по уровню информатизации. В условиях открытости информационного пространства страны и конкуренции со стороны иностранного информационного ресурса «недостаточными остаются качество и популярность белорусского национального контента».

В числе основных угроз национальной безопасности страны авторы Концепции называют:

- деструктивное информационное воздействие на личность, общество и государственные институты, наносящее ущерб национальным интересам;
- нарушение функционирования критически важных объектов информатизации;
- утрата значительной частью граждан традиционных нравственных ценностей и ориентиров, попытки разрушения национальных духовно-нравственных традиций и необъективного пересмотра истории, затрагивающие данные ценности и традиции;
- резкое либо масштабное снижение доверия граждан к основным государственным институтам.

В информационной сфере внутренними источниками угроз национальной безопасности авторы Концепции однозначно выделяют следующие факторы:

- 1) распространение недостоверной или умышленно искаженной информации, способной причинить ущерб национальным интересам Республики Беларусь;
- 2) зависимость Республики Беларусь от импорта информационных технологий, средств информатизации и защиты информации, неконтролируемое их использование в системах, отказ или разрушение которых может причинить ущерб национальной безопасности;
- 3) несоответствие качества национального контента мировому уровню; недостаточное развитие государственной системы регулирования процесса внедрения и использования информационных технологий;
- 4) рост преступности с использованием информационно-коммуникационных технологий; недостаточная эффективность информационного обеспечения государственной политики;

5) несовершенство системы обеспечения безопасности критически важных объектов информатизации.

Если говорить о внешних источниках угроз в информационной сфере национальной безопасности, следует отметить следующие позиции:

- открытость и уязвимость информационного пространства Республики Беларусь от внешнего воздействия;
- доминирование ведущих зарубежных государств в мировом информационном пространстве, монополизация ключевых сегментов информационных рынков зарубежными информационными структурами;
- препятствование распространению национального контента Республики Беларусь за рубежом;
- широкое распространение в мировом информационном пространстве образцов массовой культуры, противоречащих общечеловеческим и национальным духовно-нравственным ценностям;
- попытки несанкционированного доступа извне к информационным ресурсам Республики Беларусь, приводящие к причинению ущерба ее национальным интересам.

Что же делается в Беларуси, чтобы повысить готовность системы национальной безопасности к отпору информационной агрессии извне? «В информационной сфере с целью нейтрализации внутренних источников угроз национальной безопасности совершенствуются механизмы реализации прав граждан на получение, хранение, пользование и распоряжение информацией, в том числе с использованием современных информационно-коммуникационных технологий. Государство гарантирует обеспечение установленного законодательством порядка доступа, в том числе удаленного, к государственным информационным ресурсам и возможностям получения информационных услуг», – пишут разработчики Концепции национальной безопасности.

Значимым этапом станет разработка и реализация стратегии всеобъемлющей информатизации, ориентированной на развитие электронной системы осуществления административных процедур, оказываемых гражданам и бизнесу государственными органами и иными организациями, и переход государственного аппарата на работу по принципу информационного взаимодействия. Ускоренными темпами будет развиваться индустрия информационных и телекоммуникационных технологий. Особое внимание будет уделяться последовательному повышению качества, объема и конкурентоспособности национального контента, который призван занимать доминирующее положение внутри страны, и его продвижению во внешнее информационное пространство.

Приоритетным направлением является совершенствование нормативной правовой базы обеспечения информационной безопасности и завершение формирования комплексной государственной системы обеспечения

информационной безопасности, в том числе путем оптимизации механизмов государственного регулирования деятельности в этой сфере. При этом важное значение отводится наращиванию деятельности правоохранительных органов по предупреждению, выявлению и пресечению преступлений против информационной безопасности, а также надежному обеспечению безопасности информации, охраняемой в соответствии с законодательством. Нейтрализации ряда внутренних источников угроз национальной безопасности способствует информационное обеспечение государственной политики, которое заключается в доведении до граждан Республики Беларусь и внешней аудитории объективной информации о государственном курсе во всех сферах жизнедеятельности общества, официальной позиции по общественно значимым событиям внутри страны и за рубежом, о деятельности государственных органов.

Важнейшая задача при этом – «расширение каналов и повышение качества информирования зарубежной общественности. Составной частью информационного обеспечения государственной политики выступает информационное противоборство, представляющее собой комплексное использование информационных, технических и иных методов, способов и средств для воздействия на информационную сферу с целью достижения политических, экономических и иных задач либо защиты собственного информационного пространства».

Особая угроза информационных войн – отсутствие четко прописанных, на международном уровне одобренных норм и правил их ведения. Этим активно пользуются крупные геополитические игроки [2]. Вот почему сейчас силовым блоком страны завершается подготовка новой военной доктрины Беларуси, которая должна по-новому осмыслить ключевые вызовы в информационной сфере.

Список литературы

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. – Минск, 2011.
2. Манойло, А. В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны : моногр. / А. В. Манойло, А. И. Петренко, Д. Б. Фролов. – М. : Горячая линия Телеком, 2003. – 541 с.

Ч. С. Кирвель

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
kaf_filosof@grsu.by)

НА ПОРОГЕ СМЕНЫ СВЕРХДОЛГОСРОЧНЫХ ЦИКЛОВ В ЭВОЛЮЦИИ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Господствующая на протяжении нескольких столетий модель развития социума сегодня все возрастающим количеством исследователей и

аналитиков квалифицируется как уходящая, теряющая свою качественную определенность. К настоящему времени, согласно им, глобальный капитализм накопил огромный потенциал саморазрушения и нестабильности, вступил в стадию «злокачественного перерождения». Сегодня имеются все основания говорить о смене сверхдолгосрочных циклов в эволюции мировой цивилизации. Масштабность и глубина развернувшегося ныне кризиса свидетельствуют об утрате адаптационных возможностей капиталистической системой, о ее неспособности давать конструктивные ответы на ключевые вызовы времени. Об исчерпанности потенциала развития капитализма на его нынешней стадии функционирования указывает целый ряд факторов и свидетельств: безостановочное загрязнение окружающей среды; беспрецедентный рост количества техногенных и природных катастроф; обострение противоречий цивилизационного характера, угроза военного столкновения локальных цивилизаций и учащающиеся вспышки региональных и местных вооруженных конфликтов; раскручивание гонки вооружений; убыстряющее увеличение пропасти между богатыми и бедными странами, а также между уровнем доходов классов и социальных слоев внутри подавляющего большинства отдельных государств; интенсивный рост безработицы; развертывание в самое последнее время небывало масштабных торговых войн; опасный раскол современного международного сообщества на страны, исповедующие ислам, выступающие «как мир веры» и глубоко секуляризованные европейские государства, наглядно демонстрирующие собой «мир неверия»; безостановочно накатывающиеся волны международного терроризма; доминирование вульгарной массовой культуры; быстро расширяющиеся возможности манипулятивного воздействия на общественное сознание людей; подрыв нравственных основ общества и устоев семьи. В реальности, нынешняя ситуация представляет собой исторический разлом, ведущий к закату господствующей в течение трех столетий рыночно-капиталистической формации и к утверждению эпохи посткапитализма.

В итоге человечество оказалось у «последней черты»: наш мир сегодня пришел в хаотичное движение, потерял ориентиры. Рушатся привычные нормы частной и общественной жизни людей. Лавинообразное расширение спектра глобальных проблем свидетельствует вместе с тем о нарастании антипрогрессистских явлений в эволюции современного социума и ставит под сомнение господствующую ныне теорию прогресса. И это вполне объяснимо: все конкретное происходящее, все, что имеет начало – имеет и конец, все, что возникло – рано или поздно исчезнет. Любой мирохозяйственный уклад, любой общественный строй имеют пределы возможностей развития и роста на основе сформировавшейся системы учреждений и институтов, достигнутого уровня технологий, наличествующих ресурсов и т. п.

История неизбежно породит новую парадигму развития, которая обернется кардинальной переоценкой ценностей и новым образом жизни.

Представляется, что переход к эпохе посткапитализма как новой модели развития социума будет длительным и сложным. Не исключено, что он будет сопровождаться конфликтами и войнами, в том числе и войнами глобального характера. Несомненно также и то, что данный период будет содержать в себе разные, нередко взаимоисключающие варианты развития, проявляться в различных формах, характеризоваться противоречивостью и неоднозначностью своей направленности, способов и методов реализации. Это и понятно: развитие общества не имеет окончательного предопределения и осуществляется в соответствии с принципом многовариантности: оно открыто, незапрограммировано, не подчинено действию каких-либо жестких закономерностей и однозначно не детерминировано ни каким-либо одним фактором, будь то политика, экономика или еще что-нибудь, ни даже всей совокупностью факторов (детерминант), имевших место в предшествующий период развития. Оно в каждый момент истории открыто к становлению нового, в каждый момент времени его будущее носит вероятностный характер и творится здесь и теперь. Из любой конкретной точки его бытия исходит не одна, а целый веер потенциально возможных направлений развития, степень вероятности утверждения которых может измениться в каждый последующий момент.

В конкретно исторический момент, в сложном переплетении ветвящихся дорог общественной эволюции, исторических потенций и возможностей, решающую роль играют субъективный фактор, непредсказуемый человеческий выбор и поступок, случайное стечение обстоятельств. Именно они в преимущественной степени определяют конкретную «физиономию» формирующихся новых исторических обстоятельств и уклада жизни людей.

Это означает, что посткапитализм может воплощаться на мировой арене в различных формах и типах – от прогрессивно-человекаразмерных, гуманных до реакционно-человеческоненавистнических, антигуманных.

Неудивительно, что сегодня мы можем наблюдать столкновение альтернативных повесток дня, теоретических моделей и образов будущего, инспирируемых различными социальными силами и наиболее значимыми субъектами стратегического действия, заинтересованными в их практической реализации. Отсюда возникает грандиозной важности вопрос: как направить современные трансформационные процессы в гуманистическое русло, в рамках которого откроются возможности для решения, а не умножения фундаментальных глобальных проблем, стоящих перед человечеством? И, соответственно, прояснить и определить, какие тенденции и линии движения социума станут доминирующими, возьмут верх в становлении посткапиталистических практик, каким реально станет этот, уже начавшийся формироваться, посткапитализм, что он будет конкретно со-

бой представлять? В любом случае характер и специфика нового жизнеуклада будет зависеть от самих людей, от того, какой они поставят диагноз складывающимся обстоятельствам и, соответственно, какой они свершат исторический выбор. Будущее в решающей степени станет таким, каким мы его увидим сегодня. В силу действия механизма «самоорганизующихся» и «самоосуществляющихся» пророчеств оно в значительной степени будет соответствовать тому, к чему мы будем стремиться и за что будем бороться сегодня. Если говорить более конкретно, то будущее состояние общества будет зависеть от тех или иных коллективных социальных субъектов, действующих на мировой арене, в том числе от узких групп лиц, преследующих эгоистические корыстные интересы и обладающие при этом огромными капиталами, административными и силовыми ресурсами (к таким субъектам в первую очередь относится мировая финансовая олигархия), от тех или иных элитных групп, от подвижников и борцов, осознающих всю опасность стоящих перед человечеством глобальных проблем и стремящихся к их решению, активно противостоящих всем известным угрозам и рискам нашей земной цивилизации.

В «точке бифуркации», в которой по общему признанию находится наш мир, человечество стоит перед проблемой неотвратимости выбора сценария будущего. Современный мир, запутавшись в самого разного рода противоречиях, нарастающей нестабильности, жаждет альтернативы. Люди испытывают острую потребность в кардинальном переустройстве господствующего ныне уродливого состояния, в которое ввергнуто человечество олигархическим интернационалом, стремятся к освобождению от его оков и всевластия. Поэтому есть все основания предположить, что XXI станет временем труднопримиримой, жесточайшей борьбы за будущее, в которой многие участники будут сходиться с исторической арены, проваливаться в историческое небытие. Похоже, всем здоровым силам современности, всем честным людям уже не избежать этой изнурительной борьбы, борьбы за гуманизацию социальной эволюции, за сохранение *homo sapiens*, за самоценность человека, который, не исключено, представляет собой совершенно уникальное явление во всей вселенной.

Конечно, новые модели развития социума рождаются в ходе самих трансформационных процессов, в практике жизни, сопротивлений злу, в борьбе добра со злом. И эта борьба уже развернулась во всю горизонталь. Происходящие на наших глазах метаморфозы и тектонические сдвиги в общественном бытии людей уже не позволяют остаться нам в стороне, уклониться от осмысления проблемы наиболее оптимального и адекватного объективным обстоятельствам исторического выбора, от определения новых целей, выдвижения альтернативных проектов и сценариев дальнейшего развития социума и от участия в борьбе за их реализацию.

Следует отметить, что контуры начертания будущей модели, приходящей на смену ныне существующей, просматриваются пока еще с трудом, в самом общем виде. Природа метаморфоз такой сложной системы, какой является современное общество, не поддается однозначному и непротиворечивому прояснению и моделированию. В точности будущее сегодня никто не может предвидеть. Мы не знаем, какая конкретно система мироустройства сменит на нашей планете пока еще доминирующую евроатлантическую модель эволюции созидания. Мы также определенно не можем утверждать, когда и какому субъекту-новатору, субъекту стратегического действия удастся сыграть решающую роль в разворачивающемся сегодня глобальном эволюционном процессе и, вместе с тем, стать спусковым механизмом трансформации нашего мира в какое-то новое качество. Тем не менее мы допустим непростительную ошибку, если откажемся размышлять о будущем вообще, перестанем следить за сложным переплетением ветвящихся дорог социальной эволюции, ибо не думать о будущем состоянии нашего бытия означает стать жертвой разворачивающихся событий. Осмысление возможных вариантов и сценариев будущего состояния человеческого бытия, движущих сил, характера и направленности перехода мировой цивилизации к качественно новым «точкам роста», обретающих те или иные формы посткапиталистических практик – сегодня фундаментальная задача общественнознания. По крайней мере, имеет смысл понять и определить, каким мы хотим видеть это будущее в системе гуманистических координат и каким образом направить человеческую активность и практическую деятельность людей в гуманистическое русло.

Если что и можно ныне определенно утверждать, так это то, что наш мир движется к полицентризму, от «однополярности» к многомерному миру мегарегионов. Сами реальные процессы, протекающие сегодня в мире, явственно свидетельствуют о том, что америкацентричная глобализация, вообще правый глобализм, начинают «трещать по швам». Однако многополярный мир сам по себе неустойчив, поскольку слабые в экономическом и военном отношении геополитические проекты будут поглощаться более сильными и развитыми. Поэтому в любом случае мир будет стремиться к устойчивым конфигурациям и такой наиболее устойчивой конфигурацией в недалекой исторической перспективе может стать «триполярный мир» [1]. Тем не менее, не исключена в будущем вероятность нового витка глобализации, новой попытки объединения мира либо для избранных, либо для всех. Но это может произойти только в случае, если будет упущена возможность формирования устойчивого «триполярного мира».

Список литературы

1. Ларина, Е. Вперед к нечеловеческой цивилизации. О биологических угрозах будущего / Е. Ларина, В. Овчинский // *Завтра*. – 2019. – № 20. – С. 158.

И. В. Ковалёва

(Минский государственный лингвистический университет, г. Минск,
iryna-kavaliova@yandex.ru)

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В условиях глобализирующегося мира вопросы миграции приобретают все большую актуальность. Миграционные потоки из года в год стремительно увеличиваются и затрагивают каждое государство на планете. О всемирном масштабе миграционных процессов свидетельствуют данные Организации Объединенных Наций: в настоящее время около 3 % от общей численности населения планеты (или более 200 млн чел.) являются внешними мигрантами, и почти каждый шестой житель планеты (около 1 млрд человек) является внутренним мигрантом.

По мере вовлечения Беларуси в систему глобального мирового хозяйства ее территория становится зоной пространственного перемещения миграционных потоков. Развитие миграции неразрывно связано с экономическими, социальными, демографическими аспектами национальной безопасности. В Концепции национальной безопасности подчеркивается, что «глобальные демографические тенденции, прежде всего старение населения в развитых государствах на фоне быстрого роста населения во многих развивающихся странах, усиление миграционных потоков, все более активно влияют на политическую ситуацию, экономическое состояние и этнокультурный ландшафт стран и регионов мира» [1].

Размеры, направленность и структура миграции оказывают влияние на экономическую, социальную, демографическую безопасность, поскольку связаны с такими негативными последствиями эмиграции как уменьшение количества населения, старение и снижение рождаемости, увеличение нагрузки на трудоспособное население, рост нагрузки на социальную сферу.

Выезд граждан Беларуси за рубеж происходит на фоне уменьшения количества населения страны: в 2019 г. население уменьшилось на 0,47 % или 5,7 тыс. человек по сравнению с 2015 г. За 2019 год естественная убыль составила 26 000 человек. Коэффициент демографической нагрузки (соотношение людей трудоспособного и нетрудоспособного возраста) за 10 лет вырос с 0,616 в 2007 году до 0,751 в 2017 году. Трудоспособное население несет на себе нагрузку обеспечения тех, кто моложе или старше трудоспособного возраста посредством как выплат в фонд социальной защиты, покрывающих пенсионное и социальное обеспечение, так и налогов, покрывающих потребности здравоохранения и образования. При этом соотношение молодежи в возрасте до 15 лет к числу трудоспособных (коэффициент замещения) составляет 0,28, а коэффициент пенсионной нагрузки

ки (соотношение численности пенсионеров и трудящихся) – 0,61 [2]. Сокращение рождаемости и увеличение продолжительности жизни увеличат демографическую нагрузку в будущем.

В этой связи возрастная структура эмиграции оказывает негативное влияние и в текущем, в будущих периодах: выезд молодежи сопровождается и старением населения, и снижением рождаемости. Анализ трудовой миграции, наиболее распространенной в Беларуси, показывает следующие тенденции.

Определяющим фактором выезда граждан Беларуси за рубеж для трудоустройства являются стремление улучшить свое финансовое положение и более высокий уровень жизни в принимающих странах. Многие страны-соседи Беларуси пытаются решить проблему нехватки кадров путем упрощения правил трудоустройства для иностранных граждан. Приоритетными направлениями эмиграции являются Россия, Польша, Литва. Например, в России на январь 2019 г. было зарегистрировано 650 238 граждан нашей страны [3].

По контрактам, заключенным через белорусские компании, имеющие лицензии для трудоустройства за рубежом, «в 2015 году в Польшу выехало только 150 человек, в 2016 году уже 932, в 2017 году – 2 978 человек и в 2018 году – 3 181. В то же время Министерством труда и социальной политики Польши в 2015 году белорусам было выдано 1893 разрешения на работу, в 2016 году – уже 4 870, а в первой половине 2017 года этот показатель уже увеличился до 4 456 человек» [4]. Разброс данных свидетельствует, что часть белорусов трудоустраивается самостоятельно. В 2019 году было зафиксировано даже снижение числа граждан Республики Беларусь, выезжающих для трудоустройства за рубеж (9 061 чел. по сравнению с 11 093 чел. – в 2018). Вместе с тем и небольшая по объему миграция, но непрерывная, подрывает систему национальной безопасности, так как обладает кумулятивным эффектом.

Кроме того, хотя по-прежнему подавляющее большинство выезжающих составляют молодые люди до 35 лет со средним, средне-специальным и профессионально-техническим образованием, в последние годы среди выезжающих стало больше людей, имеющих высшее образование и высокую профессиональную квалификацию: в 2017 г. – 4 431 чел., в 2018 – 5 489 чел. Проблема интеллектуальной миграции приобретает особую важность в контексте национальной безопасности. Миграция талантливой молодежи, работников интеллектуальной сферы – учителей, врачей, ученых – рано или поздно приведет к проблеме дефицита кадров данных специальностей, что делает отечественную экономику особенно уязвимой в эпоху цифровизации. Значительная часть «интеллектуальных» мигрантов выезжает в Российскую Федерацию и страны Западной Европы и США. Если с Россией миграционное сальдо по лицам с высшим

образованием имеет положительное значение, то с западными странами – отрицательное [5].

Иммиграционные потоки компенсируют отток трудовых ресурсов из Беларуси количественно, но не качественно. В последние годы количество трудовых мигрантов в Беларусь сокращалось: в 2015 году приехали на работу 31 768 человек из других стран, в 2016 году – 20 792, в 2017 – 15 844, а в 2018 году – 16 172 человек [4]. Несколько выросла цифра в 2019 году – 20 862 чел. Беларусь, возможно, и привлекательна своими условиями труда, но только для определенной категории мигрантов. В Беларусь приезжают в основном мужчины трудоспособного возраста из стран СНГ. Основное количество въехавших в Беларусь на работу иностранцев составили граждане России (6 741), Китая (4 318), Украины (3 145) и Узбекистана (1 336). Подавляющее большинство трудящихся-иммигрантов прибыло по рабочим специальностям (5 681). Складывается ситуация, когда высококвалифицированные кадры замещаются в основном низкоквалифицированной рабочей силой мигрантов. На экономическую, демографическую безопасность страны влияют не только объемы миграции, но и качественный состав эмигрантов, носителей знаний, умений, информации.

Таким образом, Беларусь вряд ли сможет решить демографические проблемы с помощью трудовой миграции. Беларусь не является страной притяжения высококвалифицированных мигрантов, так как не может предложить им заработную плату и социальные пособия на уровне европейских стран. Кроме того, политика интеграции требует огромных затрат, которые наша страна не может себе позволить. Более перспективным представляется подход, нацеленный на улучшение социально-экономического положения, что позволит снизить поток эмиграции и даже способствовать реэмиграции. Опыт сокращения эмиграции специалистов ИТ-отрасли после создания Парка высоких технологий может быть распространен и на другие сферы. Основой улучшения условий может выступить встраивание различных предприятий в международные цепочки создания ценности, что особенно перспективно в эпоху цифровизации экономики.

Список литературы

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://house.gov.by/ru/official-documents-ru>. – Дата доступа: 11.02.2020.
2. Население Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://myfin.by/wiki/term/naselenie-belarusi>. – Дата доступа: 17.02.2020.
3. Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения [Электронный ресурс]. – Апрель, 2019. – Режим доступа: <https://www.ganepa.ru/images/News/2019-04/08-04-2019-monitoring.pdf>. – Дата доступа: 17.02.2020.
4. Мурина, И. Стоит ли Беларуси привлекать трудовых мигрантов [Электронный ресурс] / И. Мурина. – Режим доступа: <https://udf.by/news/sobytie/199915-stoit-li-belarusi-privlekat-trudovyh-migrantov.html>. – Дата доступа: 17.02.2020.
5. Демографический ежегодник Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/357/3571fdc0efdfdb1b8c6c615d0f0b76e3.pdf>. – Дата доступа: 14.02.2020.

О. И. Ковальчук, В. А. Козлович

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
oikovalchuk@mail.ru, viktoriakozlovich422@gmail.com)

ГЛАГОЛЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Эмоции – это сложные генетически сформированные поведенческие модели, которые сложились в процессе эволюции для решения определенных проблем адаптации и для того, чтобы человек мог быстро и адекватно реагировать на ситуацию. Эмоции являются одним из самых важных факторов в процессах социальной коммуникации. Они помогают людям адаптироваться к окружающей среде. Проявление эмоций, умение их контролировать и управлять ими развиваются в человеке на протяжении жизни, в процессе обучения и в условиях приобретенного жизненного опыта. Общее число номинаций положительных и отрицательных эмоциональных состояний человека достаточно велико, часто лингвистическое представление конкретной эмоции зависит от специфики конкретного языка и этнической, национально-культурной составляющей его носителей.

В специальной литературе эмоции чаще всего делятся на положительные и отрицательные, или на позитивные и негативные. Однако некоторые эмоциональные состояния требуют уточнения, так как их сложно отнести к одной определённой категории.

В данной статье рассмотрим глаголы немецкого языка, использующиеся для репрезентации отрицательных эмоций, негативного отношения к чему-либо. Глаголы данной категории отличаются своим разнообразием и семантическими особенностями. К отрицательным эмоциям относят такие, как гнев, страдание, отвращение, презрение, страх, чувство вины.

Страдание – ‘физическая или нравственная боль, мучение, характеризуется неприятным и мучительным чувством, доставляющим дискомфорт человеку’ [1, с. 1937]. В толковом словаре немецкого языка находим глаголы, репрезентирующие страдание, и примеры употребления их в речи: *leiden* – ‘1. einen Zustand von schwerer Krankheit, Schmerzen, seelischem Leiden o. Ä. auszuhalten, zu ertragen, zu erdulden haben; 2. von etw. Negativem betroffen sein’ – ‘1. выдерживать, переносить или переживать состояние тяжелой болезни, боли, душевных страданий или подобное; 2. быть пораженным чем-то негативным: er musste nicht lange leiden – он не должен был страдать долго; sie hat in ihrem Leben viel gelitten – она много страдала в своей жизни; sie leidet unter ständigen Kopfschmerzen – она страдает от постоянных головных болей’ [2, с. 1117].

Dulden – ‘1. aus Nachsicht fortbestehen lassen, ohne ernsthaften Widerspruch einzulegen od. bestimmte Gegenmaßnahmen zu ergreifen; 2. etw. Schweres od. Schreckliches mit Gelassenheit ertragen’ – ‘1. проявлять терпе-

ние, без серьезных возражений или принятия определенных контрмер; 2. терпеть с умиротворением нечто тяжелое или ужасное'. Например: *etw. stillschweigend dulden* – 'терпеть что-л. молчаливо'; *keinen Widerspruch dulden* – 'не терпеть противоречий'; *er duldet, ohne zu klagen* – 'он терпит, не жалуясь' [2, с. 452].

Гнев – 'чувство сильного возмущения, негодования' [1, с. 310], нежелательная эмоция, которую человек стремится избежать. Гнев может проявляться в комбинации с другими эмоциями, такими, как печаль, вина, страх, и вызывать депрессию и психические расстройства

Sich ärgern / ärgern – 'ärgerlich machen, verstimmen, aufbringen' – 'делая сердитым'; расстраивать, навязывать: *sie hat mich mit ihrem Verhalten sehr geärgert* – 'она очень раздражала меня своим поведением'; *seine Anwesenheit ärgerte mich* – 'его присутствие раздражало меня'; *ihn ärgert die Fliege an der Wand* – 'муха на стене раздражала его' [2, с. 180]. *Sich fuchsen / fuchsen* – 'jmds. heftigen Ärger erregen; sich sehr ärgern' – 'возбуждать чей-то бурный гнев; очень раздражаться': *seine Bemerkungen haben mich sehr gefuchst* – 'его высказывания очень меня расстроили'; *es fuchste sie, dass ich ihr Geheimnis entdeckt hatte* – 'ее разозлило, что я открыл их секрет' [2, с. 180]. *Wüten* – 'im Zustand der Wut toben, rasen, zerstören' – 'в состоянии ярости бушевать, мчаться, разрушать': *sie haben gewütet wie die Berserker* – 'они бушевали, как свирепые воины'; *hier hat der Krieg furchtbar gewütet* – 'здесь ужасно бушевала война' [2, с. 2049].

Как правило, гнев провоцирует агрессию. Данная эмоция раскрывается в полной мере в сочетании с отвращением и презрением. Очень важно уметь определять и контролировать данные эмоции.

Отвращение – 'крайне неприятное чувство, вызванное кем-чем-нибудь' [1, с. 1165]. Чаще всего предметами отвращения являются объекты окружающей нас действительности. Иногда оно может возникать у человека по отношению к самому себе. Такие глаголы, как *abwenden*, *abkehren*, *abwehren*, *ekeln* репрезентируют данную эмоцию в немецком языке.

Abkehren – 'abwenden' – 'отвратить': *sie kehrte ihr Gesicht ab* – 'она отвернула свое лицо'; *ich kehrte mich von ihr ab* – 'я испытываю отвращение от нее'; *sich von der Welt abkehren* – 'отвернулась от мира' [2, с. 88]. *Abwehren* – '1. erfolgreich abwenden; 2. auf etw. ablehnend reagieren' – 1. 'успешно отвернуться'; 2. на что-то реагировать отказом / отвращением': *eine Zumutung, einen Verdacht, jmds. Dank abwehren* – 'отвратить чье-то навязывание, подозрение, благодарность'; *als sie das hörte, wehrte sie erschrocken ab* – 'когда она услышала это, она в ужасе испытала отвращение от него' [2, с. 105]. *Sich abwenden / abwenden* – '1. nach der anderen Seite wenden, von etw. wegwenden; 2. verhindern, von jmdm. fernhalten' – '1. повернуть на другую сторону, отвернуться от чего-л.; 2. предупреждать, держать подальше от кого-л.': *er wendet sich entsetzt ab* – 'он в ужасе отвернул-

ся'; sie hat sich von ihren Freunden abgewendet – 'она отвернулась от своих друзей' [2, с. 105]. Sich ekeln / ekeln – 'Ekel empfinden; in jmdm. ein Gefühl des Ekels entstehen lassen; bei jmdm. Ekel erregen' – 'чувствовать отвращение; создавать чувство отвращения у кого-л.'; вызывать отвращение у кого-л. : ich ekele mich vor Ratten – 'я испытываю чувство отвращения к крысам'; mich ekelt vor ihm – 'мне противен он' [2, с. 505].

Под презрением понимают «глубоко пренебрежительное отношение к кому-н., чему-н. ; подчеркнутое безразличие к чему-н., пренебрежение чем-н.» [1, с. 1457]. Оно возникает, когда человек чувствует преимущество над кем-либо и оценивает свои качества и умения выше и лучше других.

Verachten – 'als schlecht, minderwertig, unwürdig ansehen; auf jmdn., etw. geringschätzig herabsehen' – 'смотреть свысока на кого-л. как на плохого, неполноценного, недостойного; смотреть свысока на кого-л., пренебрежительно': er verachtet ihn – 'он презирает его'; eine Tat, jmds. Gesinnung verachten – 'презирать поступок, чье-то отношение' [2, с. 1877]. Missachten – 'absichtlich nicht beachten, nicht befolgen; jmdn., etw. nicht achten' – 'игнорировать, умышленно ослушаться; не обращать внимание на кого-л., что-л.' Например: er missachtete sie – 'он презирал ее'; war er der Erste, der sie missachtete – 'он первым начал ее игнорировать'; er hat ihren Rat missachtet – 'он пренебрег ее советами' [2, с. 1203]. Spotten – '1. (über jmdn., etw.) spöttisch, mit Spott reden, sich lustig machen; 2. etw. nicht ernst nehmen; sich über etw. hinwegsetzen' – 1. '(о ком-л., о чём-л.) издеваться, говорить с насмешкой, высмеивать; 2. не воспринимать что-л. всерьез; пренебрегать чем-л.': eines Rates, einer Warnung spotten – 'он пренебрегал советом, предупреждением'; er spottete der Gefahr – 'он презирал опасность'; das spottet jeder Vorstellung, Beschreibung – 'он насмеялся над каждой идеей, описанием' [2, с. 1661].

Как видно из приведенных примеров, глаголы эмоционального состояния в современном немецком языке активно взаимодействуют со словами других лексико-грамматических классов, выстраивают развернутые синонимические ряды, обладают дополнительными оттенками значения и коннотациями. Эмоции являются неотъемлемой частью природы человека, так как именно с их помощью человек склонен оценивать каждую ситуацию. В то же время они облегчают общение с другими людьми и делают жизнь человека намного разнообразнее.

Список литературы

1. Ожегов. С. И. Толковый словарь русского языка. Ок. 100 000 слов / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; под ред. д-ра филол. наук, проф. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп., стер. – М. : Изд. центр «Оникс», 2010. – 2314 с.
2. Der Duden in zwölf Bänden. Deutsches Universalwörterbuch: das umfassende Bedeutungs-wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache // 8., überarbeitete und erweiterte Auflage. Herausgegeben von der Dudenredaktion. – Berlin : Dudenverlag, 2015. – 2128 s.

М. В. Казлоў

(Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, г. Мінск, maxkazlou87@gmail.com)

ЛЕО ШТРАЎС І ДЖОРДЖ ОРУЭЛ ПРА ПАЛІТЫЧНАЕ Ў ТЭКСТАХ

Сёння ў эпоху інфармацыйнага хаосу, дзе існуе велізарнае мноства тэкстаў, кніг, меркаванняў, які пранізвае ўсё грамадства, вельмі цяжка зразумець ролю палітычнай навукі. Якія ў яе задачы і якія ў яе мэты? Якія яе каштоўнасці? Які яе дыскурс? Як яе апісаць? Уласна кажучы, ці існуе такая навука і ці патрэбна яна грамадству? Прыкладам гэтаму ёсць тое, што нават самі палітолагі не могуць знайсці кампраміс у сваім асяроддзі з нагоды яе ключавых паняццяў, такіх як палітыка і ўлада. Напрыклад, «у навуковай і вучэбнай літаратуры па паліталогіі можна сустрэць розныя інтэрпрэтацыі паняцця палітыкі. Пры гэтым, яны часта зводзяцца да нявызначаным развагам адносна ўлады і інтарэсаў <...> З усіх тэрмінаў палітычнай навукі, паняцце палітыкі <...> самае «кволае» [2, с. 12]. Гэта заўвага не нова і нават цяпер пісаць пра палітыку ў навуковым плане «заўсёды азначае заняць пэўную пазіцыю» [1, с. 5] свайго стаўлення да гэтага прадмета, а таксама дачыненні да яго навукі і ўлады. Мы зноў і зноў вяртаемся да зыходных пазіцый, якія будуць казаць, «што ўсякае палітычнае дзеянне кіруецца думкай аб лепшым або горшым» [5, с. 9]. Гэта датычыцца і антычнасці, і сярэднявечча, і новага часу. Гэтыя спрэчкі аб лепшым або горшым рэжыме існуюць і па сённяшні дзень, аднак, галоўнае ў тым, што гэта супрацьстаянне і стварае новы этап палітычнай навукі – яе тэкст, метады, структуру і ўладу, культурны складнік і каштоўнасцю спецыфіку ў ёй. Сёння існуе мноства тэкстаў, якія маюць свой пункт гледжання на свет палітыкі, і кожны, хто знаходзіцца ў навуковай сентэнцыі і піша ў ёй, абвясчае гэта ведамі. У XX стагоддзі было створана дастаткова палітычных трактатаў, тэкстаў і тэорый, якія, з розных абласцей чалавечага жыцця, унеслі ў гэтую навуку цэлы комплекс задач і праблем, якія сёння з'яўляюцца цэнтральнымі ў гэтай дысцыпліне і, па ўсёй бачнасці, яны і стварылі падмурак яе навуковага і тэарэтычнага інструментарыя. Аднак, гэта не больш чым узнёўленне парадыгмы, створанай з надзеяй палітычнай навукі «замяніць меркаванне аб прыродзе палітычных рэчаў веданнем пра іх» [5, с. 11], пры гэтым ведаючы, што «ўсё палітычнае веданне акружана палітычным меркаваннем і пераплецена з ім» [5, с. 14]. Тым ня менш, усе гэтыя адкрыцці ўтойваюць у сабе яшчэ большыя праблемы і ўзрушэнні. Новыя адкрыцці ў сацыяльных навукках рэдкія, але любыя тэхналогіі і веды, якія атрымліваюцца імі, могуць выкарыстоўвацца ўладай і палітыкамі ў сваіх мэтах.

Гэта было бачна ў XX стагоддзі з двума сусветнымі войнамі, Халакостам і распаўсюджваннем аўтарытарных і таталітарных рэжымаў па ўсёй планеце. Гэта стала вынікам узнікнення масавага чалавека, які быў наро-

джаны ў нашых тэкстах і думках для ўласнага апраўдання і жадання прэ-тэндаваць на ўладу (таму што крытычнае выказванне простага чалавека можа быць памылкай, або хлуснёй «тая заява, якая гучыць з вуснаў чалавека паважанага, які нясе вялікую адказнасць, а такім чынам, і які займае высокую пасаду, – напэўна дакладна» [7 с. 14]), хоць усяго гэтага можна было пазбегнуць, паколькі ўсе «выбітныя еўрапейскія навукоўцы і дзяржаўныя дзеячы з першых гадоў XIX ст. і пазней прадказвалі прыход масавага чалавека і эпохі мас» [1, с. 533]. Яны не баяліся гэта сказаць і напісаць адкрыта, выкладаючы ў тэксце ўсё як яно ёсць. Акрамя таго, уважлівае чытанне і разуменне досведу мінулых пакаленняў, а не яго ігнараванне ва ўгоду ўлады навукі і палітычнай нейтральнасці аўтара і навукоўца, даказвала адну важную «мудрасць, добра знаёмую старажытным, аб блізкасці паміж дэмакратыяй і дыктатурай, паміж праўленнем натоўпу і тыраніяй» [1, с. 533].

Але, ва ўсім гэтым ёсць адна самая галоўная асаблівасць – гэта і ёсць сам тэкст і пісьмо, якія апісваюць і імкнуцца перадаць гэтыя падзеі, таму што носьбітаў і сведкаў ужо няма ў жывых, бо яны былі не ў стане сказаць гэта адкрыта і публічна, асцерагаючыся за сваё жыццё, або, што можа быць больш страшным, заставацца не зразумелымі ў грамадстве, якое было за крок ад катастрофы. Тэкст і яго аўтар – вось найбольш хвалюючае зараз нас становішча. Калі б ён быў вучоны або пісьменнік, што ён – аўтар – хоча сказаць пра палітыку і грамадства? Што ён хавае або замоўчвае, валодаючы веданнем? Каго ён баіцца больш – уладу, навуковае асяроддзе або самога сябе? Напісаць пра праблемы палітычнай навукі – значыць заняць пэўную пазіцыю і напоўніць яе ўласным сэнсам і каштоўнасцямі, заняць пэўнае месца ў грамадстве, дзе пры гэтым сам аўтар з’яўляецца часткай гэтага грамадства і культуры.

Таму для аўтара, з аднаго боку, пісаць «не мець магчымасці дасылаць пісьму яго сэнс: гэта значыць зводзіць сэнс, але і адначасова ўзвышаць запіс» [4, с. 21]. Менавіта пісьмо ў яго розных формах кіруе нашымі перавагамі, яно фармулюе і структуруе нас. Сёння ў навуковых працах і літаратурных творах разгарнулася жорсткая барацьба за ўладу, веды і становішча палітычнай навукі, пры гэтым зусім не нейтральнае, таму што яе галоўным каналам інфармацыі з’яўляюцца пісьмо і тэкст. Варта адзначыць, што гэтая з’ява – не новы феномен у гісторыі чалавецтва. Жаданне ўлады чуюць толькі тое, што ёй заўгодна, добра ілюструе эпізод з Платонам і яго практыкай *parthesia*. Праўда, ужо Макіявелі структуруе яго і пераносіць у вобласць пісьма, што ў дадзены момант мы і назіраем. На змену свабоднай дыскусіі і крытыкі ўлады ў рамках рацыянальнага і навуковага дыскурсу «прышоў кантроль над выказваннямі і панаванне тых поглядаў, якія лічыць правільнымі дзяржава» [7, с. 12]. Аднак разам з гэтым улада дзейнічае праз іншыя структуры. Бясконцае мноства розных мікрачэек супольнасці,

не задавленны становішчам спраў, і любыя выказванні, не задавальняючы іх, падбіраюцца ўладай, скажаюцца і трансфармуюцца для ўласных мэтаў, але пры гэтым яна сама застаецца па-за полем зроку.

У дадзеным выпадку мы з'яўляемся сведкамі ўзнікнення іншай структуры, якая пераходзіць у віртуальнасць, дзе падзяляецца на розныя структуры інфармацыі, за якімі хаваецца ўласна ўлада, адначасова маніпулюе намі, прапануе ілюзію крытыкі і свабоды выбару. Трэба зразумець, што «ў рэчаіснасці не бывае людзей бясхібных, то нярэдка ўзнікае неабходнасць перакройваць мінулае, каб даказаць, што той ці іншай памылкі не было, або, што тыя ці іншыя ўяўленыя перамогі мелі месца на самай справе. Зноў жа ўсякі значны паварот у палітыцы суправаджаецца адпаведным змяненнем у навуцы і пераацэнкамі вядомых гістарычных дзеячаў. Такое здараецца паўсюль, але ў грамадстве, дзе на кожным дадзеным этапе дазволена толькі адно-адзінае меркаванне, гэта амаль непазбежна абгортваецца прамой фальсіфікацыяй» [5, с. 610]. Гэта добра відаць у краінах, якія перажылі таталітарны рэжым, але яго рэха яшчэ жыва ў розумах самой гэтай супольнасці, якое праігрывае аўтарытарныя ўстаноўкі, змушаюць аўтара падпарадкоўвацца большасці, на якую і паказвае ўлада, захоўваючы сваю нейтральнасць. Тым не менш, веданне, якое атрымлівае аўтар, можа паказаць на ўзурпацыю самой улады і існуючую небяспеку ад яе самой. Менавіта выраз «пісаць паміж радкоў», у якім «чалавек з незалежным мысленнем можа выказаць свае погляды на людзях і заставацца некранутым» [7, с. 14], заўсёды з'яўляецца сродкам абароны аўтара і яго каналам сувязі з грамадствам і ўладай.

Больш за тое, сам тэкст можа змяшчаць рэальныя факты, але яго праіграванне ў медыйнай сферы скажонае. Сёння гэта можна назваць феноменам *post-truth* і *hate speech*, але, як бы там ні было, гэта новыя канцэпты старых паняццяў. Яны адлюстроўваюцца як у вуснай, так і ў пісьмовай мове. Скажэнне адбываецца дзякуючы гаворачым галовам-экспертам у абласцях палітыкі, якія маюць доступ да навуковага дыскурсу, фарміруюць аднабаковую карціну з атамаў праўды, фактаў і канструююць скажоную карціну свету ва ўгоду ўлады і для ўлады ў надзеі быць самім уключаным ва ўладную матрыцу. Гэта каштоўнасны выбар вядомы даўно. Менавіта ўлада прымушае сама сябе вывучаць і паграбуе ўласнай верыфікацыі для далейшага ўзнаўлення сябе самой у часе. Аднак менавіта ў гэтым дзеянні і спараджаецца яе ніз'вядзенне і выкрыццё праз метадалагічны інструментар. Іншымі словамі, пісаць аб сучасным становішчы палітычнай навукі ў сапраўдны момант азначае заняць пэўную пазіцыю і ўнесці яе ў тэкст, які будзе ўяўляць «сабой пераказ найбольш злосных выслоўяў «святых кніг» дзяржавы» [7, с. 14], або з пункту гледжання самой палітычнай навукі яе ўлады. Пры гэтым, аўтар або навуковец, праіграваючы гэтую сістэму думак крок за крокам прыводзіць «яго да сумневаў ў правільнасці зацверд-

жанных дзяржавай поглядаў» [7, с. 14]. Адкрыта гэтага ён сказаць не можа, бо з'яўляецца часткай самой гэтай сістэмы. У дадзеным выпадку ёсць два шляхі: першы заключаецца ў тым, каб «пісаць яснай жывой мовай, варта мысліць бястрашна, а калі чалавек бястрашна думае, ён не можа быць палітычна прававерным» [5, с. 614], або застацца ў матрыцы ўлады і падтрымліваць яе існаванне. Пры гэтых абставінах адказ можна пазнаць па тэксце аўтара і яго каштоўнаснай пазіцыі.

Спіс літаратуры

1. Арэндт, Х. Начала тоталітарызма / Х. Арэндт // Антологія мировой политической мысли. В 5 т. Т. 2 : Зарубежная политическая мысль. XX в. – М. : Мысль, 1997. – 830 с. – С. 543–544.
2. Бенетон, Ф. Введение в политическую науку / Ф. Бенетон. – М. : Весь Мир, 2002. – 367 с.
3. Божанов, В. А. Интересы и власть – суть мира политического / В. А. Божанов // Иппокрена : науч.-метод. журн. / Ин-т парламентаризма и предпринимательства. – Минск, 2009. – № 2. – С. 12–18.
4. Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. – М. : Акад. проект, 2007. – 494 с.
5. Оруэлл, Д. Скотный двор. 1984. Памяти Каталонии. Эссе / Д. Оруэлл. – М. : АСТ, 2003. – 661 с.
6. Штраус Л. Введение в политическую философию / Л. Штраус. – М. : Логос : Практис, 2000. – 364 с.
7. Штраус, Л. Преследование и искусство письма / Л. Штраус // Социологическое обозрение. – 2012. – № 3. – С. 12–25.

Р. Н. Козыренко

(Могилёвский институт МВД Республики Беларусь, г. Могилёв, r6260974@mail.ru)

ФУНКЦИОНАЛИСТСКАЯ ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ М. НУССБАУМ И А. СЕНА

Справедливость – политическая идея, имеющая различное содержание в истории политической науки. В самом общем представлении справедливость в политике понимается как высшая степень совместимости многообразных интересов [1, с. 514].

Вопросы справедливости были всегда в центре внимания представителей политической науки. Свообразным эталоном справедливости в западной политической науке является предложенная Дж. Ролзом (1971) неолиберальная контрактualистская теория справедливости как объективности. В данной теории справедливость сводится к обладанию первичным набором приобретенных благ и понимается как принципы справедливой организации общества и соответствующие реализующие ее институты.

В настоящее время как альтернатива теории справедливости Дж. Ролза предложены многочисленные теории и концепции, такие как теория справедливого распределения Р. Нозика и др. Их специфика заключается в

стремлении доказать универсальность некоего принципа справедливости при распределении общественных благ. Наиболее значимой из данных теорий, в том числе в практическом плане, является сформировавшаяся в 1990-е годы либеральная функционалистская теория справедливости лауреата Нобелевской премии по экономике Амартии Сена и американского философа Марты Нуссбаум, или подход «с точки зрения возможностей».

М. Нуссбаум в предложенной теории исходит из того, что задача современного развития как на международном, так и на национальном уровне – позволить людям жить полноценной творческой жизнью, развивая собственный потенциал и обустроивая свое существование в соответствии с присущим всем людям в равной мере человеческим достоинством [2]. Таким образом, данный подход связывает с точки зрения прав человека человеческое достоинство и человеческие возможности.

Основную идею справедливого устройства общества М. Нуссбаум заимствовала у Аристотеля и К. Маркса. Как следствие, за основу идеи справедливости она предлагает взять концепцию общественного блага, рассматриваемого с позиций Аристотеля, который в понятие общественного блага включал добродетель, справедливость и материальное благосостояние [3]. Ключевое общественное благо – набор возможностей, которыми люди готовы действительно воспользоваться или пренебречь.

Центральным понятием теории является понятие «полноценное человеческое функционирование». Человеческая жизнь как набор функций полноценна при условии возможности реализации гражданами десяти основных функциональных человеческих возможностей: 1) возможность прожить человеческую жизнь до старости; 2) хорошее физическое здоровье; 3) телесная неприкосновенность; 4) чувства, воображение и мышление; 5) эмоции; 6) практический разум; 7) разнообразные формы социального взаимодействия; 8) отношения с иными живыми существами; 9) игра; 10) контроль политической и экономической среды обитания [2].

Справедливость трактуется М. Нуссбаум как необходимость развития перечисленных базовых человеческих возможностей. В рамках предложенной ею теории социальная справедливость заключается в предоставлении возможностей развития базовых функций человеческой жизни обществом и государством. Достойный политический порядок должен обеспечить гражданам пороговый уровень этих возможностей, а общество, в котором граждане ощущают поддержку своих усилий по реализации перечисленных возможностей, является минимально справедливым.

Определяя свой подход как «способ сравнительной оценки качества жизни и теретизирования о базовой социальной справедливости» [2], М. Нуссбаум утверждает, что ключевым вопросом при сравнении обществ и оценке базового уровня их достоинства или справедливости является

вопрос: «что в этом обществе может делать конкретный человек и кем он может стать?» [2]. Ответ на данный вопрос может быть получен путем измерения качества человеческой жизни.

В оценке справедливого М. Нуссбаум исходит из количества значимых функций, представленных в человеческой жизни. Качество последней тем выше, чем больше значимых функций представлено в ней. Использование для оценки уровня благосостояния государства таких абстрактных показателей экономического роста, как валовый внутренний продукт, валовый национальный продукт либо доход на душу населения, отвергается, поскольку их улучшение не обязательно приводит к более справедливому распределению общественных благ.

Для измерения качества человеческой жизни А. Сен предлагает новые концептуальные подходы к оценке экономической ситуации, выбор любого из них является нормативным решением. Первый подход основан на понятии субъективного благополучия, т. е. индивиды лучше всего сами способны судить об уровне своего благополучия; второй – на понятии возможностей, и он рассматривает человеческую жизнь как комбинацию различных «дел и состояний» (функционирований) и свободы человека выбирать эти функционирования; третий – на понятии справедливого распределения человеческих ресурсов и предполагает взвешивание различных неденежных аспектов качества жизни с учетом предпочтений людей [5, с. 115–116].

В рамках каждого из подходов у разных людей измеряются различные функциональные векторы, понимаемые А. Сеном как состояние существования человека. Каждый из векторов складывается из некоторого числа базовых человеческих функций. Качество жизни тем выше, чем большее число функций суммируется в конкретном векторе.

Таким образом, в рамках функционалистской теории справедливости акцент делается на изучении реальных условий жизни людей, а не гипотетического набора первичных благ, как у Дж. Ролза. Ключевой рекомендацией теории для повышения качества человеческой жизни является улучшение материального благосостояния людей, понимаемое через концепцию возможностей.

Индивидуалистский подход «с точки зрения возможностей» исходит из того, общество должно предложить человеку набор базовых возможностей для улучшения качества жизни, а развивать эти возможности или пренебречь ими, определяет человек по собственной воле.

По мнению М. Нуссбаум, данный подход позволяет иначе осмыслять большинство стоящих перед современным миром проблем, например, таких как бедность, если рассматривать ее как нехватку возможностей.

В качестве практической модели реализации идеи базовых человеческих возможностей, реального улучшения условий человеческой жизни М. Нуссбаум предлагает концепцию «аристотелианской социал-демокра-

тии», предполагающую преобразование социально-политического порядка путем приведения в соответствие с реальностью идеальных положений функционалистской теории. Практическая реализация социальной справедливости в рамках данной концепции рассматривается в четырех аспектах: труд, собственность, политическое участие и образование. Как результат, эгалитаристская теория, ориентированная на повышение качества жизни человека, сочетается с представительной демократией и институтом частной собственности.

Акцент на качестве человеческой жизни делает функционалистскую теорию справедливости по существу перфекционистской. Однако именно эта теория инспирировала разработку индекса человеческого развития – стандартного комбинированного показателя, рассчитываемого для сравнения развития человека в различных странах и регионах и используемого Организацией Объединенных Наций в качестве одной из самых авторитетных классификаций, характеризующих справедливое человеческое развитие.

Список литературы

1. Мельник, В. А. Современный словарь по политологии / В. А. Мельник. – Минск : Книжный Дом, 2004. – 640 с.
2. Нуссбаум, М. Существует прочная взаимосвязь между демократией и отсутствием голода [Электронный ресурс] / М. Нуссбаум // Открытый университет. – 2020. – Режим доступа: <https://openuni.io/course/8-course-7-1/lesson/2/material/757/>. – Дата доступа: 05.03.2020.
3. Аристов, Е. В. Понятие и концепция общественного блага [Электронный ресурс] / Е. В. Аристов // Киберленинка.ru. – 2020. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-kontseptsiya-obschestvennogo-bлага/viewer>. – Дата доступа: 05.03.2020.
4. Нуссбаум, М. Новый стандарт справедливости [Электронный ресурс] / М. Нуссбаум // Русский журнал. – 2020. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Novyj-standart-spravedlivosti>. – Дата доступа: 05.03.2020.
5. Стиглиц, Дж. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? : доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / Дж. Стиглиц, А. Сен, Ж.-П. Фитусси ; пер. с англ. И. Кушнаревой. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2016. – 216 с.

И. К. Комарова, И. Богдан

(Гродненский филиал ЧУО «БИП – Институт правоведения», г. Гродно,
kom-ik@mail.ru, i.bogdan@gas.grodno.by)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО МОЛОДЁЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Ценности молодежи, ее взгляды на нравственный облик своей страны оказывают заметное влияние на общество, его духовное, политическое и экономическое состояние. На этом фоне актуализируется необходимость создания системной как международной, так и национальной молодежной политики. Многие страны начали проводить такую политику еще с начала

60-х гг. XX в. в связи с нарастанием антисоциального поведения молодежи. Причинами были модернизация современного общества, усложнение его структуры под воздействием научно-технического прогресса, «ломки» таких традиционных социальных институтов, как семья, школа, церковь, играющих важную роль в процессе социализации юношей и девушек. Выделение молодежной политики в самостоятельное направление деятельности государства отражает одну из объективных закономерностей современного этапа мирового развития [1]. Ее объективный характер отражает характеристики некоторых основных тенденций в современном молодежном движении.

Главная тенденция – забота о подрастающем поколении, которая была провозглашена одной из приоритетных задач ООН, Международной организации труда (МОТ), Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). В 1965 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла «Декларацию о распространении среди молодежи идеалов мира, взаимного уважения и взаимопонимания между народами». Под эгидой ЮНЕСКО с 1985 г. действует Всемирный конгресс по вопросам молодежи, круглый стол по теме «Молодежь. Образование. Труд». К изучению молодежных проблем и их разрешению подключился Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) [1]. В итоге можно сказать, что молодежная политика остается одной из приоритетных задач наднациональных организаций мира.

Важнейшей тенденцией в современном международном молодежном движении является его быстрая институционализация [2]. Основными ее признаками являются коллективный и целенаправленный характер действия; единство ценностных ориентаций и идеологии участников; их групповая идентичность; социально-психологическая позиция; организационное оформление. Особенность молодежных объединений состоит в том, что они одновременно могут выступать и в качестве субъекта государственной молодежной политики (институт работы с молодежью), и в качестве ее объекта, консолидируя молодежь и реализуя функцию ее участия в социально-экономических процессах и политической жизни общества. Речь идет о роли молодежных объединений в развитии гражданских инициатив и интеграции молодых людей на основе общих интересов [2]. Так, в Беларуси с 2017 г. действует Республиканский молодежный центр – площадка, на которой у молодежных объединений появилась возможность вместе создавать идеи и коллективно реализовывать важные решения.

Еще одной тенденцией современного молодежного движения, связанной с институционализацией, является бурное развитие молодежного парламентаризма – формы привлечения юношей и девушек к принятию и участию в решении своих проблем. Молодежный парламент – это консультативно-совещательный орган, созданный для координации деятельности молодежи при законодательных (представительных) или исполнительных

органах государственной власти. Он вносит в органы власти предложения по определению основных направлений развития молодежного движения, рассматривает проекты нормативных правовых актов, касающихся государственной молодежной политики, координирует деятельность молодежи на местах. Основой работы молодежных парламентов являются принципы равноправия, гласности, коллегиальности, свободного обсуждения, а решения носят рекомендательный характер [4].

Международный опыт молодежного парламентаризма берет начало в 1910 г. в г. Сент-Луис (США), где был сформирован танцевальный клуб «Геркуланум», который включился в разрешение гражданских проблем. В 1915 г. эта организация приняла участие в строительстве автострады в городе, показала блестящий результат совместной работы и стала называться «Прогрессивная гражданская ассоциация молодежи» (УМРСА). Главной задачей она ставила оказание помощи молодым людям, включение молодежи в реализацию общественных задач [5]. В 1918 г. появилась Молодежная торговая палата Сент-Луиса. После 1940 г. подобные палаты возникли в Гватемале, Сальвадоре, Гондурасе, Коста Рике, Никарагуа, Панаме. С 1946 г. действует Международная молодежная палата, членами которой являются более 500 молодежных лидеров в политике и бизнесе, представляющих более 9 тыс. местных организаций из 132 стран мира [6]. Палата является ассоциативным членом ООН и осуществляет совместные проекты с Международной торговой палатой ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, сотрудничает с Международной ассоциацией студентов, Всемирной организацией здравоохранения и Европарламентом. Основной целью Палаты является активизация международного молодежного движения, развитие лидерских качеств и социальной ответственности молодежи.

В Беларуси молодежные парламенты появились в 2007 г. В настоящее время в стране работает более 40 молодежных парламентских структур – областных, районных и городских. Они предоставляют возможность обмениваться опытом, взаимодействовать с органами власти, привлекать молодежь к решению общественно-политических задач. Наиболее активным является Молодежный парламент при Минском областном Совете депутатов, который внес весомый вклад в подготовку Закона «Об основах государственной молодежной политики». На минувших выборах в местные Советы некоторые из его членов получили депутатские мандаты. Благодаря работе Молодежного парламента только в Гродненской области с 2012 г. реализовано более 400 различных инициатив и социальных молодежных проектов. В Совете Республики ведется работа по созданию Молодежного совета – органа, регулирующего деятельность молодежных парламентских структур. Он будет формироваться из числа представителей областей и Минска. В 2018 г. была создана Молодежная палата при Парла-

ментском собрании Союза Беларуси и России. В нее было делегировано 40 представителей, из которых 20 являются гражданами Беларуси и 20 – гражданами России [7].

Необходимо выделить еще одну тенденцию в развитии современного молодежного движения – «смена ролей и политических акторов при неизменном институциональном фасаде, за которым формируются новые молодежные субкультуры, технологии рефлексивного участия, отменяющие разделение на политическую и неполитическую сферы. Неполитическая сфера в свою очередь порождает субполитическую, выражающуюся в появлении сетевых, в том числе транснациональных молодежных сообществ со специфическими интересами» [8]. В исламском мире, к примеру, частью этого процесса являются этническая мобилизация и возрождение религиозности.

В неоднородном сетевом ландшафте молодежной политики запускаются ризомные (корневые) сетевые механизмы самореализации молодежи, отличающиеся турбулентностью и неуправляемостью. Они позволяют молодым людям становиться активными субъектами политических процессов. Сетевые центры и сообщества молодежи функционируют на основе электронной демократии, которая предполагает, в рамках процесса принятия управленческих решений, готовность к диалогу не только с представителями власти, но и с внешними субъектами политики.

Главным двигателем молодежной политической активности в этих условиях становятся институционализированные сети гражданского общества, обладающие политическими ресурсами. Социальная сеть – это способ структурирования социальных влияний в пространстве общества [8]. Это «добровольные, неиерархичные, независимые от государства, самоопределяющиеся образования, которые могут возникать в различных сферах общества». Социальные сети, как и интернет, привлекают политиков и молодежь в силу своей массовости, дешевизны и высокой скорости передачи информации. Любая новость может разлететься по всему миру в считанные секунды, что говорит о сложности контроля, а следовательно, вызывает больше доверия у молодого человека, чем другие СМИ. Примером действенности этого феномена является революционная ситуация в Украине. Там было создано огромное количество некоммерческих организаций, в которых молодые люди на деньги американских и европейских фондов занимались проблемами прав человека, экологией и т. п. Они же проявили себя и в феврале 2014 г. на Майдане, куда собирали молодежь также за деньги. Манипуляция поведением молодежи стала возможной благодаря целенаправленной и профессиональной перезагрузке ее политического сознания через социальные сети в том числе, созданию в Украине Западом нового геополитического кода.

Сетевые технологии активно используются в военной подготовке молодежи. Так, технология «операции на базе эффектов» взята на вооруже-

ние американцами для контроля над территориями постсоветского пространства с минимальными издержками. Она была использована в период «Оранжевой революции» в Украине в 2004 г. и сформировала основу силового сценария на Майдане в 2014 г. Здесь активно использовался айфон, который фиксировал маршруты передвижения, осуществлял коммуникации и оповещения. Этот гаджет может копировать весь контент пользователя: фото, видео, отпечатки пальцев. Как говорил Э. Сноуден: владелец айфона – открытая книга для спецслужб США [9].

На постсоветском пространстве хорошо известна технология твиттер-революций, которая была использована в мобилизации радикальной молодежи Молдавии, Украины, Ирана, Туниса, Египта для свержения правящих режимов. Через Твиттер пользователь сети получал оповещение действовать надлежащим образом, ретранслировал его другим подписчикам. В результате осуществлялось информирование и настройка больших групп молодежи. Сетевые активисты отличаются общими оценками политического процесса. Массовые акции молодежи вынуждали власти ненасильственными средствами отказаться от своих функций, вследствие чего менялся политический режим [9].

В событиях «Арабской весны» для вовлечения молодежи в госперемены использовалась сетевая технология мемов (от англ. memes – подражание) – единиц культурной информации, распространяемых посредством имитации, мимикрии и подражания. Мемы – своего рода медиавирусы, способные влиять на результаты выборов, смену политических убеждений, переориентацию ценностей. Распространяясь через каналы коммуникации, они способны создавать определенные политические процессы. Задача мема – внушить мысль, что все оценивают политическую ситуацию определенным образом, и тогда пользователь сети с готовностью присоединяется к общей ретрансляции мема. Это становится фоном для свержения того или иного политического режима. Примером служат мемы «они-ждети» «ватники», «колорады», «Крымнаш», «укропы». В Беларуси – «стунядец», «суровый белорус», «что-то не так» и пр.

Существуют и другие сетевые технологии, хорошо разработанные и примененные в практике психологической войны. Это «Soft Power» (мягкая сила) – достижения необходимых политических результатов путем убеждения, а не принуждения; стратегия не прямых действий, проявившаяся в конфликтах низкой интенсивности и тайных операциях [9].

Список литературы

1. Гречнева, Е. Ф. Реализация государственной молодежной политики в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / Е. Ф. Гречнева // Бел. гос. ун-т. – 2014. – Режим доступа: <http://elib.bsui.by/bitstream>. – Дата доступа: 19.02.2020.
2. Меркулов, П. А. Институционализация молодежных организаций и ассоциаций современной России: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] / П. А. Меркулов, Е. Н. Малик, К. А. Бударина // Киберленинка.ru. – 2015. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/>

n/institutsionalizatsiya-molodezhnyh-organizatsiy-i-assotsiatsiy-sovremennoy-rossii-problemy-i-perspektivy. – Дата доступа: 12.03.2020.

3. Молодежное движение в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Сайт «Поговорим». – 2012. – Режим доступа: <https://pogovorim.by/2576-molodezhnoe-dvizhenie-v-respublike-belarus.html>. – Дата доступа: 29.02.2020.

4. Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2016–2020 гг. [Электронный ресурс] : Постановление М-ва образования Респ. Беларусь, 22 февр., № 9 // Бел. ун-т информатики и радиоэлектроники. – 2016. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21600250>. – Дата доступа: 19.02.2020.

5. Певная, М. В. Перспективы международного молодежного волонтерства в российских вузах [Электронный ресурс] / М. В. Певная, А. Н. Калинина // Урал. федерал. ун-т, Екатеринбург. – 2015. – Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/53268/1/UM_2015_6_008.pdf. – Дата доступа: 28.02.2020.

6. Молодежный парламентаризм [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа: 19.02.2020.

7. Мясникович, М. Молодежный парламентаризм является важным ресурсом развития страны [Электронный ресурс] / М. Мясникович // Нац. правовой Интернет портал Респ. Беларусь. – 2018. – Режим доступа: <http://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2018/sepember/30288/>. – Дата доступа: 17.03.2020.

8. Антонович, Н. А. Перспективы использования сетевого подхода в политической науке [Электронный ресурс] / Н. А. Антонович; Бел. гос. ун-т. – 2010. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/6325/>. – Дата доступа: 29.02.2020.

9. Яковлева, О. В. Социальная активность студентов в информационной среде [Электронный ресурс] / О. В. Яковлева // Киберленинка.ru. – 2014. – Режим доступа: <https://elib.vsmu.by/bitstream/123/12645/1/Musina>; <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-aktivnost-studentov-v-informatsionnoy-srede>. – Дата доступа: 20.02.2020.

И. К. Комарова, А. Ю. Кибик

(Гродненский филиал ЧУО «БИП – Институт правоведения», г. Гродно,
kom-ik@mail.ru, nastia_kibik94@mail.ru)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Наступивший XXI век, сохраняя ориентацию на дальнейшее использование традиционных энергетических ресурсов (уголь, нефть, газ), вносит принципиально новые акценты в решение проблем национальной и международной энергетической безопасности. В условиях регионализации и фрагментации экономического пространства создаются новые экономические блоки государств: Соглашение о Тихоокеанском партнерстве, Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, Евразийский экономический союз, Экономический пояс «Шелкового пути» и пр. В результате на рубеже веков обозначилась новая «энергетическая конфигурация» – расстановка игроков на мировом энергетическом рынке, которые становятся субъектами политики, принимая решения, затрагивающие их интересы. Характеристики этой геополитической расстановки следующие:

1. Обозначились и четко дифференцировались ключевые участники современного энергетического рынка: страны-потребители (Китай, Индия, страны Азиатско-Тихоокеанского региона); страны производители, на территории которых находятся и разрабатываются новые месторождения: (Россия, Казахстан, Туркмения, Ангола, Гвинея, Нигерия, Венесуэла и пр.); страны-транзитеры (Беларусь, Грузия, Украина, Турция и пр.) [1].

2. Лидером роста современной индустриальной энергетики является Китай. За 2000–2015 гг. потребление энергии в этой стране возросло почти в 3 раза. Сегодня Китай потребляет 11,8 % мировой добычи нефти [2].

3. Большой разброс цен на энергетические ресурсы во второе 10-летие XX в. Цветные революции XXI в. вызвали рост цен на нефть, а затем быстрый спад до \$28 за баррель в январе 2016 г. Это привело к резкому обострению социальных противоречий между «богатыми» и «бедными» странами [3].

4. Ужесточение правил доступа ТНК к национальным нефтяным ресурсам. На смену «семи сестрам» (BP, Shell, Exxon, Gulf, Mobil, Socal, Техасо) – транснациональным нефтяным компаниям, владевшим более чем половиной всех запасов в начале 1990-х гг., пришли новые «7 сестер» (Saudi Arameo, NIOC, PDVSA, CNPC, Gazprom, Petrobas, Petronas), находящиеся в государственной собственности своих стран. Эти государственные компании владеют более 30 % запасов и обеспечивают треть мировой добычи углеводородов. Тогда как на долю прежних нефтяных «акул» приходится сегодня всего 3 % запасов и 10 % мировой добычи [3].

5. Ускоренное развитие нетрадиционных углеводородов, таких, как сланцевый газ и сланцевая нефть. Так, в энергетике США происходят глубинные изменения, обусловленные новыми технологиями добычи, открывающими доступ к ресурсам нефти из малопроницаемых пластов и сланцевого газа. Это стимулирует экономическую активность в стране, так как снижение цен на газ и электроэнергию дает промышленности конкурентные преимущества, и изменяет положение Северной Америки в мировой торговле энергоресурсами [1].

6. Изменение места Беларуси в геополитической конфигурации энергетического рынка. Ее статус – страна-транзитер и нетто-импортер энергетических ресурсов в центре Европы. Беларусь импортирует значительные объемы нефти, газа и электроэнергии (более 95 % всех поставок осуществляются из России). Гарантом сохранения национально-государственного суверенитета страны является вовлеченность в интеграционные процессы и с Евросоюзом, и с Россией. Для данной геополитической ситуации белорусским национальным интересам наиболее отвечает принцип «ассиметричного сцепления». Его реализация допускает полноправный интеграционный союз с одним из центров силы (в данном случае, с Россией) и одновременное ассоциированное членство в Евросоюзе, участие в

предполагаемой зоне свободной торговли в рамках организации Восточного партнерства и в Таможенном союзе ЕврАзЭС. В таких условиях наша страна может стать местом встречи энергетическо-сырьевых потоков с востока и высоких технологий – с запада. [3].

Обеспечение глобальной и национальной энергетической безопасности находится в тесной зависимости от вызовов и угроз современности. Глобальными социально-политическими угрозами в контексте энергетики являются:

1. Риск роста насилия, связанный с высокой зависимостью мировой экономики от нефти и газа, что может выражаться как в локальных конфликтах, так и в региональных, а потенциально – и в глобальном противостоянии. Ирак, Сирия, Нигерия, Южный Судан, Украина, Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря – повсюду разгораются новые или активизируются старые конфликты.

2. Обострение политической ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В этом регионе находятся несколько равноценных по политико-экономическому потенциалу центров силы: Саудовская Аравия, Иран, Катар. Игроки затрачивают серьезные дипломатические и военные усилия для поддержания относительной стабильности в регионе и извлечения собственной выгоды из центра мировой добычи углеводородов. Глобальное противостояние между Саудовской Аравией и Ираном привело к возникновению горячих точек в Ираке, Йемене, Ливане и Сирии, где каждая из сторон поддерживала близкие ей политические силы. Основная причина этого заключается в возникшей после «арабской весны» политической ситуации, воздействие которой на общества ближневосточных стран было усилено экономическим эффектом от падения цен на углеводороды [4]. Вдобавок, в 2017–2018 гг. обострился конфликт Саудовской Аравии с Катаром, претендующим на энергетическое лидерство на Ближнем Востоке. Умело распорядившись нефтегазовыми ресурсами, Катар построил мощную экономику, установил тесные дипломатические отношения с США, которые открыли на его территории крупнейшую военную базу. Отдельно отметим, что эстремистская группировка «Исламское государство» без нефти не могла даже надеяться на достижение своих целей.

3. Усиление военного присутствия в богатых энергоресурсами странах крупнейших импортеров энергоресурсов, прежде всего США и Китая. Они являются потенциальными провокаторами наиболее опасных конфликтов, связанных с лоббированием своих интересов. Основой военной стратегии в ресурсных регионах является т. н. «доктрина Картера», заключающаяся во всесторонней защите стран Персидского залива (а в дальнейшем, и других ключевых регионов) от угроз, способных нанести вред энергетической безопасности США. Стратегию усиления военного присутствия в богатых энергоресурсами странах в настоящее время реализует и

Китай, установив тесные военные связи с Суданом и Нигерией. Таким образом, на Африканском континенте существует риск столкновения интересов США и Китая, что потенциально может привести к военному конфликту [1].

4. Существенный рост влияния на мировой арене государственных энергетических компаний. Если в 1978 г. международные компании с преобладанием частного капитала контролировали 70 % нефтегазовых запасов, то теперь их доля сократилась до 20 %. На мировом энергетическом рынке преобладают 7 государственных компаний, которые в корне меняют взаимоотношения государств и частных игроков, обостряя борьбу за энергоресурсы [1].

5. «Ресурсный национализм» – ужесточение государственного контроля над природными ресурсами, прежде всего в добывающих странах, что дает им возможность продвигать свои интересы на мировой арене. Это означает увеличение доли государства в капитале добывающих компаний, а также ограничение на иностранные инвестиции в энергетической сфере, что нередко сопровождается пересмотром уже существующих договоров. Это увеличивает риск снижения инвестиций в развитие бизнеса контролируемых государством компаний, значительная часть доходов которых направляется на финансирование социальных программ [1]. В качестве примеров стран, которые проводят политику «ресурсного национализма», выделяются Россия и Венесуэла [1].

Под влиянием вышеуказанных факторов современный рынок энергоресурсов, и прежде всего нефти, в середине 2014 г. перешел в депрессивное состояние. Государства стремятся обеспечить себя надёжными энергетическими ресурсами, как путём установления контроля над традиционными энергоресурсами (в том числе используя меры политического и экономического давления), так и за счёт внедрения передовых технологий добычи и переработки углеводородов, использования возобновляемых источников энергии [6, с. 29]. В этом направлении активно действуют и транснациональные корпорации (ТНК), которые ведут незримый бой за будущее мира.

В этой ситуации создание глобальной энергетической системы становится одним из важнейших приоритетов устойчивого развития, так как энергетика обеспечивает решение ряда глобальных проблем человечества и предупреждает их возникновение. В настоящее время около 1,2 млрд человек (17 % от мирового населения), преимущественно в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и Центральной Африки, продолжают жить без электричества. Бесспорно, проблема надёжного обеспечения потребителей конечными видами энергии остаётся более чем актуальной.

Использование энергоресурсов в качестве инструмента политического давления провоцирует рост международного терроризма, религиозного экстремизма, диктаторских режимов, государственную коррупцию, экономическую преступность, региональные конфликты, производство и транспорт наркотиков.

Сейчас закладываются основы будущей острой конкурентной борьбы между энергетическими лидерами (США, Западная Европа, Япония) и развивающимися странами (Китай, Индия, Бразилия) за свободный доступ к традиционной сырьевой базе. Ситуация усугубляется тем, что развивающиеся страны, ради сохранения ускоренных темпов своего экономического роста, стремятся повторить уже пройденный индустриальными сообществами путь промышленного экономического развития, сопряженный с избыточными энергетическими затратами. Тем самым, они во многом повторяют ошибки энергетических гигантов, почти не пытаясь осваивать более совершенные и экономные энерго- и ресурсосберегающие модели.

Список литературы

1. Трачук, К. В. Современные исследования проблем энергетической безопасности: теоретические аспекты [Электронный ресурс] / К. В. Трачук // Киберленинка.ru. – 2013. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-issledovaniya-problem-energeticheskoy-bezopasnosti-teoreticheskie-aspekty>. – Дата доступа: 04.03.2020.
2. Чиж, А. М. Проблема энергетической безопасности во внутренней и внешней политике государств: основные направления исследований [Электронный ресурс] / А. М. Чиж // Бел. гос. ун-т. – 2016. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/165599/1/158-164.pdf>. – Дата доступа: 15.02.2019.
3. Давтян, В. Энергетическая безопасность как политическая категория [Электронный ресурс] / В. Давтян // Киберленинка.ru. – 2010. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/energeticheskaya-bezopasnost-kak-politicheskaya-kategoriya>. – Дата доступа: 15.02.2020.
4. Кашулин, Д. А. Энергетическая безопасность государства в современном политическом процессе: отечественный и зарубежный опыт : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Д. А. Кашулин. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2016. – 175 л. // Библиотека диссертаций [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/glob-razvitiye/energeticheskaja-bezopasnost-gosudarstva-v-sovremennom-politicheskom-processe.html>. – Дата доступа: 29.03.2020.
5. Иванов, А. Мировая энергетика на рубеже 2018 г.: трансформация продолжается, обретая новые оттенки / А. Иванов, И. Матвеев // Бурение и нефть [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://burneft.ru/archive/issues/2017-12/4/>. – Дата доступа: 03.03.2020.
6. Родионов, В. Г. Энергетика: проблемы настоящего и возможности будущего / В. Г. Родионов. – М. : ЭНАС, 2010. – 352 с.

Ж. А. Короткевич

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
jane_korotkevich@mail.ru)

ИДЕЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

В условиях глобализации идеология межкультурности, базирующаяся на идее готовности индивида к участию в диалоге культур, выходит на первый план в исследованиях и социальных практиках. В этой связи очевидна

целесообразность овладения иноязычным общением. Иностранный язык как средство коммуникации рассматривается в современных условиях как ценность не только для отдельного человека, но также и для государства и мира в целом. Вполне очевидно, что «горизонты» иноязычного межкультурного взаимодействия плюралингва значительно шире по сравнению с «горизонтами» монолингва. В региональных масштабах сегодня человек образованный – это человек, в разной мере владеющий двумя и более иностранными языками для реализации коммуникативных намерений в различных ситуациях межкультурного общения. Иностранный язык в условиях глобального мира – это прежде всего инструмент реализации межкультурного диалога. Именно поэтому внимание мировой общественности направлено на обеспечение высокого качества языкового иноязычного образования. Влиятельные общественные организации ведут активную деятельность по пропаганде и реализации многовекторной образовательной политики в области языкового иноязычного образования, предусматривающей гарантированное право индивида на изучение востребованных им иностранных языков в любом возрасте и в объеме, необходимом для осуществления общения; не просто изучение нового языка, но определенную культурную ассимиляцию в процессе овладения им как средством коммуникации, позволяющую пользователю понять менталитет народа – носителя этого языка. Таким образом, развитие системы языкового иноязычного образования в условиях глобализации вышло далеко за пределы отдельных государств и осуществляется на основе таких принципов, как обучение через всю жизнь, диверсификация и плюралингвализм, при сохранении лучших национальных традиций в области преподавания и изучения иностранных языков.

До недавнего времени концепция межкультурности казалась гарантированно надежной. Тем не менее, современные условия развития системы образования в целом и системы языкового иноязычного образования в частности – это условия все большей открытости и неопределенности, постоянно расширяющегося телекоммуникационного взаимодействия, интернационализации. К ставшим сегодня очевидными вызовам глобализирующегося многополярного, полиэтнического, многоконфессионального, мира, по мнению экспертов, относятся такие, как культурная и образовательная экспансия или даже культурный империализм [1, с. 13]. В сложившихся условиях именно в процессе преподавания иностранного языка существует угроза насаждения – через язык и технологии обучения – культурных ценностей, замены исконной культурной идентичности обучающихся. В ходе преподавания предметного содержания на иностранном языке может быть создана ситуация конкуренции ценностей. Очевидна актуальность «обновления способов, инструментов обеспечения миропорядка, повышения безопасности среды обитания человеческих сообществ» с использо-

ванием арсенала «средств мягкой силы», связанных «с культурой как феноменом, определяющим жизненное существование человечества: мягкая сила ассоциируется с культурой безопасности, стратегической культурой, общей политической культурой» [1, с. 14].

Анализ развития системы обучения иностранным языкам в отечественной и зарубежной школе позволяет заключить, что язык и культура постоянно взаимодействуют в образовательном процессе по иностранным языкам в массовой школе, начиная с конца XIX века. Сегодня можно констатировать тот факт, что в лингводидактике как теории обучения иностранным языкам «контакт» языка и культуры неизбежен в силу их функционального сходства в практике социального взаимодействия, но в то же время возможны разные подходы к изучению характера этого «контакта».

Так при страноведческом и лингвострановедческом подходах изучающим иностранный язык через как правило страноведческие, преимущественно печатные, тексты сообщается информация о культуре страны изучаемого языка, необходимая для более точного и полного понимания и дальнейшего использования в речи языковых средств в единстве их формы и значения. В особенности это касается лексических единиц с национально-культурным компонентом семантики, посредством которых обучающийся пытается «проникнуть» в культурный план изучаемого иностранного языка и познакомится таким образом с «иной культурой». При этом он выступает в роли своего рода стороннего наблюдателя, не включенного непосредственно в контекст аутентичного межкультурного взаимодействия. «Межкультурный диалог» осуществляется опосредованно, через текст и анализ структуры семантики культурно-маркированных лексических единиц.

Таким образом, при страноведческом и лингвострановедческом подходах в качестве основных единиц обучения могут выступать учебные страноведческие или аутентичные тексты, содержащие лексические единицы с национально-культурным компонентом семантики, отражающие специфику культуры страны изучаемого иностранного языка и возможно иноязычные единицы выражения реалий родной культуры обучающихся. При этом отбор лингвострановедческого лексического минимума осуществляется в соответствии с принципами частотности, распространенности и употребительности. Если рассмотреть список самых популярных по версии авторитетных Британских словарей Collins и Оксфордского словаря слов за последние 6 лет (photobomb – 2014, emoji – 2015, post-truth – 2016, youthquake – 2017, toxic – 2018, climate emergency – 2019), даже в первом приближении видны ограничения страноведческого и лингвострановедческого подходов для ответа на вызовы современности.

Есть ограничения и у появившегося в лингводидактической теории и практике преподавания иностранных языков в середине 1990-х гг. социокультурного подхода, при котором обучающийся «помещается» в специ-

ально моделируемый в учебных целях контекст бикультурного взаимодействия в роли культурного посредника, представляющего родную культуру и используя при этом иностранный язык в качестве средства межкультурной коммуникации, в процессе которой происходит не только знакомство с культурой страны изучаемого языка, но своего рода диалог культур. У обучающегося формируется специальный «интерпретационный механизм», позволяющий ему понять и интерпретировать факты иной культуры с позиции смысла. В то же время такой учебный диалог позволяет создать условия, в которых обучающийся овладевает умениями объяснить иное для собеседника – предполагаемого представителя иной культуры – непонятное для него в родной культуре обучающегося. В образовательном процессе применяются такие средства обучения, как аутентичные тексты на иностранном языке, аутентичные аудио- и видео подкасты как продукты зарубежной культуры; а в качестве основной единицы обучения используются не текст и не культурно-маркированная лексика, а речевые ситуации, моделирующие кросс-культурное взаимодействие участников иноязычной коммуникации. Стратегическая цель процесса обучения иноязычному общению при этом видится в формировании социокультурной компетенции как совокупности «знаний о национально-культурной специфике стран изучаемого языка, умений строить свое речевое и неречевое поведение в соответствии с этой спецификой, умений представлять на этой основе свою страну и ее культуру в условиях иноязычного межкультурного общения» [2, с. 4].

В условиях глобального мира «важно воспитывать <...> человека с гуманистическими личностными ориентациями, способного обеспечить свою собственную безопасность и безопасность общества, членом которого он является» [1, с. 14]. В этой связи актуализируется межкультурный подход, при котором обучение происходит в условиях естественного межкультурного контекста, в котором стираются границы между родной культурой и культурой страны изучаемого языка. Реализация стратегической цели образовательного процесса – формирование межкультурной компетенции как способности осмысления иной культуры, познания смысловых ориентиров другого лингвосоциума и умения учитывать их в процессе иноязычного общения – направлена на обеспечение готовности обучающегося к межкультурному диалогу. В качестве основных единиц обучения выступают аутентичные ситуации межкультурного взаимодействия, аутентичные двуязычные тексты – продукты двух культур, переводные художественные произведения двух культур, интернет-коммуникации и ресурсы.

Список литературы

1. Тарева, Е. Г. Обучение межкультурному диалогу как инструмент «мягкой силы» / Е. Г. Тарева // Вопросы методики преподавания в вузе = Teaching Methodology in Higher Education. – 2016. – № 5 (19-2). – С. 13–19.

2. Иностранные языки (английский, немецкий, французский, испанский, китайский) : учеб. программа для учреждений общего среднего образования с бел. (рус.) яз. обучения и воспитания. VII кл. – Минск, 2017. – 15 с.

А. А. Косорукова

(Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия,
a.kosorukova@yandex.ru)

КЛАССИЧЕСКИЙ КОУЧИНГ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ

Современные коммуникации часто существуют в парадигме максимизации эффективности. При всех дискуссионных сторонах данной тенденции стремление к повышению эффективности проявляется в коммуникации как развитие важнейшего аналитического навыка – решения задач. Одной из набирающих популярность технологий решения задач посредством правильно задаваемых вопросов и поиска ответственного ответа на них является психологическая, педагогическая и управленческая технология коучинга.

Классический коучинг возникает первоначально как технология в сфере менеджмента, причем в области деятельности как руководителей, так и в отношении работников любого звена. Коучинг можно понимать как вид консультационной поддержки, в которой тренер-коуч приводит клиента к самостоятельному формулированию решения задачи путем методически задаваемых вопросов. Термин был введен английским бизнесменом и консультантом Джоном Уитмором [1], от которого ведет начало так называемый «классический коучинг». Классический коучинг отличается от последующих многообразных форм коучинга (прежде всего такого полярного направления, как экспертный коучинг) набором правил, направленных на пробуждение у субъекта-клиента собственной «экспертности», а именно – умением самостоятельно находить ответ на вопрос или внутренний ресурс для решения проблемы.

Целью коучинга в сфере бизнеса являются [2]:

- повышение эффективности деятельности компании,
- повышение эффективности работы сотрудников,
- развитие потенциала сотрудников.

Коучинг, перенесенный в индивидуальную работу по личностному запросу, соответственно преследует такие цели, как развитие потенциала и повышение эффективности решения жизненных задач субъекта-клиента.

Интересно, что метод коучинга из психологии и менеджмента может быть в пределе распространен на любые коммуникации. Принципы классического коучинга [3] могут быть рассмотрены как потенциально применимые в коммуникации разных типов. Рассмотрим основные из них.

1. Коучинг направлен на выявление внутренних ресурсов клиента (ресурсного состояния, то есть такого, в котором субъекту-клиенту хорошо, комфортно, эффективно решаются задачи и т. п.). Процесс поиска решения оказывается тесным образом связанным с диалоговым взаимодействием, где вопросы коуча открывают для клиента-субъекта новые аспекты задачи.

2. «Коуч – окей, клиент – окей». Коуч не ставит себя ни на место абсолюта, ни на место выше субъекта-клиента. Субъект-клиент – равноценный участник диалога и сотрудник в процессе поиска решения его затруднения, а в пределе – он тот, кто решает свое затруднение сам. Умение видеть другого человека в его реальных и потенциальных хороших качествах – важнейшее коммуникативное умение.

3. Недирективность коуча: коуч не навязывает своих мнений, «диагнозов» ситуации. Данное правило находит отражение в метафоре «Хороший коуч – ленивый коуч».

4. Из недирективности вытекает идея ненавязчивости, ненасилия, невмешательства, которая обоснована таким представлением о субъекте-клиенте, в котором субъект-клиент считается экспертом своей жизни. Коучинг отличается от психологического консультирования как раз тем, что в последнем ставятся «диагнозы» и даются рекомендации, в классическом коучинге это табу. Как коммуникативный навык такого рода нейтральная установка может быть полезной в коммуникации, если ее рассматривать как компонент принципа беспристрастности – умения видеть объективные задачи коммуникации.

5. Важнейшим подходом к диалогу по методу классического коучинга является позиция уважения индивидуальности субъекта-клиента. Предполагаемые затруднения, которые клиент намерен решить с помощью обращения к коучу, рассматриваются как недопонимание самим субъектом-клиентом, а путь решения, соответственно, лежит через расширение мышления, увеличение «угла обзора».

Коучинг как технология решения задач посредством коммуникации предполагает определенные схемы ведения диалога, которые помогают коммуникации быть не только информативно, но и экзистенциально (ценностно) значимой. Метод классического коучинга (по Д. Уитмору, Э. Аткинсон и др.) предполагает разнообразные модели, последовательности вопросов. Важнейшей методической основой классического коучинга является модель GROW и пирамида логических уровней Дилтса. Данные модели задают направления и формы вопросов, которые коуч обращает к клиенту.

Модель GROW (Goals, Reality, Opportunities, Ways – Цели, Реальность, Возможности, Пути) представляет собой области жизни субъекта-клиента, о которых коуч расспрашивает, стремясь выявить сильные и слабые стороны имеющегося положения дел. Модель логических уровней Дилтса также направляет вопросы коуча по определенной последовательности сфер

жизни субъекта-клиента. При этом в модели Дилтса помимо сфер имеющегося наличного положения дел (Окружения, Действия, Способности) появляются такие сферы, как Убеждения, Ценности, Образ идеального Я, Миссия. Заданные на данных «уровнях» вопросы коуча проясняют субъекту его собственные чаяния, верования, принципы, иногда принципиальные конструктивные позиции, иногда неконструктивные принятые на веру расхожие мнения.

Вопросы на уровнях Убеждений, Ценностей, Образа идеального Я, Миссии являются рациональной процедурой проговаривания в диалоге важнейших мировоззренческих установок. Такое понимание себя является важнейшей гуманистической ценностью методики коучинга. Важно, что данный процесс проблематизируется в коучинге как процесс глубоко личностный, индивидуальный. Никто не может понять за самого человека, какое идеальное «Я» он хранит как очень важный, «ресурсный» (дающий силы и вдохновение) образ.

Классический коучинг помогает разрешать различные практически и духовно значимые задачи, начиная с житейских затруднений и заканчивая принятием стратегических решений руководителями. В современной мире актуальным является вопрос о личной ответственности и творческом пути решения нестандартных ситуаций. Коучинг предлагает осмысление направлений, по которым могут задаваться вопросы, и связывает различные ходы мысли воедино, выявляя мыслительный потенциал для формулировки наилучшего пути. При всем этом коучинг основан на процессе диалога, который всегда был известен как место, где рождается истина.

Список литературы

1. Уитмор, Дж. Коучинг высокой эффективности / Дж. Уитмор. – М. : Междунар. акад. корпоративного управления и бизнеса, 2008.
2. Горностаева, Ж. В. Коучинг как метод повышения эффективности деятельности предприятия / Ж. В. Горностаева // Экон. вестн. Ростов. гос. ун-та. – 2007. – Т. 5, № 1–2. – С. 86–88.
3. Аткинсон, М. Жизнь в потоке / М. Аткинсон. – М. : Альпина Паблишер, 2020.

К. И. Костиневич

(Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, kostinevich.kirill@mail.ru)

СОВЕТ РЕСПУБЛИКИ КАК СУБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Субъект политической коммуникации – это политический актор, который инициирует коммуникационный акт, создаёт сообщение, определяет

его направление и получателя, пути обратной связи, с целью достижения поставленных целей. Основными субъектами политической коммуникации выступают органы власти, общество и гражданин. Также к политико-коммуникационным акторам относятся институты-медиаторы, которые помимо достижения собственных целей призваны играть роль канала опосредованной коммуникации между властью (СМИ, партии, общественные объединения и др.).

В политической коммуникации органов власти и граждан сигналы обратной связи отражают, смогло ли достичь отправленное сообщение поставленной цели: чем больше число сигналов обратной связи, тем выше эффективность коммуникационного акта. Одним из важнейших сигналов обратной связи для органов власти выступают обращения граждан и юридических лиц, которые способствуют легитимации органов власти, выступают источником информации в процессе принятия решений и позволяют гражданам оказывать воздействие на власть и контролировать её. Динамика обращений, поступающих в орган власти в разные годы, позволяет отслеживать трансформацию роли субъекта политической коммуникации и форм обратной связи, что отражает пример Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь в XXI в.

Так, в начале 2000-х гг. роль Совета Республики росла: с 2001 по 2006 гг. число обращений непосредственно в Совет Республики постоянно увеличивалось (с 1614 до 2173) [1, с. 13; 2, с. 33], после чего наблюдается снижение показателей до 2009 г., включительно (460) [3, с. 56]. Затем показатель обращений увеличивается до 1800 в первом полугодии 2011 г. [4, с. 57], после чего значительно снижается: до 288 в 2015 г. [5, с. 58; 6, с. 52] и немного увеличивается до 636 в 2017 г., в 2018 г. показатель был равен 523 [7, с. 70].

Однако общее число обращений в адрес Совета Республики и его членов во второй половине 2010-х гг. увеличивалось, что связано с ростом числа обращений, принятых лично членами Совета Республики, особенно на местном уровне. В 2018 г. в ходе личных приёмов граждан было принято 6974 обращения [7, с. 70], тогда как в 2015 г. – 2328 [5, с. 62; 6, с. 54]. Рост числа прямых обращений в первую очередь связан с возросшим количеством приёмов граждан членами Совета Республики: с 356 в 2015 г. [5, с. 62; 6, с. 54] до 1550 в 2018 г. [7, с. 70]. Также выросло число выездных приёмов со 140 в 2015 г. [5, с. 62; 6, с. 54] до 497 в 2018 г. [7, с. 70]. Соответственно, увеличилось число граждан, принятых членами Совета Республики: с 1530 в 2015 г. [5, с. 62; 6, с. 54], до 4162 в 2018 г. [7, с. 70].

При этом число обращений в иные республиканские органы управления снижается либо остаётся неизменным. Так, число обращений в Администрацию Президента во второй половине 2010-х гг. держится примерно на одном уровне: в 2016 г. – 24291, в 2017 г. – 27318 [8, с. 61], в 2018 г. –

24710 [9], однако в середине 2000-х данные показатели были выше, например, в 2005 г. – 36342 [10, с. 90]. Число обращений в Совет Министров на протяжении XXI в. держится на одном уровне, к примеру, в 2005 г. поступило 5492 обращения [10, с. 90], а в 2018 г. – 5217 [9]. При этом число обращений в Палату представителей в 2010-е гг. значительно снизилось. Так, в 2000-е гг. их число увеличивалось и к 2007 г. составляло 4688 обращений [11, с. 217; 12, с. 201], а в 2018 г. данное число равнялось 1905 [13, с. 181; 14, с. 187].

Таким образом, роль Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь как субъекта политической коммуникации власти и общества заметно возросла в последние годы, начиная с 2017 г. Представляется, что Совет Республики отчасти «перехватывает» сигналы обратной связи в виде обращений граждан и юридических лиц у Администрации Президента и Палаты представителей за счёт активной работы на местном уровне, что может отражать формирование условий для трансформации процесса политической коммуникации власти и общества в Республике Беларусь, в первую очередь, отражаясь в диверсификации субъектов коммуникации, получающих сигналы обратной связи, и трансформации форм взаимодействия органов власти и граждан.

Список литературы

1. Итоги четвертой внеочередной сессии Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь второго созыва (31 января 2002 г.) : информ.-аналит. материалы / Парламент – Нац. собрание Респ. Беларусь. – Минск, 2002. – 45 с.
2. Об итогах работы пятой сессии Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь третьего созыва (2 октября – 20 декабря 2006 г.) / подгот.: О. И. Бекасова [и др.]. – Минск : БДП, 2006. – 72 с.
3. Об итогах работы пятой сессии Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь четвертого созыва (4 октября – 22 декабря 2010 г.) / подгот.: О. И. Бекасова [и др.]. – Минск : [б. и.], 2011. – 128 с.
4. Материалы шестой сессии Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь (4 апреля – 30 июня 2011 г.) / подгот.: О. И. Бекасова [и др.]. – Минск : Секретариат Совета Республики Нац. собрания Респ. Беларусь, 2011. – 116 с.
5. Материалы по итогам седьмой (15–16 января 2015 г.) и восьмой (2 марта 2015 г.) внеочередных сессий, девятой сессии (2 апреля – 30 июня 2015 г.) Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь пятого созыва [Электронный ресурс] / подгот.: С. А. Бервин [и др.] // Совет Республики Нац. собрания Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://docs.google.com/viewer?docex=1&url=http://sovrep.gov.by/uploads/files/Itogi2015.pdf>. – Дата доступа: 02.03.2020.
6. Материалы по итогам десятой сессии (2 октября – 18 декабря 2015 г.) Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь пятого созыва [Электронный ресурс] / подгот.: С. А. Бервин [и др.] // Совет Республики Нац. собрания Респ. Беларусь. – Режим доступа: [https://docs.google.com/viewer?docex=1&url ; http://sovrep.gov.by/uploads/files/itogi-5-10.pdf](https://docs.google.com/viewer?docex=1&url=http://sovrep.gov.by/uploads/files/itogi-5-10.pdf). – Дата доступа: 02.03.2020.
7. Деятельность Совета Республики в 2018 году: итоги и инициативы / Совет Республики Нац. собрания Респ. Беларусь. – Минск : Бел. дом печати, 2019. – 77 с.

8. О работе с обращениями граждан // Информационный бюллетень Администрации Президента Республики Беларусь: Государство для народа / Администрация Президента Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Вып. 261, № 2. – С. 54–65.

9. Количество обращений в Администрацию Президента в 2018 году сократилось на 9,5 % [Электронный ресурс] // БелТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/kolichestvo-obraschenij-v-administratsiju-prezidenta-v-2018-godu-sokratilos-na-95-333796-2019>. – Дата доступа: 02.03.2020.

10. Невыглас, Г. Информационный бюллетень Администрации Президента Республики Беларусь / Г. Невыглас // Администрация Президента Респ. Беларусь. – Минск, 2006. – Вып. 118, № 3. – С. 84–100.

11. Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь третьего созыва (шестая сессия). I полугодие 2007 года : информ.-аналит. бюллетень / Палата представителей Нац. собрания Респ. Беларусь. – Минск, 2007. – 240 с.

12. Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь третьего созыва (седьмая сессия). II полугодие 2007 года : информ.-аналит. бюллетень / Палата представителей Нац. собрания Респ. Беларусь. – Минск, 2007. – 222 с.

13. Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь шестого созыва (четвёртая сессия). I полугодие 2018 года : информ.-аналит. бюллетень [Электронный ресурс] // Палата представителей Нац. собрания Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://house.gov.by/uploads/folderForLinks/bulleten-jan-jun-4sess.pdf>. – Дата доступа: 02.03.2020.

14. Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь шестого созыва (пятая сессия). II полугодие 2018 года : информ.-аналит. бюллетень [Электронный ресурс] / Палата представителей Нац. собрания Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.house.gov.by/uploads/folderForLinks/bjulletenj-5-sessija.pdf>. – Дата доступа: 02.03.2020.

И. В. Котляров

(Институт парламентаризма и предпринимательства, г. Минск,
Kotlarov2018@tut.by)

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОД КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ БУДУЩЕГО

Человечество находится в условиях рисков и угроз, бифуркаций и катаклизмов, когда все, что окружает людей, сопряжено с неясностью и неопределенностью, энтропией и турбулентностью. Меняется баланс сил, ускоряется процесс передела сфер влияния, система международных структур не справляется с ростом напряженности. Разрушаются традиции, нормы и стереотипы, уничтожается историческая память, сферы жизнедеятельности деформируются, нивелируются прежние ценности, новые существуют во множестве непонятных моделей и матриц, парадигм и вариантов, выбор которых предоставляется весьма затруднительным.

Белорусское общество находится сегодня на таком этапе развития, когда поиск путей укрепления суверенитета и повышения эффективности государственности требует создания новой парадигмы управления реальностью.

Но какой должна быть эта парадигма? Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко, выступая на торжественном собрании, посвященном Дню Независимости Беларуси, в июне прошлого года, подчеркнул, что «воля, мужество, смелость и истинный патриотизм характеризовали, по мнению президента, предков современных белорусов. Этот своеобразный генетический код должен помочь сохранить страну» [1].

Что такое код? В науке под кодом понимается совокупность средств биологического и социального характера, посредством которой комплекс информации хранится, воспроизводится и передается во многих поколениях [2–4].

Особый интерес представляет генетический код человека как система записи наследственной информации, в которую включена формула жизни. Со смертью человека генетический код сохраняется в генофонде его потомков и таким образом формируется человеческая популяция. При передаче генетической информации последующим поколениям возможно появление дополнительной информации, которая в определенном смысле меняет содержание кода и вносит изменения в дальнейшую жизнь человека [2–4].

Каждое территориальное образование развивается в соответствии со своими обычаями и традициями, ценностями и особенностями, исторической памятью и бытом. Именно они детерминируют специфику развития территорий. Регионы можно рассматривать как социальные организмы, внутри которых происходит обмен информацией, обеспечивающей взаимодействие с внешним миром. В них наблюдаются процессы формирования источников развития и сохранения наследственных особенностей бытия и хозяйствования. В данном случае речь идет о передаче специфической информации способом, который существенно отличается от генетического. Многие ученые называют эту информацию социальным кодом или социокодом [2–4].

Социальный код представляет собой комплекс информации, накопленной ранее и имеющейся в распоряжении социальных акторов. В его состав входят знания и искусственные способы деятельности, которые не могут транслироваться индивидами через физическое рождение. Социальный код, будучи искусственной знаковой реальностью, существенно отличается от генетического кода способом воспроизводства информации.

Человек испытывает двойную детерминацию. Это наследственность, врожденные качества и биологические инстинкты, с одной стороны, влияние обстоятельств и социальной среды, воспитания и культуры – с другой. Биосоциальность создает целостность человека. В нем, как и в каждом социуме, социальное вырастает из природного, сохраняя живые начала, данные природой. Генетический и социальный коды, являясь движущими силами развития социумов, детерминируют их будущее. Единство генети-

ческого и социального кодов трансформируется в цивилизационный код, который является одним из важнейших факторов развития всего живого на планете Земля.

Цивилизационный код – это строго фиксированный набор доминирующих в обществе генетических и социальных знаков, ценностей и символов, устойчивый комплекс формальных и неформальных принципов и правил, норм и установок трансляции и сохранения исторической памяти, поведенческих форматов и знаний, благодаря которым социальный опыт и смысл жизни, взгляды и традиции, умения и навыки, формы общения и социальные уклады передаются от поколения к поколению, являются источником жизненных планов, стратегий и перспектив развития, формируют комплекс ролей и статусов, способных стать основой для сохранения и развития цивилизационных отношений. Уникальность цивилизационного кода заключается в том, что он детерминирует историческое понимание прошлого, порождает определенное отношение к современной социальной реальности и направляет создание моделей будущего общества [2–4].

Цивилизационный код предполагает наличие глубинных факторов и архетипических черт, ценностей и символов, исторических традиций и особенностей ментальности, мыслительных схем и алгоритмов деятельности, коллективных представлений и морально-нравственных факторов. Среди этих параметров выделяются поведенческие характеристики, связанные с социально-психологическими и ментальными стереотипами и традициями, духовной идентификацией, коллективными представлениями и устремлениями, различными социальными и идеологическими ориентирами.

Прошлое, настоящее и будущее являются важнейшими факторами теории цивилизационного кодирования. Каждый из них имеет системообразующие элементы, целенаправленное влияние на которые предполагает заранее намеченные результаты. Для кластера «прошлое» – это историческая память и традиции, «настоящее» – социальные механизмы влияния на реальность, «будущее» – прогнозы.

Для эффективной работы над созданием теории цивилизационного кодирования важно разработать концепцию цивилизационного кода, его социально-политической модели как феномена, выражающегося в наличии взаимодополняющих духовных ценностей индивидуального, группового и массового сознания, и философско-исторических установок, детерминирующих совершенствование социальных отношений в жизни общества. Тем более, что цивилизационный код можно понимать как идею, модель, знаковую структуру, действие, принцип, чувство, социальную практику, правила сочетания и упорядочения символов и конструктов [2–4].

Будущее – это конечная ступень модели цивилизационного кодирования. Будущее – это целостное представление о мире, гипотетическая часть линии времени, множество событий, которые ещё не наступили, но могут произой-

ти. Это тот период времени, который наступит после настоящего, причем без четкого знания временных рамок и пространственных границ [2–4].

Основы будущего заложены в человеке, его личностных качествах, духовности и смысле жизни, знаниях и ценностях; эмоциях и символах, умениях и навыках, принципах и правилах. Они появились у человека очень давно. Их основания уходят в древние времена, когда люди, обладая свойством разумности как особой формы творческой рефлексии, увидели и стали осмысливать окружающий мир и самих себя в нем. Это было глубокое эмоциональное потрясение, которое выразилось в уважении природы, преклонении перед ней, восхищении жизнью, стремлением сделать ее лучше [2–4].

Цивилизационный код – это историческая память и будущее, идеология и мировоззрение людей, ценности и смысл жизни, организация и стиль. Различные социальные и политические субъекты предлагают разные векторы развития общества, стремясь обеспечить его процветание. Для успешного продвижения вперед необходим комплексный анализ взаимосвязи, характера и динамики развития политических и социально-экономических структур, социальных слоев населения и системообразующих элементов цивилизационного кода, формирование на этой основе исторической и культурно адаптированных моделей национального развития.

Список литературы

1. Торжественное собрание по случаю Дня Независимости Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/torzhestvennoe-sobranie-posluchaju-dnja-nezavisimosti-belarusi-19040. – Дата доступа: 01.01.2019.
2. Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение / И. В. Котляров [и др.]; редкол.: И. В. Котляров (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Бел. наука, 2017. – 392 с.
3. Котляров, И. Зачем ломать цивилизационный код белорусского общества (социологическое измерение) / И. Котляров // Иппокрена. – 2017. – № 1. – С. 126–139.
4. Котляров, И. В. Цивилизационная парадигма белорусского общества: теоретико-методологические основания / И. В. Котляров // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2016. – № 4. – С. 20–32.

О. Ю. Кравцов

(Национальный институт образования, Министерство образования
Республики Беларусь, г. Минск, kravtsov_78@mail.ru)

ПРАКТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИДЕЙНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Беларусь и Россия являются стратегическими партнерами, которые на протяжении многих лет строят Союзное государство. Союзное государство, прежде всего, – социально-политический проект, соответственно, к нему применимы все методы и принципы управления социальными проектами.

1. Проектирование будущего. Практико-методологический аспект.

Социальный проект – в широком смысле – замысел по преобразованию социальной действительности, в узком смысле – документально оформленное описание 1) совокупных характеристик будущей социальной системы, 2) путей достижения заданных результатов.

После распада СССР в России был дан старт либерально-демократическому проекту, который осуществлял тот же политический класс, который не сумел построить коммунизм в Советском Союзе. Среди сильных сторон либерального проекта выделим: 1) концептуальный фундамент, 2) наглядный опыт практической успешности, 3) наработанная методология реализации в транзитивных обществах. Как известно, либеральный проект был прекращен, и страна оказалась поставленной перед необходимостью поиска иного пути развития.

Тезис о невозможности для наших народов западного пути развития выступает исходной препозицией для проектирования союзного будущего. Однако следует отметить, что научных данных, подтверждающих данный тезис, не существует. Т. е. отказ от либерального проекта произошел не по объективным причинам (неспособности наших народов перенять западную модель отношений), а по политическим соображениям правящего класса.

Социальный проект должен содержать, во-первых, относительно детальное описание конечного результата (абстрактную модель будущего), во-вторых, алгоритм действий с помощью которого желаемое состояние будет достигаться.

В основе модели будущего должна лежать объединительная идея, функцию которой в современных обществах выполняют научно-философские концепции, дающие своим последователям смыслы существования и привлекательные перспективы. Две наиболее прогрессивные глобальные теории – либерализм и коммунизм с некоторых пор стали для нас не актуальными. Иной, сходной по силе глобальной концепции человечество еще не придумало.

Пока новая прорывная концепция находится в стадии поиска, заполнить онтологический вакуум призвана местная цивилизационная концепция – евразийство. Ценность цивилизационной концепции заключается главным образом в способности толковать любые действия, идущие в разрез сложившемуся мировому порядку, как проявление самобытной культуры и традиции. В данной парадигме становится абсолютно естественным продвигать концепцию многополярного мира и входить в союзы со всеми, кто готов вместе с нами бороться против «мировой гегемонии запада».

Концепт евразийства прямо или косвенно реализуется в политических и экономических интеграционных проектах постсоветского пространства – Евразийском экономическом союзе, СНГ, Союзном государстве России и Беларуси.

В ходе социального проектирования неизбежно встает вопрос образа будущего – набора более-менее четких представлений о том, что нас ожидает впереди. Образ выступает доминирующей формой восприятия будущего на уровне массового сознания, а значит, обеспечивает народной поддержкой или, наоборот, саботирует выбранный курс развития со стороны населения [1, с. 68–70].

Цивилизационная (евразийская) концепция не позволяет принять в качестве модели и образа будущего атрибутику и жизненные стандарты настоящего развитых стран запада. В противном случае пропадает смысл в цивилизационном барьере и особом пути. Отказ от западных стандартов вынуждает сформулировать и предложить населению некую альтернативу материального благополучия и бытового комфорта. Снижение материальных потребностей может быть идейно мотивировано миссией спасения биосферы, экономии ресурсов для будущих поколений, ставкой на развитие духовной составляющей и ответственностью за судьбу планеты.

II. Идеино-философские проблемы проектирования совместного будущего.

Обсуждая евразийское будущее для Беларуси, необходимо отметить противоречия, в которых находятся между собой евразийская концепция и идеология белорусской государственности.

Противоречия начинаются с отправного тезиса евразийства, в котором Россия рассматривается, как наследница и продолжатель империи Чингиз-хана, а Европа – как вечный и непримиримый враг [2; 3, с. 454, 585–586, 659–660.]. В белорусской историографии успешное противостояние Орде является предметом национальной гордости, а европейское прошлое рассматривается как «золотой век» истории. Т. е., концептуально Беларусь не может однозначно рассматриваться как априорная часть евразийской цивилизации, являя собой более позднее российское приобретение, отобранное у Европы в XVIII в. одновременно с Польшей, Прибалтикой и Финляндией.

Следующее противоречие заключается в оценке советского периода общей истории и роли большевиков. Отцы-основатели евразийства считали власть большевиков актом «европеизации» и ухода от евразийской традиции [4]. Однако именно советскому проекту белорусы обязаны обретением государственности и формированием белорусской современной нации. Современные белорусы говорят, преимущественно, на русском языке, живут в городах советской постройки, в советской системе берет начало культура социальных отношений [5; 6].

В момент обретения суверенитета белорусы сделали однозначный выбор в пользу постсоветской интеграции. Однако, накопленный опыт политической субъектности и неоднозначность мировых политических процессов, заставляет более осмысленно отнестись к выбору собственной перспективы.

Геополитически современная Беларусь – типичное «буферное государство», важной задачей которого является разделение крупных образований, между которыми не желательна непосредственная граница. Беларусь выступает в роли страны и культуры, сглаживающей противоречия между Европой в лице НАТО, с одной стороны, и Евразией в лице России – с другой. В 30-х годах прошлого века роль буферного государства между СССР и Германией играла Польша. Как известно, с исчезновения Польши началась Вторая мировая война.

Главная идея евразийства – враждебность и противопоставление себя западу, глобализации и сложившемуся мировому порядку. Политическое поведение современной России демонстрирует приверженность данной идее. Такой подход противоречит культурно-политической установке Беларуси на мир и добрососедство.

Культивирование враждебности к западной культуре, плодами которой пользуется все человечество, включая самих евразийцев, вызывает противоречия на уровне этики.

Утверждение о неспособности или чуждости для братских народов России и Беларуси западных ценностей и западного пути развития представляется фактически обвинением в психической, культурной или даже расовой неполноценности наших народов.

Глобализация и интеграция на разных уровнях и в разных форматах являются общемировым трендом, посредством которого население земли получает возможность правомерно использовать по отношению к себе термин «человечество». И Беларусь не может остаться в стороне. Однако приходится понимать, что интеграционные процессы весьма противоречивы и разнонаправленны, и делать выбор в пользу тех или иных интеграционных проектов следует взвешенно и в высшей степени осознанно.

Список литературы

1. Кравцов, О. Ю. Образ будущего евразийской цивилизации: анализ, диагноз, прогнозика / О. Ю. Кравцов // Педагогическая наука и образование. – 2019. – № 4 (29). – С. 68–74.
2. Савицкий, П. Н. Евразийская концепция русской истории [Электронный ресурс] / П. Н. Савицкий. – 2020. – Режим доступа: gumilevica.kulichki.net/SPN/spn11.htm. – Дата доступа: 12.02.2020.
3. Беляков, С. С. Гумилев сын Гумилева : биография Льва Гумилева / С. С. Беляков. – М. : АСТ, 2013. – 797 с.
4. Савицкий, П. Н. Евразийство [Электронный ресурс] / П. Н. Савицкий. – 2020. – Режим доступа: gumilevica.kulichki.net/SPN/spn11.htm. – Дата доступа: 22.02.2020.
5. Кравцов, О. Ю. Белорусский национальный проект как образец советского национализма / О. Ю. Кравцов // Фарміраванне беларускай дзяржаўнасці ва ўмовах геапалітычных зрухаў XX ст. : матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Мінск, 29–30 ліст. 2018 г.). – Мінск, 2018.
6. Кравцов, О. Ю. Историческая память как механизм формирования и управления обществом / О. Ю. Кравцов // Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26–27 сент. 2019 г.). – Минск, 2019.

Е. А. Криштапович, О. А. Стаценко

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск,
noe_1776@mail.ru)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ ИНТЕГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

На постсоветском пространстве информационное противостояние ведется не первый десяток лет. «Оранжевая революция» на Украине привела к системному хаосу в общественно-политической жизни страны и резкой поляризации общества. В реальности страна оказалась под внешним управлением со стороны США погрузилась в состояние социально-экономического хаоса. Невнятная информационная и идеологическая работа украинских властей привела к тому, что машина западной пропаганды заработала в полную силу. Как итог многие представители молодежи стали считать себя частью «цивилизованного европейского общества», находящегося на передовой противостояния «варварскому русскому миру» [1, с. 159].

Важнейшей составляющей таких «революций» стала практика объединения наиболее радикальных групп на основе этнической или национальной принадлежности. В Грузии и в Украине отличительной особенностью подобных движений была их явная антироссийская направленность. При этом ядром актива для уличных акций подчас становились именно националисты, а в руководстве оппозиции тон задавали либеральные политики. С технологией разжигания агрессивной этничности был связан и другой основополагающий механизм «цветных революций» – воздействия на чувства и эмоции людей. Он заключался в переносе политического смысла на моральные категории – справедливость, свобода, дружба, верность, борьба добра со злом [2, с. 122]. Придание революционной «патетике» патриотического ореола способствовало эффекту эпидемии чувств, что в итоге приводило к многократному увеличению числа сторонников «цветной революции».

В контексте разговора о цветных революциях неправильно было бы не упомянуть о последней попытке разжигания такого конфликта на постсоветском пространстве. В начале весны 2017 года массовые протесты практически одновременно вспыхнули в Беларуси, России и Кыргызстане. В Минске 25 марта прошел несанкционированный митинг, приуроченный к «Дню Воли», связанному с провозглашением БНР. В Бишкеке в тот же день у здания Госкомитета национальной безопасности состоялась несанкционированная акция протеста против существующей власти.

Какими общими чертами были наделены эти акции протеста? Во-первых, каждая из них была провокацией. В каждой из стран организаторы протестов взывали к свободе собраний, хотя во всем мире принято договариваться с государством о проведении массовых мероприятий. Кроме того,

оппозиционные структуры намеренно подставляли людей под дубинки и подстрекали власть применить насилие.

Во-вторых, митинги были не мирными. В Кыргызстане взбудораженная толпа начала бросать бутылки с зажигательной смесью в милицейский кордон. В Беларуси организаторы «Дня Воли» готовили для «мирного протеста» зажигательные смеси, гранаты, взрывчатку; устраивать в Минске «революцию» ехали «эксперты» из Украины.

В-третьих, и в Беларуси, и в Кыргызстане, и в России провокации с незаконными митингами организовывала прозападная оппозиция, выступающая против Евразийской интеграции. В Беларуси, в частности, акции протеста под бело-красно-белыми флагами БНР и гербами «Пагоны» организовывали радикальные белорусские националисты, имеющие отделения в Польше и Вильнюсе и живущие на американское финансирование из фондов Госдепартамента и USAID.

Главный внутривнутриполитический тезис людей, придерживающихся этой идеологии, – русские и белорусы друг другу не братья, а русский язык должен быть лишен статуса государственного. Главный внешнеполитический тезис – Беларусь должна отказаться от Союзного государства с Россией, выйти из ЕАЭС и ОДКБ. В России вдохновитель протестов А. Навальный – выпускник Йельского университета по стипендиальной программе Yale World Fellows – долгое время пытался опираться на русский национализм. Он борется за введение визового режима со странами Средней Азии и Закавказья, что автоматически означает отказ России от всех интеграционных проектов с другими бывшими советскими республиками.

Можно утверждать, что странам ЕАЭС готовят политическую дестабилизацию, цель которой – ее развал. В каждой из стран дезинтеграторы пользуются удачно подвернувшейся внутривнутриполитической конъюнктурой, чтобы вывести людей на улицы, сделать «играющую» фото- и телекартинку «преступлений кровавого режима» и развязать уже по-настоящему массовые протесты по образцу украинского евромайдана.

Таким образом, главной целью информационной войны Запада является организация цветных революций для формирования нового миропорядка и ослабление постсоветского интеграционного проекта.

Список литературы

1. Коровин, В. М. Третья мировая сетевая война / В. М. Коровин. – СПб. : Питер, 2014. – 352 с.
2. Толстик, И. А. Формирование информационного обеспечения реализации суверенитета государства в системе интеграционных объединений / И. А. Толстик. – Минск : Право и экономика, 2016. – 251 с. – (Серия «Мировая экономика»).

Л. Е. Криштапович

(Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск,
levkrishtapovich@gmail.com)

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ВОЗВРАЩЕНИЕ В СВОЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ

Почему вокруг Союзного государства Беларуси и России, единства наших братских народов разворачивается не только много дискуссий, высказывается не только много различных, зачастую прямо противоположных, мнений, но и ведется масштабная информационная война? Потому что противники Союзного государства прекрасно понимают, что народы, лишенные исторической памяти, утратившие свои цивилизационные характеристики, неспособны ни к какой исторической жизни, оказываются вне исторического времени и пространства, исчезают из истории как народы.

Необходимо уяснить, что без России, без русского народа Беларусь и белорусы давно уже исчезли бы и вместо Беларуси были бы польские крепости, а вместо белорусов – аморфный этнографический материал и польские осадники.

Таким образом, Союзное государство объективно является ключевым вопросом постсоветской действительности для понимания дальнейших перспектив развития наших стран, поскольку выход наших народов на союзную траекторию движения означает их возвращение в свою общерусскую цивилизацию, в свою общерусскую историю. Но возвращение в свою цивилизацию в то же время является возвращением в свою государственность, а следовательно, восстановлением своей независимости и своего суверенитета. В самом деле, если наши народы окончательно возвратятся в свою общерусскую цивилизацию, то тогда все попытки противников Союзного государства навязать Беларуси и России политику продолжения геополитической катастрофы потерпят крах.

Чтобы дезориентировать и деисторизировать сознание наших граждан и тем самым максимально затруднить, а то и вовсе остановить движение наших стран по пути союзного строительства, противники Союзного государства осуществляют подмену цивилизации географией, национально-культурных ценностей наших народов – так называемыми европейскими ценностями. Применительно к Беларуси это выражается в навязывании нашему народу ценностей Великого княжества Литовского и Речи Посполитой как ценностей европейских.

Логика их такова: раз Беларусь в географическом отношении является европейской страной, то, следовательно, она принадлежит к европейской цивилизации и европейской государственности. Отсюда их детсадовское желание сделать из Беларуси восточнославянскую Швейцарию. Но такая

логика абсолютно ошибочна, поскольку никакими европейцами белорусы не станут. В действительности, утратив свою идентичность, они выпадут из Истории как таковой.

От того, что Беларусь в географическом плане относится к европейской территории еще нисколько не вытекает ее принадлежность к европейской цивилизации. Хотя географически Беларусь является европейской страной и, можно сказать, находится в центре Европы, но по своей цивилизационной природе Беларусь представляет собой западный предел общерусской цивилизации. Цивилизационная природа Беларуси – общерусская. Это бесспорный философско-исторический факт, что и зафиксировано в самом этнониме (белорус) нашего народа. Кстати, первые святые православной церкви, заступники Русской земли и покровители русской государственности, сыновья великого князя Киевской Руси Владимира Красное Солнышко Борис и Глеб были наиболее почитаемы в Западной Руси, то есть на территории современной Беларуси. Именно в Гродно на высоком берегу Немана в середине XII века была сооружена церковь в честь Бориса и Глеба, прозванная впоследствии Коложской, как духовный форпост общерусской цивилизации на ее западной границе. Вот почему недопустимо смешивать географию с цивилизацией как при изучении истории и государственности, так и при разработке стратегии развития Беларуси, что постоянно делают белорусские политики, историки и культурологи, не понимающие принципиальной разницы между географическими признаками страны и национально-культурными ценностями народа.

Только признание общерусской цивилизационной природы Беларуси избавит нашу республику от геополитических шараханий и обеспечит самостоятельность белорусского внешнеполитического курса, ибо тогда для западных дипломатов станет ясно, что их попытки навязать Беларуси любые антироссийские, антисоюзные формы партнерства, игнорируя ее общерусскую цивилизационную идентичность, обречены на провал.

Поэтому совершенно неправильно изображать нашу республику как нечто промежуточное между Востоком и Западом, как некий мост между Россией и Европейским союзом. Никто не спорит, что Беларусь должна эффективно использовать свое географическое положение в плане укрепления сотрудничества и безопасности с Евросоюзом, не забывая при этом о своей общерусской цивилизационной природе и вытекающей из этой природы обязанности активно участвовать в межкультурном, междоцивилизационном, межкультурном диалоге между Русской цивилизацией и Европейской цивилизацией, между Русским миром и Западным миром. А это можно эффективно осуществлять лишь при условии создания Союзного государства как одного из цивилизационных центров современного мира.

Здесь важно понять, что общерусская цивилизационная суверенность Беларуси является фундаментом политической суверенности. Не обладая общерусской цивилизационной суверенностью, нельзя обладать и государственным суверенитетом. Геополитическая катастрофа (разрушение СССР) как раз нанесла сильнейший удар по общерусской цивилизационной суверенности наших народов, а тем самым и по государственному суверенитету постсоветских образований.

Возьмем, к примеру, Украину. Разрушив СССР и отказавшись от признания Украины составной частью общерусской цивилизации (напомним книгу бывшего президента Украины Леонида Кучмы «Украина не Россия»), украинская элита тем самым отказалась от цивилизационной суверенности украинского народа, а следовательно, потеряла и государственный суверенитет. Отсюда так называемая «евроинтеграция» Украины, которую исповедуют «украинизаторы». Ядро их состоит из мелких торговцев, чиновников, литераторов, певцов и певичек, представителей многочисленных экспертных сообществ, для которых перспективы такой квазиевроинтеграции сопряжены с выгодами власти и больших денег, даже если все это основано на махровом бандеровском фашизме и повальном разорении народа. Очевидно, что украинской «евроинтеграции» как некоего народного движения не существует, есть только работа преимущественно полунинтеллигенции (от одного берега отплыли, а к другому не приплыли), деятельность эта своекорыстная, эгоистическая, поддерживаемая идеологически, дипломатически, политически, финансово США и Евросоюзом. Об этом откровенно написал бывший министр финансов США Пол Генри О'Нил в открытом письме украинцам, в котором объяснил, что то, что называется Майданом, «было неприкрытым американским вторжением, осуществленным с помощью неправительственных организаций, разведывательных служб, наемников США и представителей ЕС, а также знаменитой цифры, которая была потрачена США на развитие демократии в Украине» [1].

Общерусская цивилизационная суверенность Беларуси – это и есть основа Союзного государства, благодаря которому только и возможно сохранение белорусской нации и белорусского государства, а следовательно, восстановление, обретение реальной независимости и суверенитета Беларуси. Выдающийся немецкий социал-демократ Август Бебель в ответ на славословия своих политических противников в его адрес в сердцах воскликнул: «Старый Бебель, какую глупость ты совершил, что заслужил похвалу врага!». «Белорусизаторы», не утруждая себя анализом своей деятельности, не подозревают, что, похвала закоренелых русофобов в их адрес свидетельство их беспросветной глупости.

Союзное государство Беларуси и России положило начало интеграции на постсоветском пространстве, возвращению наших братских народов в свою общерусскую цивилизацию. В этом и заключается сущность белорусского пути, белорусской модели развития. Белорусский путь – это путь отказа от удельного интереса, от навязываемого «европеизма», путь на интеграцию, на союзный интерес, справедливость, дружбу народов, то есть всего того, что было характерно до геополитической катастрофы.

Список литературы

1. Майдана не было! Было вторжение США: американский экс-министр написал письмо для украинцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://3mv.ru/143985>. – Дата доступа: 27.12.2019.

А. Н. Круглашов

(Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича, г. Черновцы,
a.kruglashov@chnu.edu.ua)

ЕВРОИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В УКРАИНЕ: ДОСТИЖЕНИЯ И ВЫЗОВЫ

В современном мире, переполненном конфликтами и угрозами, одной из важнейших форм адаптации к его вызовам становятся процессы региональной интеграции, которые идут с различным успехом и интенсивностью, практически на всех континентах Земли. Национальные государства, сталкиваясь с многочисленными проблемами современности, стараются преодолеть их путем развития более тесного сотрудничества с другими странами, с которыми их объединяет общность экономических, политических и культурных интересов прежде всего. Эти процессы идут и на постсоветском пространстве, где основными конкурентными проектами стали проекты европейской и евразийской интеграции. Украина с 1990-х гг. сделала свой выбор в пользу европейского интеграционного проекта, при этом сталкиваясь с многочисленными трудностями в его реализации как внутри страны, так и извне <...>. Рассмотрим основные достижения, которые можно отметить на пути Украины к Объединённой Европе, и те проблемы, которые требуют своего решения для его успешного завершения.

Прежде всего, отметим, что евроинтеграционный курс Украины опирается на довольно солидный правовой фундамент, начиная от Закона об основах внешней политики Украины, многочисленных указов Президента Украины и постановлений Кабинета Министров и заканчивая недавним

закреплением курса государства на европейскую и евроатлантическую интеграцию в тексте Конституции. С разным успехом правительство и парламент страны осуществляют процессы евроадаптации национального законодательства, что приближает его правовые нормы к нормам европейского права.

В разноразном диалоге с ЕС страна прошла немалый путь: от формального признания в декабре 1991 г., продолжая подписанием и ратификацией Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, принятием таких важных документов, как Стратегия ЕС по отношению к Украине, и заканчивая длительным и напряженным периодом переговоров об Ассоциации Украины с ЕС. Последние завершились драматическими событиями, ставшими последствиями отказа правительства В. Януковича и Н. Азарова от подписания уже парафированного ими Соглашения об Ассоциации в октябре 2013 г., событиями Евромайдана и Революции достоинства 2014 г. В их результате в 2014 г. Соглашение об Ассоциации было подписано новой властью в Киеве и после достаточно длительного и насыщенного разными сюрпризами процесса его ратификации вступило в силу 1 сентября 2017 г. Кроме интенсификации политического диалога с ЕС и новых возможностей тесного сотрудничества между сторонами, соглашение охватывает детально регламентированный процесс создания Всеобъемлющей зоны свободной торговли между ЕС и Украиной, а также предполагало перспективу безвизового режима для граждан Украины на срок до 90 дней в полугодие [3].

Эта помощь и поддержка Украины со стороны ЕС не ограничивается. <...> Страны-члены и ЕС в целом оказывали и оказывают Украине существенную политическую, материально-техническую и финансовую поддержку, которая крайне важна для страны, находящейся в сложном и уязвимом состоянии. Нужно признать, что годы реализации европейского интеграционного курса в стране не прошли бесследно и в отношении изменений в общественном сознании и идентичности украинских граждан. Все большее количество их признают европейский выбор страны ее основной перспективой и поддерживают курс государства на вступление в ЕС. Эта поддержка уже уверенно перешагнула за 50 % респондентов и достигает 56 % в последние годы. В стране сформировался общественный и элитный консенсус по поводу ее евроинтеграционного пути развития, что не смогли поставить под сомнения и прошедшие в 2019 г. президентские и парламентские выборы.

ЕС продолжает предоставлять Украине разностороннюю помощь в рамках двусторонних отношений и в контексте реализации программы «Восточное партнерство», где именно украинской стороне отводится важ-

ная роль в его осуществлении. Так, например, особенно заметна роль ЕС и стран-членов в осуществлении процессов децентрализации власти в Украине, менее заметна – в других реформах государственного управления и государственной службы, важна она и в политике борьбы с коррупцией, реформах здравоохранения и так далее.

Наряду в этими и рядом других положительных моментов, страна и ее руководство сталкиваются с рядом проблем в успешном осуществлении своего европейского выбора. Среди внутривластных проблем следует выделить следующие. Нередко именно украинская сторона опаздывает или некачественно выполняет взятые на себя обязательства. Например, если в позапрошлом году выполнение соглашения об Ассоциации оценивалось как относительно успешное, а именно запланированное было выполнено более чем на 50 %, то показатели прошлого года едва вышли за 30 % успешности, что показывает негативную динамику и отсутствие воли и умения нового руководства страны надлежаще осуществлять взятые на себя обязательства, в преданности которым оно продолжает уверять своих сограждан и зарубежных партнеров. Не менее сложными выступают процессы государственного управления с точки зрения эффективности претворения в жизнь евроинтеграционного курса в Украине. Выборы 2019 г. явно не принесли ожидаемой политической стабилизации и недавняя смена правительства за менее, чем первый год деятельности новой власти вовсе не помогает успешности ее работы. Важным негативным элементом, сдерживающим успехи страны на путях осуществления необходимых реформ, выступает недостаточное вовлечение гражданского общества и его институтов в процессы государственного управления и контроля за реализацией европейского курса страны. Несмотря на усиление демократических инструментов влияния на власть, широкое развертывание волонтерского движения в стране, диалог и партнерство властей с обществом по ключевым вопросам развития Украины носят несистемный, фрагментированный и оттого недостаточно результативный характер [2].

Среди внешнеполитических проблем выделим такие. В диалоге со странами ЕС остаются нерешенные вопросы, из которых наиболее заметными выступают противоречия между Венгрией и Украиной по вопросам статуса языков национальных меньшинств (а именно венгров в Закарпатье). При общей нацеленности на стратегическое партнерство и даже союзничество, сложным остается диалог с Польшей и Румынией. А пророссийские инициативы президента Е. Макрона ставят под вопрос ряд ожиданий украинского общества от ведущих стран ЕС.

Наиболее важно отметить позицию Российской Федерации, которая в вопросах европейской интеграции Украины <...> является самым серьезным и системным вызовом украинской государственности. <...> И Украине крайне важна поддержка мирового сообщества, в частности, ЕС и НАТО в вопросах обеспечения своей национальной безопасности и защиты собственного суверенитета.

Подводя итоги, отметим, что Украина прошла определенный путь в осуществлении своего евроинтеграционного курса и добилась некоторых успехов [4]. Цена, заплаченная страной за эти достижения, также оказалась очень высокой. Впрочем, эти ставки были установлены не по инициативе самих украинцев. Впереди перед Украиной со стороны ЕС открыта дорога сближения и полноценной, в дальнейшей перспективе, экономической интеграции: от полной реализации режима свободной торговли, к таможенному союзу и так далее. Вопрос о будущем политической интеграции Украины остается открытым, в том числе и в силу недостаточной готовности к этому самой Украины, и немалых проблем в преодолении многочисленных кризисов и вызовов в ЕС.

Список литературы

1. Виклики й інтеграційні перспективи України в контексті російської агресії в Криму та Донбасі: аналіз оцінок зарубіжних аналітиків і експертів / М. С. Кармазіна [та ін.] // Instytut politychnykh ta etnonatsional'nykh doslidzhen' im. I. F. Kurasa. – 2017.
2. Костенко, А. Громадський контроль за виконанням зобов'язань у рамках виконання угоди про асоціацію між Україною та ЄС / А. Костенко // Гуманітарні візії. 5.1 (2019): 19–24.
3. Kruglashov, A. Ukraine Approaching the EU: How Avoid «Fata Morgana» Case / A. Kruglashov Eurotimes. 22 (2017): 307–318.
4. Савельев, С. Передумови поглиблення і прискорення європейської інтеграції України / С. Савельев // Журнал європейської економіки. 5.2 (2017): 111–118.

И. Д. Ксениди

(Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет,
г. Витебск, ksid08@mail.ru)

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ. КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД

Суверенитет и интеграция – два понятия, которые могут быть камнем преткновения в отношениях между странами. Причина – асимметрия норм и практик в накопленных политических идеях и ценностях. Найти компромисс, это практически найти способ отказаться от части своего, иногда даже с просчитыванием ходов «сохранения лица». Один из вариантов, – это пересмотр понятий, на которых держатся те или иные политические идеи и ценности.

Различные страны представляют собой различные количественно-качественные преобразования одних групп индивидов в другие. Фактически

каждая страна – это самостоятельная совокупность индивидов с отражением индивидуальным норм и практик. И, по большому счету, само понятие «страна» нельзя размежевывать с понятием «индивид».

«Смертная казнь»: в последнее время вокруг данного понятия сформировалась оживленная дискуссия. По одному из существующих определений, «смертная казнь» – это лишение человека жизни в качестве наказания, узаконенного государством и осуществляемого по вступившему в силу приговору суда или по решению иных государственных или военных органов. Обращает на себя внимание словосочетание «в качестве наказания». Очевидно, наказание за преступление. Именно это и является слабым местом сторонников данного вида возмездия. А совершал ли человек преступление? Не станет ли он побочной жертвой чужого проступка?

Следует отказаться от рассмотрения понятия «смертная казнь» через призму наказания и рассмотреть данное понятие в плоскости выше обозначенных понятий «страна» и «индивид».

Смертная казнь, по факту, это прерывание жизнедеятельности. Если воспользоваться комплексным подходом, то мы увидим, что употребление пищи, война и т. д., напрямую связаны с прерыванием жизнедеятельности. Давно уже замечена парадоксальная ситуация – отдельно взятый индивид, случайно или умышленно прервав жизнедеятельность кому-то, в одном случае – подвергается преследованию, в другом – считается героем, в третьем – вообще никак не комментируется. Безусловно, каждый может возразить: одно дело в быту, другое дело на войне, третье дело – животному, при приготовлении пищи. Но почему так происходит?

Каждая страна это совокупность отдельных индивидов. Сложившаяся привилегия на факт прерывания жизнедеятельности у совокупности индивидов, позволяет им регламентировать оценку поведения и статус отдельно взятого индивида.

Это отмечается на некоторых примерах:

- статус охотника, рыбака, лесоруба и т. п., индивид получает при соблюдении определенных границ поведения, иначе объявляется статус браконьера;

- перестраивая окружающую среду под свои потребности, индивид изменяет взаимодействия живых организмов между собой и с их средой обитания. Все это приводит к прерыванию жизнедеятельности все больших и больших живых организмов, что заставляет устанавливать некоторые границы поведения индивидов по отношению к окружающей среде обитания;

- ритуальный убой живых организмов для употребления в пищу (например, согласно иудейским традициям «Шхита»), и/или употребление в пищу отдельных живых организмов (например, согласно мусульманским традициям «Халаль»), а также современные требования гуманного заботы

скота, как в пищу, так и в использование в быту, и т. д., приветствуется в строго установленных границах, при несоблюдении – осуждается;

- статус комбатант индивид получает при соблюдении определенных границ поведения в военных действиях, причем, для этих целей, им предоставляются различные механизмы и технологии, а также, данные границы всячески приветствуются и воспитываются различными наградами и вниманием, иначе данному индивиду объявляется статус военного преступника;

- статус сотрудника полиции (милиции) индивид получает при соблюдении определенных границ поведения во время службы в рядах системы государственных служб и органов по охране общественного порядка, причем, для этих целей, им предоставляются различные механизмы и технологии, а также, данные границы всячески приветствуются и воспитываются различными наградами и вниманием, иначе данному индивиду объявляется статус превысившего полномочия;

- самосуд это расправа над реальным или подозреваемым преступником, зачастую заканчивается прерыванием жизнедеятельности последнего. Поэтому здесь четко обозначены границы неприменимости данного вида поведения;

- медицина не относится напрямую к прерыванию жизнедеятельности, напротив, она всячески призвана исключить данный конечный результат, но от врачебных ошибок никто не застрахован. Поэтому даже в этом виде поведения индивида есть определенные границы, норма – «не навреди»;

- аборты. Этот вид прерывания жизнедеятельности не имеет единой оценки и подлежит отдельному обсуждению, но есть стремление ограничить сроком и/или весом плода;

- суицид как преднамеренное прерывания своей жизнедеятельности, рассматривается в каждом конкретном случае отдельно, оценку и статус самоубийство, самопожертвование, ритуальное самоубийство и т. д., каждый индивид получает отдельно;

- статус убийцы индивид получает, если выйдет за границы так называемых «норм самообороны». Интересный момент при этом наблюдается: с одной стороны, совокупность индивидов позволяет отдельному индивиду прервать жизнедеятельность другому индивиду при определенных условиях, а с другой стороны, устанавливает границы, превышение которых объявляется особо недопустимым поведением. И что бы как то обозначить особую значимость данных границ, здесь как раз и применяется такое средство воздействия, как прерывание жизнедеятельности (смертная казнь) переступившему эти особо недопустимые границы.

С какими «подводными камнями» мы можем столкнуться после отказа от смертной казни или установки моратория на нее? Каковы могут быть последствия при этом?

Во-первых, повторимся, именно привилегия на прерывание жизнедеятельности дает возможность совокупности индивидов, регламентировать оценку поведения и статус отдельно взятого индивида в данной сфере. Очевидно, отказ приведет к частичной потере возможности контроля и оценки рассматриваемого поведения отдельного индивида. Страна (государство) должна (-но) «застолбить», монополизировать за собой право как данного частного случая, так и всех общих случаев прерывания жизнедеятельности. Иначе появятся всевозможные «лазейки» для нежелательного манипулирования по данной проблематике.

Во-вторых, как упоминалось ранее, страна это совокупность индивидов. Разрыв связи между индивидом и совокупностью индивидов грозит привести к их разобщению. Случайные или умышленные прерывания жизнедеятельности среди отдельно взятых индивидов – явление не редкое. И ответная реакция на такое поведение обязательно должно и нашло отражение в нормах и практиках всех стран. Повторимся, это отражение основано на реалиях жизни. Попытка отказаться от отражения этой реалии может привести к самоустранению совокупности индивидов от отдельных индивидов. Потому что данный отказ превращается в провозглашение намерений, и будет означать строительство параллельной реальности, а не реакцию на поведение. А две одновременно действующие реальности – практическая и теоретическая, рано или поздно приведут к расколу в стране и формированию двух противоборствующих лагерей – «низы» и «верхи».

Таким образом, в первую очередь необходимо вывести понятие «смертная казнь» из статуса наказания и переключиться к комплексному рассмотрению. В результате можем получить такое определение: смертная казнь, это регламентированная реакция совокупности индивидов на поведение отдельного индивида, в соответствии с накопленными нормами и практиками, в форме прерывания жизнедеятельности последнего.

Но все равно мы получаем противоречивую ситуацию: с одной стороны, смертная казнь не служит преградой для преступления, т. к. индивид не думает о наказании во время совершения своего поступка, более того, при осознании, что ему грозит, эмоции могут заставить совершить еще более опасные и отягчающие действия, с другой стороны – мораторий или отказ от смертной казни грозит потерей контроля над всеми вариантами прерывания жизнедеятельности и внесет раскол между совокупностью индивидов (страной) и индивидом.

Поэтому понятие «смертная казнь» необходимо оставить в практике страны, но при этом максимально регламентировать применение. Например, только в военное положение, или автоматически заменять пожизненным ограничением свободы без права амнистии, или многократным по числу пожизненными ограничениями свободы и т. д.

В. А. Ксенофонов

(Военная академия Республики Беларусь, г. Минск, nksena777@gmail.com)

ОБОРОНА СТРАНЫ КАК ПРИОРИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В современных геополитических трансформациях перед человечеством стоит задача обеспечения мира и глобальной безопасности. Сегодня практически ни одно государство мира не может обеспечить свою безопасность только военно-техническими средствами. Важно совершенствовать оборону государства.

Для Беларуси проблема поиска наиболее оптимальных путей обеспечения оборонных возможностей, укрепления основ ее обороноспособности становится приоритетной и имеет стратегическое значение. Решение данной задачи достаточно сложный процесс. Приходится иметь дело с различными показателями: геополитическими, экономическими, научно-технологическими, демографическими, социальными и собственно военными и др., которые характеризуют оборонные возможности и ресурсы государства, уровень его национальной безопасности. Кроме того, стоит учитывать и трансформацию насилия в отношении государства.

Что является сущностным содержанием понятий «оборона», «обороноспособность», «военная мощь» и «оборонные возможности» государства?

Военно-политический словарь под редакцией Д. О. Рогозина трактует: оборона государства (как функция государства) – система политических, военных, социальных, правовых и иных мер государства по недопущению безнаказанного на него нападения со стороны любого агрессора, обеспечению готовности государства к защите от вооруженной агрессии, а также по ее непосредственному отражению, ведению войны, защите населения и территории [1, с. 60]. А обороноспособность государства определена как степень подготовленности государства к защите от агрессии. Складывается из материальных и духовных элементов, выражающих военные, экономические, научные, социальные и морально-психологические возможности государства и народа [1, с. 382]. На наш взгляд, это узкий подход.

Обеспечение обороноспособности государства – важнейшая функция органов государственного и военного управления. Оборонноспособность государства достигается всей совокупной мощью страны, включающей в себя: природные ресурсы, уровень развития экономики и науки, морально-психологическое состояние общества, состояние военной (оборонной) мощи государства и геополитическое положение страны. Чем сильнее совокупная мощь государства, тем объемнее и надежнее его оборонные возможности. При их оценке необходимо исходить из потенциального и реального состояния военной (оборонной) мощи страны.

Сложилось понимание категории «военная мощь» («оборонная мощь»), включающей компоненты: территориально-географический, военно-экономический (ОПК), научно-технологический, мобилизационно-демографический, морально-психологический, военный и геополитический. Исходя из оценки последствий войны, приоритет в современных условиях стал отдаваться не столько подготовке к войне, сколько предотвращению войн и военных конфликтов. Изменилось и понятие «военная мощь», которое трактуется как часть его (государства) материальных и духовных сил, которые могут быть использованы или используются для достижения военно-политических целей. Концентрированным материализованным воплощением военной (оборонной) мощи государства выступают три основных компонента: военная организация государства; уровень развития военных технологий; боевая мощь вооруженных сил (ВС) [2, с. 556].

С категорией «военная мощь» тесно связана категория «военная сила», представляющая собой степень и интенсивность реального воздействия военной мощи государства в политических целях на другое государство, группу стран или систему международных отношений.

В настоящее время ВС должны предназначаться не столько для победы в крупномасштабной или обычной войне, а для ее предотвращения путем устрашения потенциального противника высокой боевой мощью и боеготовностью всех компонентов ВС. Сдерживание агрессии может быть обеспечено лишь при опоре на убедительную демонстрацию как собственно материальной способности применения силы, так и готовности руководства государства к ее применению в целях предотвращения войн и военных конфликтов, угрожающих оборонной безопасности страны. В Военной доктрине страны «применение военной силы рассматривается как крайняя мера после исчерпания всех возможностей принятия дипломатических, политических, информационных, идеологических, экономических, правовых и других мер по обеспечению военной безопасности Республики Беларусь» [3, ст. 15].

Сущность понятия «оборонная возможность» исследована недостаточно. Возможность и действительность – соотносительные понятия, характеризуют две основные ступени в становлении и развитии любого предмета или явления. Оборонным возможностям, как и военной мощи государства, присущи два состояния: абстрактная, или формальная возможность (для осуществления которой нет всех необходимых условий), и реальная (обладающая для своей реализации всеми необходимыми условиями) возможность [2, с. 561]. Изменение совокупности условий определяет переход абстрактной возможности в реальную, а последняя превращается в действительность. Оборонная возможность, по мнению ученых ВА РВСН, – это уровень удовлетворения материальных, духовных, научно-технических и других потребностей обороны страны на данном этапе времени или

на неопределенную перспективу с учетом внутренней и международной геостратегической ситуации [2, с. 561].

Учитывая, что цели и задачи обороны страны из традиционной – военно-политической сферы перешли в информационную и экономическую, существует необходимость уточнения подходов к ее обеспечению. Это обусловлено активным использованием невоенных средств воздействия на государства. Разделяем подход аналитиков АВН, что оборона – это государственная система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер нейтрализации межгосударственных враждебных действий по отношению к государственной экономике, политике, национальному достоянию и социальному капиталу, в том числе – и отражение вторжения и разгром врага в ходе вооруженной защиты [4, с. 6].

Целями обороны страны должны стать не только защита суверенитета государства и государственной власти, территории и даже национального достояния, а также защита социального капитала и национального богатства. Ученые АВН в национальное достояние включают: культуру; самосознание; язык; традиции, обычаи, уклады; экономику. В социальный капитал – нормативно-ценностную систему психологического воспроизводства; нормативно-ценностную систему организации общественного порядка; интеллектуальный капитал нации; национальный образ жизни; нормативно-ценностную систему воспроизводства. А в национальное богатство – природное богатство, национальное имущество, демографическое богатство [5, с. 48].

Обороноспособность государства, его военная мощь и оборонные возможности – тесно взаимосвязанные понятия, влияние которых на оборону страны непосредственно зависит от характера и масштаба реальных и потенциальных угроз; военного потенциала; материальных и духовных возможностей страны, межнационального и межконфессионального единства общества и морально-психологической готовности населения к защите Отечества; способности политического и военного руководства эффективно использовать имеющиеся возможности для обороны государства.

Современные условия требуют нетрадиционного подхода к вопросу обороны государства, заключающегося в понимании методологии различных видов агрессивных, насильственных (прямых и непрямых), а также недружественных действий в отношении страны; в рациональном использовании всех возможностей государства и гражданского общества для выявления и отражения любых форм агрессии и насильственных действий во всех видах оборонного пространства.

Список литературы

1. Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь / под общ. ред. Д. О. Рогозина. – М. : Вече, 2011. – 640 с.
2. Ососков, Г. В. Философско-политологические и исторические аспекты военного управления : учеб. / Г. В. Ососков, А. О. Деркачев, Б. Л. Беляков. – М. : ВА РВСН им. Петра Великого, 2015. – 583 с.

3. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 20.07.2016 № 412-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2016.

4. Гареев, М. А. Дискурс: Методология и практика совершенствования стратегического руководства обороной страны с учетом характера будущих войн и вооруженных конфликтов / М. А. Гареев, Е. А. Дербин, Н. И. Турко // Вестн. АБН. – 2019. – № 1 (66). – С. 4–13.

5. Дербин, Е. А. О совершенствовании стратегического руководства обороной России / Е. А. Дербин // Вестник АБН. – 2019. – № 2 (67). – С. 46–52.

Е. Г. Кудрицкая

(Брестский государственный технический университет, г. Брест,
helenkudrizkaya@mail.ru)

МОДЕЛЬ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В РАМКАХ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

На сегодняшний день, институциональная парадигма предполагает рассматривать образовательный процесс как государственно организуемое и нормируемое явление, поэтому совершенствование и обновление всей системы образования Беларуси исходит, прежде всего, из национальных интересов и потребностей экономики страны, с учетом основных тенденций развития единого образовательного пространства. В данной ситуации стратегическая цель высшего образования – сформировать качественную систему образования, в полной мере отвечающую потребностям инновационной экономики и принципам устойчивого развития.

Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года «предусмотрено выведение системы образования Беларуси на уровень, соответствующий мировым стандартам» [1, с. 33].

Мировая практика, учитывая высококонтактность образовательных услуг, показывает, что основной конкурентной стратегией в нынешних условиях является ориентация на качество. Под менеджментом качества в образовании понимается планомерное воздействие на всех этапах на факторы и условия, которые обеспечат формирование будущих качественных специалистов, полноценно использующих свои знания, навыки и умения.

В современных условиях учреждения образования, оказывающие образовательные услуги, сталкиваются в своей деятельности со следующими проблемами:

- в связи с непостоянством рыночной конъюнктуры происходит неравномерное насыщение специалистами разных профилей;
- спрос на специалистов носит непостоянный характер;
- государство сталкивается с проблемой распределения выпускников, так как не может полностью контролировать рынок труда;

- большая конкуренция на рынке образовательных услуг;
- использование устаревших методик обучения снижает эффективность образовательных процессов;

По мнению В. И. Шевченко, при создании СМК «некоторые учреждения высшего образования стараются свести к минимуму число процессов, стремясь упростить систему, теряя при этом возможность действительно управлять всеми видами деятельности на всех уровнях управления. Другие, наоборот, чрезмерно дробят свою деятельность, излишне перегружая систему менеджмента качества второстепенными процессами, в малой степени влияющими на качество деятельности учреждения высшего образования. И то и другое приводит к неэффективному менеджменту» [2, с. 8].

Существует много моделей менеджмента качества высшего образования, и в разных странах, исходя из национальных требований, сложившихся традиций и предпочтений реализуют разные подходы, обеспечивающие качество образовательных услуг. В Республике Беларусь, образовательные учреждения, которые стремятся усовершенствовать свою систему, разрабатывают и внедряют у себя в организации систему менеджмента качества ISO 9001, подтверждая, тем самым, соответствие СМК стандартам серии ИСО 9000 и ее сертификацию в национальном органе. Это модель, отличается от многих других моделей, использующих методологию TQM (системы менеджмента качества). Данный стандарт, обеспечивающий системный подход к качеству образования, разработан Международной Организацией по стандартизации. Этот стандарт помогает решить многие проблемы, связанные с управлением, а самое главное – позволяет улучшить качество услуги и тем самым способствует повышению уровня удовлетворенности потребителя.

Внедрение данной системы качества в области образования дает возможность реализовать следующие цели:

- внутренние: повышение успеваемости студентов в образовательном процессе; реорганизовать систему управления и развитие инфраструктуры учебного заведения; введение в учебную программу новых специальностей и специализаций; введение новых образовательных технологий и создания благоприятных условий обучения; повышение уровня профессионализма преподавательского состава; оптимизация образовательного процесса;

- внешние: повышение престижа вуза и его конкурентоспособности среди учебных заведений своего профиля; расширение рынка потребителей – абитуриентов, с одной стороны, и организаций – работодателей, нуждающихся в молодых специалистах, с другой стороны; постоянная ориентация на конъюнктуру рынка специалистов;

Внедрение системы менеджмента качества по стандарту ISO 9001 происходит поэтапно. Разработанный на основе многолетнего опыта и огром-

ного количества организаций самых разных профилей, он четко регламентирует все мероприятия, которые проводятся в ходе разработки и внедрения системы менеджмента качества.

В Республике Беларусь с 01.03.2016 введена в действие новая версия государственного стандарта СТБ ISO 9001-2015 (идентичен международному стандарту ISO 9001:2015) взамен государственного стандарта Республики Беларусь СТБ ISO 9001-2009 (постановление Госстандарта от 14.12.2015 № 58). Внедрение новой системы менеджмента и переход на новую версию стандарта был осуществлен до 14 сентября 2018 года» [3].

Применение установленных на международном уровне правил оценки соответствия СМК требованиям этих стандартов обеспечивает признание и является гарантом качества в учреждениях, имеющих сертификат соответствия на СМК. Они получили широкое распространение в мировой практике менеджмента качества, в том числе в сфере образования. В мире на «соответствие стандарту ISO 9001:2008 сертифицировано более 20 тысяч СМК учреждений образования» [2, с. 7].

Требования к системе менеджмента качества, установленные в новой версии Международного Стандарта, являются дополнительным к требованиям предыдущих версий. В основе ее деятельности используется признанный в мировой практике процессный подход, который реализуется посредством кругового цикла Plan-Do-Check-Act (Планируй-Делай-Проверяй-Действуй), основанного на оценке рисков. Опираясь на принципы системного подхода, лежащий в основе всей системы менеджмента качества процессный подход позволяет организации планировать ее процессы и их взаимодействие, тем самым улучшать систему. Цикл «PDCA гарантирует, что ее процессы обеспечены ресурсами и управляются надлежащим образом, а наличие внутренних механизмов анализа и оценки функционирования системы направлены на совершенствование и возможность управлять качеством научных исследований и других видов деятельности» [4].

Преимуществом процессного подхода является то, что он дает возможность рассматривать участников образовательного процесса в рамках деятельности, формирующей личность. Любая деятельность – это соединение внутренних и внешних поведенческих действий и операций. Это позволит учебному заведению четко распределить обязанности и ответственность за выполнение работы, унифицировать процессы обучения, их согласованность действий. Диагностика, своевременное выявление и устранение недостатков будут способствовать улучшению социально-психологического климата и тем самым повышению подготовки качества специалистов.

Все это подтверждает обоснованность утверждения того что действующая модель СМК является наиболее приемлемой для учреждений выс-

шего образования Республики Беларусь. Дальнейшая перспектива развития учреждений высшего образования находится в прямой зависимости от усовершенствования системы, гарантирующей качество образовательных услуг и способной обеспечить конкурентоспособность белорусских учебных заведений в Европейском пространстве высшего образования.

Список литературы

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] : протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 2 мая 2017 г. № 10. – 2020. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by>. – Дата доступа: 15.02.2020.
2. Шевченко, В. И. Система менеджмента качества учреждения высшего образования: формирование структуры процессов и оценка функционирования : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / В. И. Шевченко ; Бел. гос. экон. ун-т. – Минск, 2017. – 25 с.
3. Политика по переходу на СТБ ISO 9001-2015 // Нац.-правовой Интернет портал [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava>. – Дата доступа: 07.02.2020.
4. Горбунов, А. Международный стандарт системы менеджмента качества-требования [Электронный ресурс] / А. Горбунов // Практический менеджмент качества онлайн. – 2020. – Режим доступа: www.pqm-online.com. – Дата доступа: 10.02.2020.

А. И. Курадовец

(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,
kuradovec1951@mail.ru)

БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Фундамент российско-белорусских торгово-экономических связей в основном был создан в период существования Советского Союза, когда в Республике Беларусь были заложены основы индустриализации, построены промышленные гиганты союзного значения, образованы ряд НИИ и НПО.

В настоящее время существует определенная зависимость устойчивости функционирования национальной экономики Республики Беларусь, ее финансово-денежной системы, темпов роста ВВП, выполнения отдельных социальных программ от происходящих социально-экономических и политических процессов в Российской Федерации. Основными аргументами являются следующие:

- Основополагающий рынок сбыта. На российском рынке реализуется значительная часть белорусских экспортных товаров, достигая в последние годы более 40 % в общем объеме экспорта Беларуси.

- Определяющий поставщик отдельных товарных позиций в Беларусь. Особенностью внешней торговли Республики Беларусь с РФ является боль-

шой объем отдельных российских товарных позиций в воспроизводственных процессах национальной экономики, достигая по отдельным из них в некоторых отраслях почти 100 % потребностей, при пороговом значении, с точки зрения обеспечения экономической безопасности, в пределах 30–40 % из одного источника. Еще одной важной особенностью российско-белорусских торговых отношений является устойчивое отрицательное торговое сальдо на протяжении последних лет, достигая до 7–8 млрд долларов (2019 год – 8,414 млрд долларов) [1].

Практически до 2020 года РФ являлась единственным поставщиком нефти и газа в Беларусь, ежегодно поставляя более 18 млн тонн нефти и 19 млрд кубических метров газа [2]. В силу этого перекрыть такие весомые объемы импортных поставок альтернативными источниками является весьма проблематичным, что создает определенные риски для нормального функционирования всей национальной экономики.

- Основной кредитор и инвестор. В настоящее время Россия является основным «финансовым донором» Беларуси, как по линии инвестиций и предоставления кредитов, так и по другим видам финансовых инструментов социально-экономического развития. Помимо вышеперечисленных способов оказания финансовой помощи Беларуси со стороны РФ, активно используются некоторые косвенные методы, связанные с более низкими ценами на поставляемые из России товары в адрес Республики Беларусь (нефтепродукты, газ, отдельные комплектующие и продукция ВПК). Так, в общем объеме поставляемой нефти сырой на территорию Республики Беларусь для внутреннего потребления 6 млн тонн поставлялись без взимания таможенной пошлины, а остальная часть поставлялась по более низким чем существовавшие на данный момент мировые цены (в пределах 385 долл. США за 1 тонну, что составляло около 83–84 % от мировых котировок). Реализация же нефтепродуктов на мировом рынке позволяла Республике Беларусь ежегодно получать примерно 1,2 млрд прибыли [3].

- Стратегический партнер в научно-технической и оборонной областях. Фундамент данного сегмента торгово-экономических связей был заложен в советское время, когда существовали весьма тесные научные контакты, специализация и кооперация в области НИОКР. В рамках функционирования Союзного государства и интеграционных процессов в ЕАЭС были выделены определенные финансовые ресурсы и разработаны соответствующие совместные научно-технические программы. Однако реализованы были только отдельные из них.

- Приоритетный рынок миграции. Наличие в настоящее время определенной нормативно-правовой базы в области миграционной политики между РФ и Республикой Беларусь, существующие различия в уровне заработных плат, отсутствие визовых и таможенных формальностей, языкового

барьера, имеющиеся общие историко-культурные ценности создают благоприятные условия для миграции белорусских трудовых ресурсов на российский рынок.

Нам представляется, что в современных российско-белорусских торгово-экономических связях просматриваются определенные внешнеторговые риски для Республики Беларусь, которые состоят в том, что РФ может оказывать существенное воздействие на протекание социально-экономических процессов в Республике Беларусь, использовать экономические рычаги для достижения определенных политических целей. Данное утверждение базируется на следующих аргументах:

1. Асимметричная зависимость. Критически большая зависимость отдельных отраслей и производств от состояния конъюнктуры российского рынка и противоположной зависимости воспроизводственных процессов белорусских предприятий и функционирования национальной экономики в целом от поставок из РФ.

2. Налоговый маневр. Весьма чувствительным для отдельных отраслей отечественной экономики и большие риски с недополучением валютной выручки, пополнения государственного бюджета Республики Беларусь могут возникнуть в связи с налоговым маневром, который планирует в ближайшие годы осуществить РФ.

3. Российская политика импортозамещения. Введенные санкции со стороны западных стран в отношении России, события в Украине вынудили РФ активно осуществлять политику импортозамещения, которая полностью соответствует, прежде всего, национальным интересам России. Особенностью данной политики является полностью российское производство без привлечения к ее осуществлению своих союзников, в том числе и Республики Беларусь. В силу этого, Россия начала создавать отдельные производства, дублирующие белорусских производителей, особенно в области ВПК.

4. Неравные условия хозяйствования в рамках союзного государства. Отсутствие равных условий хозяйствования, доступа к рынкам товаров и услуг при обострении конкуренции на рынках ЕАЭС существенно влияет на конкурентоспособность белорусских товаров на российском рынке. Суть данного утверждения состоит в том, что белорусские товаропроизводители потребляют энергоносители по более высоким ценам чем российские, что сказывается на общих издержках производства и, как следствие, на конечной цене их продукции.

5. Кредиторская задолженность России. Большая задолженность Республики Беларусь российской стороне, которая с учетом налогового маневра и выплат, связанных с кредитованием АЭС, в будущем может достичь до 70 % ВВП [9]. Уязвимость белорусской экономики в данном разрезе состоит в том, что государственный внешний долг составляет 16,9 млрд

долларов, а ежегодное обслуживание оценивает в пределах – 3,2–3,5 млрд долл. США [4].

Вышеперечисленные обстоятельства требуют принятия со стороны Республики Беларусь соответствующих мер по минимизации потенциальных рисков и внешнеэкономических угроз, которые могут возникнуть из-за осложнения взаимоотношений с Российской Федерацией.

Список литературы

1. Товарооборот Беларуси и России в 2019 году снизился [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://milknews.ru/index|tovarooborot-rf-rb.html>. – Дата доступа: 15.02.2020.
2. Беларуси придется слезть с российской финансовой иглы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://naviny.by/article/20181130>. – Дата доступа: 06.02.2020.
3. Какие еще маневры стоит ожидать Беларуси от России? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/economics/620239.html>. – Дата доступа: 17.02.2020.
4. Госдолг Беларуси: объемы, динамика и прогноз на 2020 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nbrb.by/statistics>. – Дата доступа: 12.02.2020.

O. A. Kuchinsky

(Academy of Public Administration, Minsk, kucholeg@tut.by)

REPUBLIC OF BELARUS IN LOW-CARBON ENERGY TRANSITION AND ITS GEOPOLITICAL IMPLICATIONS

The last decade faced fundamental changes in the world energy landscape caused by rapid development of renewable energy sources (RES), primarily solar and wind energy. According to McKinsey's analysts, by 2050 the share of renewables will reach 34 % in the world total primary energy supply (TPES), and 73 % in power generation [1]. The process of transition from fossil fuels to renewables known as energy transition or energy transformation is driven by declining costs, pollution and climate change, renewable energy targets set by national governments, technological innovation, corporate and investor action, and public opinion. Energy transition means not only changes in energy markets but it is believed to bring a bundle of geopolitical implications. In recent report of International Renewable Energy Agency (IRENA), the emergence of a power vacuum in petrostates was stated as potentially the biggest geopolitical risk of the energy transition [2]. Since 2010s renewable geopolitics is also in focus of extensive academic research, the most recent review was published by R. Vakulchuk et al. [3]. This article is dedicated to consideration of geopolitical aspects of energy transition for the Republic of Belarus.

From Soviet period, Belarus inherited developed energy infrastructure as well as developed, but energy inefficient industry. Belarus is not rich in fuel resources, in 2018 only 15,5 % of total primary energy supply (TPES) came from domestic resources (in 2010 – 14,7 %) [4]. Almost all oil and gas are

imported from Russian Federation. The electricity sector in Belarus is a state monopoly; the state production association of electric power industry Belenergo operates Belarusian energy system. In 2019, the total installed electrical capacity in Belarus was 10,098 MW, including 8947 MW belonged to Belenergo.

In recent IRENA's report about geopolitics of energy transformation Belarus was mentioned among the countries most dependent on fossil fuels imports. According to the World Bank statistics, the average share of fossil fuels in all merchandise imports in 2007–2016 in Belarus was about 34 % (in 2018 – 28,9 %) [2].

Belarus is a member of Eurasian Economic Union (EAEU) and the Union State of Russia and Belarus. For many years, it enjoyed relatively low energy prices due to Russian subsidies. At the beginning of 2020, Belarus paid 127 USD / 1000 m³ for gas and 83 % of the free market price. In spite of strategic importance with Russian Federation, tensions between two countries in energy sector regularly appear. They arise from different understanding of integration priorities. For Belarus, the Common energy market of EAEU (that would imply comparable oil and gas prices in Belarus and adjacent Russian regions) is the main priority while Russia insists on deeper integration in other spheres. At the beginning of 2020, Belarus faced a new dispute with Russian on energy issues. It made Belarus look for alternative oil suppliers. In January 2020, Belarus started importing oil from Norway (80,000 t) shipped via Lithuanian port of Klaipeda. Although this oil is likely to be 20 USD / t more expensive than Russian Urals due to high transportation costs this deal might be important for studying energy diversification options and their real costs. In January 2020, President Alexander Lukashenko declared the need to diversify oil exports. According to A. Lukashenko, the share of Russian Federation in oil supplies should be limited to 30–40 %, while 30 % should come via Baltics states and another 30 % from the Ukraine.

Belarus is an important oil and gas transit country between Russia and Europe. The Druzhba pipeline, which crosses Belarus, brings petroleum from Siberia to consumers in Western Europe. Transit of oil and gas enabled the country to earn 150 million USD for oil transit and 476 million USD for gas transit in 2016.

The country is also a relatively large producer of oil products. In Belarus there are 2 oil refineries, NAFTAN, PLC and Mozyrsky Refinery, PLC, both the part of the Belarusian State Concern for Oil and Chemistry (Belneftekhim). Oil refining revenues comprise a very significant part in Belarusian economy. According to the Word Bank data, in 2018 fuel exports accounted for 24,9 % of merchandise exports in Belarus.

In Belarus, there is a special governmental body responsible for energy efficiency issues, the Department for Energy Efficiency of the State Committee for Standardization of the Republic of Belarus. Its main objectives include

pursuing a unified government policy in the field of efficient use of fuel and energy resources, including renewable energy sources. Department for Energy Efficiency collaborates with a number of international organization including World Bank and UNDP/GEF. In 2011, Belarus joined IRENA.

According to information provided by the Department for Energy Efficiency, in 2019 Belarus achieved 3.5 times reduction of energy intensity of GDP compared to the level of 1990, a fact that enables to conclude that the country is carrying out systematic work towards energy transition. This decrease in energy intensity of GDP in Belarus was also accompanied by significant decrease in GHG emissions. According to National Greenhouse Gas Inventory Report (2019) submitted by the country under the United Nations Framework Convention on Climate Change and the Kyoto Protocol, in 2017 GHG emissions in the country were 32.54 % lower compared to 1990 data (without LULUCF sector). In energy sector alone, the reduction made up 41.18 % (the share of energy sector in total emissions is 61.42 without LULUCF sector).

Belarus has high potential of biomass as an energy source (40 % of the territory is covered with forests), medium potential of solar, wind and hydro energy, and very low potential of geothermal energy. The share of renewable energy in TPES was historically very low. The availability of relatively cheap fossil fuels along with high costs of renewables made RE development, especially for power generation, economically not viable, limiting the sector to the use of wood fuels for heat production. The hydropower plant in Osipovichi, Mogilev region (2.175 MW, built in 1953) was one of few examples of renewables for power generation operated by the Soviet Union collapse. The situation has dramatically changed in 2010 with the acceptance of the Law “On Renewable Energy Sources that guaranteed the connection of RE installations to the national power grid owned by Belenergo and stimulated the development of RE sources by feed-in tariffs, taxes, and custom duty reliefs. As a result, in 2018 total renewable electric capacity reached 457 MW compared to 31 MW in 2009.

Today the share of renewables in TPES in 6,2 %, and according to the Concept of Energy Security of the Republic of Belarus it should reach 9 % by 2035. As on 01.01.2020, total electric renewable capacity was 411 MW (156,6 MW – solar PV, 95,3 MW – hydropower, 108,6 MW – wind power, biogas plants – 34,9 MW, wood-fired mini-CHP – 15.5 MW).

Moving towards energy transition will inevitably have multiple implications to all countries, including Belarus, including geopolitical ones.

As mentioned above, energy transition may bring to Belarus a certain reduction of existing dependencies connected with fossil fuels supplies (both in sense of physical volumes and financial expenses).

The same time, the reduction of oil and gas transit flows might reduce geopolitical importance of the country. The decrease in oil and gas transit as well as oil products export revenues will make the country find alternative sources

of income and develop new fossil-free branches of the economy, including renewable energies.

The development of renewable sector will also influence energy security as national security when analyzing in broader context. Author's previous research showed that development of renewable energies in Belarus would influence in more or less degree all dimensions of national security (political, economic, scientific and technological, social, demographical, information, military, environmental) [5]. The scale of these changes will be predominantly local, nevertheless significant reduction in energy dependence of the country due to RE will bring not only purely economic, but also political and geopolitical implications.

Unlike achievements in the field of energy efficiency, the targets that Belarus set in renewable sector might be considered as not ambitious. However, they reflect current economic situation in the country as well as the necessity of NPP integration.

The pace of energy transition in Belarus will also be dependent on similar processes in Russia. If Russian Federation decides to speed up its energy transformation, Belarus as a member of integration association in Eurasia will follow this trend.

References

1. Global Energy Perspective 2019: Reference Case [Electronic resource] // McKinsey. – 2019. – Mode of access: [https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Industries/Oil %20and %20Gas/Our %20Insights/Global %20Energy %20Perspective %202019/McKinsey-Energy-Insights-Global-Energy-Perspective-2019_Reference-Case-Summary.ashx](https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Industries/Oil%20and%20Gas/Our%20Insights/Global%20Energy%20Perspective%202019/McKinsey-Energy-Insights-Global-Energy-Perspective-2019_Reference-Case-Summary.ashx). – Date of access: 23.02.2020.
2. A New World. The Geopolitics of the Energy Transformation: Report by the Global Commission on the Geopolitics of Energy Transformation / IRENA, Abu Dhabi, 11 January 2019.
3. Vakulchuk, R. Renewable energy and geopolitics: A review / R Vakulchuk, I. Overland, D. Scholten // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. – 2020. – Vol. 122. – 109547.
4. Энергетический баланс Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2019. – 153 с.
5. Кучинский, О. А. Влияние возобновляемой энергетики на национальную безопасность Республики Беларусь: опыт комплексного анализа / О. А. Кучинский // *Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Философско-гуманитарные науки*. – 2019. – Вып. 18. – С. 140–151.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Адуло Т. И.</i> Д. И. Менделеев об экономической независимости как действительной независимости государства.....	3
<i>Андрейчик Н. И.</i> Взаимосвязь языка и культуры в межкультурной коммуникации.....	6
<i>Аннаев Д.</i> К вопросу о соотношении права и религии в исламском правоведении.....	9
<i>Антанович Н. А.</i> Дилеммы безопасности, суверенитета и преемственности в политическом процессе.....	11
<i>Аргучинцев Г. К., Старовойтова Л. В.</i> Актуальные проблемы политико-правового регулирования деятельности Евразийского союза....	14
<i>Арлукевич А. Б.</i> Основные направления государственной молодёжной политики в Республике Беларусь на современном этапе.....	18
<i>Арсенович А. Д.</i> Безопасность в образовательной сфере в условиях модернизации современного белорусского общества.....	22
<i>Байчоров А. М.</i> Китайский фактор во внешней политике Республики Беларусь.....	25
<i>Балюк В.</i> Проблемы геополитического выбора и консолидация государств «Новой Восточной Европы».....	29
<i>Барахвостов П. А.</i> Интеграционный процесс в современных условиях: институциональный анализ.....	33
<i>Белявцева Д. В.</i> Перспективы и возможности трансформации региональной политики Республики Беларусь в условиях глобальных интеграционных процессов.....	36
<i>Беляев А. В.</i> Белорусско-российские отношения в оценках российских «фабрик мысли» (контент-анализ за декабрь 2019 г. – февраль 2020 г.)...39	39
<i>Бойко С. И.</i> Союзное государство Беларуси и России: проектирование эволюции.....	42
<i>Болдин В. А.</i> «Скифство» Р. В. Иванова-Разумника (1878–1946).....	46
<i>Борисов Н. А.</i> Региональная идентичность как фактор дезинтеграции государства: случай Донбасса.....	49
<i>Борковская И. Л.</i> Правовая регламентация государственных языков в Республике Беларусь.....	52
<i>Бровка Г. М.</i> Инновационная безопасность в эпоху четвёртой промышленной революции.....	55
<i>Бубнов Ю. М.</i> Почему французы бастуют, а белорусы – нет.....	58
<i>Буховец О. Г.</i> Евразийский экономический союз на геоэкономической карте.....	62

<i>Вардомский Л. Б.</i> Идентичность и интеграция: сравнение СЭВ и ЕАЭС.....	65
<i>Ватиль В. Н.</i> Информационная безопасность государства: современные угрозы и институционально-нормативное противодействие.....	68
<i>Ватиль Н. В.</i> Цифровизация медицины как инновационный элемент обеспечения суверенитета социального государства.....	71
<i>Вечер Л. С.</i> Государственная служба как важный элемент устойчивого государственного развития.....	74
<i>Власюк Н. И.</i> Роль интернационализмов в условиях межъязыкового общения.....	78
<i>Вонсович Л. В.</i> Особенности развития политических систем на постсоветском пространстве и их влияние на характер интеграционных процессов.....	80
<i>Гавриков А. В.</i> Деполитизация населения Республики Беларусь как фактор стагнации поддержки политических партий.....	83
<i>Гарматны В. П.</i> Насаджэнне асадніцтва як спроба інтэграцыі сельскай гаспадаркі Заходняй Беларусі ў народнагаспадарчы комплекс міжваеннай Польшчы.....	86
<i>Го Цзиньлун.</i> Сотрудничество и развитие ЕАЭС и «Пояс и Путь».....	89
<i>Голобородько А. Ю., Камышанская С. С., Понедельков А. В., Стеценко В. В.</i> Историческая память как ценностно-смысловая платформа формирования гражданской идентичности молодежи в контексте национальной безопасности.....	92
<i>Городниченко А. Н.</i> Глобализация в современном мире: новые тенденции конфликтности и нестабильности.....	98
<i>Гуторов В. А., Шириняц А. А.</i> Либеральная традиция в историческом и глобальном измерении: современные дилеммы.....	101
<i>Гуцалюк М. А.</i> Демографическая безопасность Беларуси в контексте идеологии мультикультурализма.....	104
<i>Давлатова Е. В.</i> Национальный суверенитет в эпоху глобализации.....	107
<i>Демидок А. В.</i> Политическая социализация молодежи.....	110
<i>Денильханов А. Х.</i> «Восточный вопрос» в прошлом и настоящем.....	113
<i>Денильханова Р. Х.</i> Глобализационные процессы в современной мировой политике.....	117
<i>Донцев С. П.</i> Государство, армия, церковь в политической системе России и Беларуси в конце XX – начале XXI в.	120

<i>Евстафьев В. А.</i> Стратегия государственной молодёжной политики в аспекте национальной безопасности страны.....	123
<i>Жайворонок А. Б.</i> К вопросу преподавания политологии в современных условиях.....	127
<i>Жмакина Т. В.</i> Основные подходы к анализу аргументации политического дискурса.....	132
<i>Занкевич А. В.</i> Общественный контроль как форма политического участия граждан в государственном управлении.....	135
<i>Захаров А. М.</i> Направления современной диаспоральной политики Республики Беларусь и пути её оптимизации.....	139
<i>Захарова Н. Е.</i> Методологические основания определения понятия «публичное пространство».....	142
<i>Зверева М. С.</i> Проблема гендерного равноправия в работах французских утопических социалистов (А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Э. Кабе).....	145
<i>Зенченко С. В.</i> Миграционная безопасность Республики Беларусь.....	148
<i>Зинченко А. Н.</i> Изменения в миротворческой политике Европейского союза в странах Африки к Югу от Сахары (2003–2019 гг.)	151
<i>Зоткин А. А.</i> Проблема войны и мира в «Анти-Макиавелли» Фридриха Великого.....	154
<i>Ильина Е. М.</i> SWOT-анализ технологии блокчейн.....	157
<i>Илькевич А. П.</i> Основные направления идеологической работы на промышленном предприятии ОАО «БелТАПАЗ».....	160
<i>Иохим А. Н.</i> Победа в Великой Отечественной войне как фактор формирования постсоветской идентичности России.....	163
<i>Кавецкий С. Т.</i> Особенности изучения аномического состояния социума в Беларуси и России.....	166
<i>Калишук В. О.</i> Виды социальных медиа, задействованные в политическом процессе.....	169
<i>Карпинский В. В.</i> Мировоззренческие основания современных технократических утопий.....	172
<i>Касперович Г. И.</i> Концепция национальной безопасности Беларуси о системе информационной защиты национального суверенитета.....	176
<i>Кирвель Ч. С.</i> На пороге смены сверхдолгосрочных циклов в эволюции мировой цивилизации.....	179
<i>Ковалёва И. В.</i> Миграционные процессы и национальная безопасность Республики Беларусь.....	184

<i>Ковальчук О. И., Козлович В. А.</i> Глаголы эмоционального состояния в современном немецком языке.....	187
<i>Казлоў М. В.</i> Лео Штраус і Джордж Оруэл пра палітычнае ў тэкстах...190	
<i>Козыренко Р. Н.</i> Функционалистская теория справедливости М. Нуссбаум и А. Сена.....	193
<i>Комарова И. К., Богдан И. Н.</i> Современные тенденции в развитии международного молодёжного движения.....	196
<i>Комарова И. К., Кибик А. Ю.</i> Геополитические тенденции и энергетические угрозы современного мира.....	201
<i>Короткевич Ж. А.</i> Идея диалога культур в обучении иноязычному общению как способ реализации политики «мягкой силы».....	205
<i>Косорукова А. А.</i> Классический коучинг как коммуникативная технология решения задач.....	209
<i>Костиневич К. И.</i> Совет Республики как субъект политической коммуникации власти и общества в Республике Беларусь.....	211
<i>Котляров И. В.</i> Цивилизационный код как социально-политическая модель будущего.....	214
<i>Кравцов О. Ю.</i> Практико-методологические и идейно-философские проблемы проектирования будущего Союзного государства.....	217
<i>Криштанович Е. А., Стаценко О. А.</i> Информационные вызовы интеграции на постсоветском пространстве.....	221
<i>Криштанович Л. Е.</i> Союзное государство как возвращение в свою цивилизацию.....	223
<i>Круглашов А. Н.</i> Евроинтеграционный процесс в Украине: достижения и вызовы.....	226
<i>Ксениди И. Д.</i> Смертная казнь. Комплексный подход.....	229
<i>Ксенофонтов В. А.</i> Оборона страны как приоритет государственного управления.....	233
<i>Кудрицкая Е. Г.</i> Модель менеджмента качества образовательных услуг Республики Беларусь в рамках формирования единого общеевропейского пространства.....	236
<i>Курадовец А. И.</i> Белорусско-российские торгово-экономические связи: состояние, проблемы и перспективы.....	239
<i>Kuchinsky O. A.</i> Republic of Belarus in low-carbon energy transition and its geopolitical implications.....	242

Научное издание

СУВЕРЕНИТЕТ – БЕЗОПАСНОСТЬ – ИНТЕГРАЦИЯ
КАК КОНСТАНТЫ УСТОЙЧИВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ.
БЕЛОРУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ: МНОГООБРАЗИЕ В ЕДИНСТВЕ

Материалы IX международной научно-практической конференции
(Гродно, 14–15 мая 2020 г.)

В 2 частях

Часть 1

Издаётся в авторской редакции
Ответственный за выпуск: *В. Н. Ватыль*

Руководитель редакции *Е. А. Смирнова*
Техническое редактирование: *Е. С. Франко, М. В. Вахмянина*
Компьютерная вёрстка: *И. П. Зимницкая*
Подготовка обложки: *А. И. Соболева*

Подписано в печать 20.05.2020. Формат 60×84^{1/16}.
Бумага офсетная. Ризография. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 14,65. Уч.-изд. л. 18,0. Тираж 85 экз. Заказ 030

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/261 от 02.04.2014.
Ул. Ожешко, д. 22, 230023, Гродно

ISBN 978-985-582-343-9

9 789855 823439 >